Воссии 25 лет назад началось глобальное реформирование экономики и институтов власти. На рубеже XX–XXI веков мы вновь пережили реформы – судебную, военную, образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения и проч. Реформирование практически тех же сфер жизни наблюдается сегодня. Теперь ясно всем, что мы находимся в движении по замкнутому кругу.

Циклы реформ надстроечных институтов экономики, власти и права свидетельствуют о том, что существует глубинный сбой в базисных установках. Отечественная гуманитарная наука, живущая на бюджетные деньги, не зря ест свой хлеб. Ещё десять лет назад были выявлены пути выхода из системного кризиса, но «глас вопиющего в пустыне» не был услышан. Затянувшийся перестроечный период и хождение по кругу, состояние стагнации и застоя в политической, хозяйственно-экономической, духовной жизни будут продолжаться до тех пор, пока мы не поймём, что:

1) переживаемый кризис – далеко не финансовый, как объясняют его экономисты и политики многих зарубежных стран;

2) человеческое общество подошло к порогу сложения новой философской картины мира и новой исторической формации. Поскольку новое это хорошо забытое старое, то грядущая картина мира естественно вырастает из анализа предыдущего общечеловеческого опыта. Ныне у нас нет революционной ситуации, и преобразования носят парламентский, законодательный характер; эти преобразования должны быть основаны на научных оценках прошлого опыта и ясных перспективах будущего.

Прошедшие выборы в марте 2012 года показали, что программы претендентов на должность главы государства имели один общий знаменатель — социальную заточенность. По существу, обнаружи-

ГРЯДЕТ НОВАЯ КАРТИНА МИРА

вается общий вектор направленности и схожесть устремлений, так что имеется возможность составить универсальную Программу, под которой подписался бы каждый из кандидатов. Однако продолжали действовать старые политтехнологии, правит принцип «разделяй и властвуй», причём каждый кандидат демонстрировал накачку бицепсов. Непримиримость кандидатов, умалчивание партийно-правительственных грехов и нежелание просто покаяться перед народом за содеянное вызывают привычную апатию или раздражение. Что и говорить о кремлёвских мечтаниях, рассыпанных на страницах центральных газет – это мы уже проходили и никого не интересует, что будет через 20 лет.

Универсальная Программа – это не блажь, а веление времени. В то время как все силы общества должны быть нацелены на разбор завалов, образовавшихся в результате асоциальных деяний прошлых лет, призыв к многопартийности показывает узколобость и непонимание задач нового периода в истории России. Пришло время полновесного осмысления цивилизационной миссии России в мировом историческом процессе.

Почему революцию 1917 года называли Великой и её при-

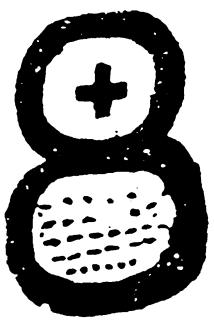

Рис 1. Графема двухчастной Вселенной с писаницы Бэшэгтуу (Забайкалье, поздний неолит – бронзовый век, II-I тыс. до н.э.)

ветствовали посланцы от восточных гуру? Потому что она во главу угла ставила социальный вопрос. Гуру просчитались, коммунисты перспективную идею исказили и скомпрометировали, что привело их к поражению. Ныне вновь остро стоящий социальный вопрос мы должны решать с помощью другого инструментария. Но какого?

На этот вопрос отвечает историческая наука. Человечество в своей истории имело несколько цивилизационных периодов. О них проще всего говорить с помощью графических схем, некоторые запечатлены среди древних наскальных рисунков по берегам сибирских рек. Каждая схема логически связана с предшествующей, а из графемы, соответствующей нашему времени, закономерно выводится искомая следующая.

О самой древней модели мира свидетельствуют юкагирские материалы. Человек ощущал себя познающей самостью внутри неизученного им, непознанного и потому неразделённого пространства – Абсолют Пон. Юкагирское Пон очень близко русскому понятию Природа. Круг, в цен-

Этнополитический и литературнохудожественный журнал

Учредитель: редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора Виктор КАШЛЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор Татьяна ЕГОРОВА

Вёрстка Алексей СЕМУШИН

Корректор Дарья МЕЛЬНИК

Подписано в печать 26 марта 2012 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Свидетельство о регистрации № 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции: 127051, Москва, Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 694-23-24, 694-03-65,

Факс: 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ОАО «Щербинская типография» 117623, Москва, ул. Типографская, д. 10.

Тел.: 659-23-27 Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

Вызов времени

1

Людмила ЖУКОВА Грядёт новая картина мира

Добиваться справедливости

5 Сюзен СКАРБЕРРИ-ГАРСИА Духи на реке (перевод с английского Александра Ващенко)

Вопрос в лоб

Михаил ПЕТРОВ
 Вотчина или Отечество

Привет Якутску

¶ **Д** Андрей ГЕЛАСИМОВ Азарт филолога

Кумиры

Галина БУТЫРЕВА Потому что любишь

Дерзать или лизать

Вячеслав ОГРЫЗКО Сомнительный ориентир

20

Рассказ

35 Сергей КОЗЛОВ Отцы

Ретроспектива

Андрей СМОЛИН Фундамент заложили деревенщики

Эпистолярий

Встреча после похорон: Письма Михаила Плотникова (предисловие, публикация и комментарии Юрия МАНДРИКИ)

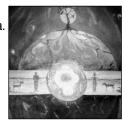
Личность

Галина СКВОРЦОВА- АКБУЛАТОВА Свидетель? Участник?..

Проза

Валентина ВАНУЙТО Я буду любить тебя всегда. Окончание

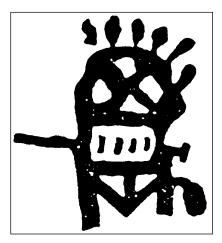

Рис 2. Графема трёхчастной мифологической Вселенной с писаницы Ат-Дабан (Средняя Лена, бронзовый век, I тыс. до н.э.)

тре которого находится познающий человек – вот примерная логическая схема этого древнейшего периода.

Познание мира ребёнком начинается с близкого микрокосма. Так и человек с кормящей, защищающей и дающей жизнь женщиной-матерью отождествлял окружающий мир. В длительный период матриархата человека окружали матери стихий: Земля-мать, Вода-мать, Солнце-мать, Небо-мать. Силы добра в Абсолюте имели женскую природу.

Наблюдения за рождением, ростом и смертью в окружающем мире привели человека к уяснению биологической роли мужчины. Отец и мать на общественном и божественном уровне составили новую мифопоэтическую картину мира. Небо-отец и Земля-мать изображены на скале Бэшэгтүү в Забайкалье периода позднего неолита бронзового века. Небесному кругу с крестом соответствует подпрямоугольник с точками; точки – многозначный символ всего, что есть на Земле (рис. 1). Это и благодатный дождь, орошающий земных мужчин и женщин. Такая мифологическая картина мира запечатлена в украшениях современной мужской и женской одежды юкагиров. В двухчастной Вселенной нет места злу. «Золотой век» в истории человечества!

На следующем этапе женщины по-прежнему лидировали в общественной жизни. Они были посредницамиудаганками между божественным Небом и Землёй, руководили обрядами и празднествами. Себя удаганки начали выделять в отдельную жреческую прослойку общества, что нашло, например, выражение в особой нашивке в центре украшенных передников к распашным кафтанам. На женских передниках впервые появляется модель трёхчастной Вселенной.

В условиях перехода от присваивающего к производящему хозяйству - земледелию и скотоводству, усиления роли и власти воина, мужчина очень быстро заместил женщину в посреднической функции. Удаганки и матриархат всё более уходили в прошлое, устанавливались патриархальные отношения. В Сибири это длительный этап шаманизма с посредником шаманом-мужчиной. В трёхчастной мифопоэтической картине мира женщине была отведена нижняя «чёрная», «нечистая» часть Вселенной – нижний мир мёртвых (рис. 2). Так рождающая мать-Земля превратилась в гонимое презренное начало, надругательство над которым не осуждалось. Эта модель Вселенной лежит в основе всех великих религий, пантеоны богов которых предельно патернизированы, а посредниками являются священнослужители-мужчины.

В атеистической России было провозглашено социальное равенство мужчин и женщин, но по существу была сохранена христианская философская модель. Божественную личность на верхнем уровне сменила личность общественного вождя, посредниками стали коммунисты. Теоретически, в атеистической естественно-научной картине мира нет места злу, но потенциальным врагом могли считать каждого.

Задача настоящего исторического этапа – привести к гармонии общественную

жизнь и изгнать зло из картины мира. Наша Вселенная должна стать двухчастной. Спросите у геологов и горнорабочих – нашли ли они пресловутый «Нижний мир»? Вселенная же беспредельна и где-то есть место Тому, кто выстроил изложенную здесь логическую последовательность пережитых человечеством цивилизационных периодов. Постигая это, мы приближаемся к пониманию замысла и, может быть, стоим на пороге встречи с её создателями, с высшим разу-MOM.

Нужен ли кому-нибудь посредник в общении с бесконечным Небом — пусть каждый решает сам. Этический индикатор должен присутствовать в самом человеке, и воспитание этого является главнейшей задачей. Расширение кругозора знаний, образование и все положительные наработки предшествующего периода вновь займут должное место в российском государстве.

По-видимому, третья попытка установления равновесия и паритета отцовского и материнского начал должна стать успешной.

Универсальная Программа, отвечающая чаяниям всего населения страны, не требует напряжения и вкладывания огромных денежных средств на избирательную кампанию. Не надо кошмарить народ изжившей себя выборной практикой. Коалиционное правительство избирает своего лидера на определённый срок, конечно же, не на 6 лет.

Перестроечный период в России завершается. Восстанавливается притупившееся различие добра и зла, женский символ Земли требует реабилитации и восстановления в её законных правах. Мы стоим на пороге новой длительной счастливой эры взросления и интеллектуального созревания человечества.

Людмила ЖУКОВА

г. ЯКУТСК

В ЗАЩИТУ ЗЕМЕЛЬ И УКЛАДА ЖИЗНИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРОЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В середине декабря 2011 года в Ханты-Мансийске состоялась примечательная конференция в честь 15-й Годовщины Ассамблеи Коренных народов Севера. Местные делегаты, официальные лица и ряд иностранных представителей собрались здесь, чтобы принять участие в сессии под названием «Коренные народы в современном легитимном окружении: проблемы, приоритеты и перспективы», финансированной Думой Ханты-Мансийского Автономного округа. Суть дискуссии касалась способов, с помощью которых ханты, манси и ненцы смогут дальше создавать легальные структуры, В парке Торум Маа

защищающие их исконные земли, и того, каким образом важные проблемы, связанные с сохранением культуры и среды обитания, могут быть распространены на всю Россию и мир в целом.

Проходящая в пору второй Лекалы, Коренных народов

Проходящая в пору второй Декады Коренных народов Мира, учреждённой Организацией Объединённых Наций, эта конференция отличается тем, что отмечает полтора десятилетия организо-

ванного противостояния обычному равнодушию правительства и корпораций к фундаментальным нуждам аборигенных народов. Под руководством Еремея Айпина, Председателя думского Комитета Представителей Малочисленных Народов Севера, стал слышимым голос многих хантов, манси и ненцев. Благодаря участию семидесяти пяти народностей, эта конференция отпраздновала достижения представителей

№ 2 / 2012 5

ДОБИВАТЬСЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

собственных регионов, деревень и стойбищ. Когда хантыйская поэтесса Мария Вагатова заговорила о духах, охраняющих югорские реки, это заставило слушателей задуматься о том, не пристало ли и правительству обратиться к защите целостности священных земель этого края.

В качестве американского делегата я подготовила доклад о решимости аборигенной молодёжи сохранить устные предания. Мои наблюдения в качестве профессора, преподающего аборигенным студентам Института Искусств Американских Индейцев в Санта-Фе, Нью-Мексико, убеждают в том, что коренные народы, погружённые в устные предания, в силах поступательно строить будущее своих общин, ибо коренные наречия содержат корни всех культурных ценностей и основу любых легальных систем. Таким образом, сопоставительный подход к мышлению о законодательных системах для коренных народов США и России требует, чтобы слушатели учитывали древний круг связей и обязанностей, заложенных в языке, образующем основу полезных и прочных законов на пользу народа. Размышляя на эти темы, в первый день конференции, утром хантыйские и ненецкие хозяева повели меня в рощу священных лиственниц, берёз и сосен на одном из семи холмов, где, как верят ханты, началось сотворение мира.

Мы, все девять человек, как одно целое, поднимались на заснеженный священный холм в резком холоде, сознавая, что это странствие ввысь, на край небесного мира, приблизит нас к хантыйским богам. Моим заветным желанием было вновь пройтись по парку Торум Маа, особенно зимой, как теперь, когда мир этот представляется ещё более первозданным и прекрасным. Хозяин, Еремей Айпин (ханты), просил своих сестёр Дарью и Лизу Айпиных, с её

мужем, Павлом Айваседа (ненец), проводить нас наверх. Небольшая деревянная хижина на поляне когда-то принадлежала их семье. Как и мне, другому иностранному делегату, Якобу Яку из Эстонии, показали все подробности этого замёрзшего мира, где чумы (конические палатки-укрытия) и лабазы (амбары для священных мужских принадлежностей) искрятся под плотным снежным покровом. Главный гид, Татьяна, описала нам всё по-русски. Владислав Рыжко переводил мне, объяснив недовольство Павла: на хижине висит замок, тогда как традиционно там никаких замков не бывало в помине. В этот момент, казалось, мы все возжаждали того же уровня доверия, в котором вырастали люди как в России, так и в Штатах.

Павел провёл нас через лес, показав ряд деревянных ловушек, какие ставились в былые времена на лося, медведя

и лису. Войдя внутрь небольшой хижины, топившейся дровами, мы обнаружили, что внутреннее пространство разделено на мужскую и женскую половины. Подняв колыбель, Павел повернул её кругом, так, чтобы головой она была прочь от входа. Он сказал, что ошибочное положение навлекает на ребёнка беду. Конечно, даже при отсутствии младенца, в символическом плане важно было повернуть колыбель – в целях защитной пространственной переориентации. Вновь выйдя на снег, мы прошли к священной роще хантыйского бога Нуми Торума. Массивное изображение божества одиноко высится посреди леса. Рядом, справа от него, находится скопление тканых приношений, подвешенных на деревьях. Дальше по тропе находятся высокие, резные изображения его семи сыновей, богов югорских рек. На этой исконной земле я про-

Сюзен СКАРБЕРРИ-ГАРСИА и Геннадий РАЙШЕВ

6 МИР СЕВЕРА

Галерея Геннадия РАЙШЕВА

изнесла молитву, пожелав долгой жизни, счастья и здоровья хантыйскому народу и собственной семье. Припомнив, как я стояла там годы тому назад в высокой траве вместе со Скоттом Момаэем и Александром Ващенко, я повернулась, чтобы сделать фото, а духи наблюдали за мной. Собираясь покинуть Торум Маа, мы с Владиславом шли, объятые безмолвием, окружённые магией этого заснеженного места.

Как свидетельство новых веяний в ханты-мансийском регионе, нам показали новый парк под открытым небом, открытый в память древнего обитания мамонтов в этих краях. На высокой площадке у подножия одного из семи холмов стоит процессия бронзовых мамонтов, воззрившись вниз на Обь, протянувшуюся далеко внизу. Под этой площадкой находятся большие скульптуры медведя, вставшего на дыбы, и его близнеца, а повыше - сибирского тигра. На ветру, взметающем снег над этой открытой площадкой, мои пальцы вполне могли бы примёрзнуть к фотокамере, но ничего плохого за время экскурсии не случилось. Казалось, духи оберегают и нас тоже.

Когда мы возвратились к месту проведения конферен-

ции, мне с радостью довелось приветствовать старых знакомых и коллег – Еремея Айпина, Марию Вагатову, Татьяну Гоголеву, Надю Алексееву, Ольгу Балалаеву и Доменика Самсона Норманна де Шамбур. Юрий Вэлла, ненецкий писатель и оленевод, проделал половину пути до Ханты-Мансийска, но вынужден был повернуть назад вместе с женой. Тем не менее, в подарок он прислал много книг. Заняв своё место в фешенебельном зале Думы, я заметила на противоположной стороне прохода Геннадия Райшева. Всегда мечтала увидеться с этим великим хантыйским художником, чьи работы украсили обложки нескольких примечательных книг, в том числе и недавно вышедшую: «Пути родства: Антология литератур коренных народов Сибири» (подготовлена А.В. Ващенко и К.К. Смитом). Позже, во время перерыва, при знакомстве я сказала Райшеву: «Спасибо вам за то, что вы дали нам увидеть мифологический мир хантов».

В зале Думы сильно ощущался позитивный настрой; почти все места были заняты хантами, манси и ненцами, многие из них – в красочном традиционном наряде. Однако присутствовало очень мало молодёжи, что было отме-

чено несколькими старейшинами, которые обязались в следующий раз привести с собой молодёжь. Практически каждый в зале, включая делегацию с Ямала, получал признание и награды за свою работу во имя людей. Мне показалось, что этот процесс награждения предстал не просто признанием общего равенства, но способом социального единения, закрепления общего дела. Отметили всех делегатов, пока пресса фотографировала и брала интервью у наиболее выдающихся. Одни делегаты получили известность своими трудами по сохранению языка, культуры или оленеводства; другие признаны за научные исследования в этнографии и законотворческих вопросах, либо писательством и визуальными искусствами.

Один из приглашённых участников, Константин Беляев, представитель нефтегазовой компании «Лукойл», заговорил о концессиях, которые «Лукойл» предоставил местным коренным жителям в компенсацию за утрату традиционного природопользования из-за лесозаготовок. Беляев упомянул, что «Лукойл» помог заготовить корма для многих оленеводческих семей, раздал 53 подвесных лодочных мотора, электропилы, деревянные доски и гвозди и выдал подушные денежные компенсации. Он сказал, что «Лукойл» даже воссоздал одно священное место. Однако когда хантыйская женщина из департамента здравоохранения подвергла сомнению «нищенскую помощь» компании, составившую менее двух процентов от нефтяных прибылей, предназначенных на нужды коренных народов, Беляев ответил: «Конечно, у нас остаются недовольные, которым хотелось бы и луну достать с неба!» Тут молодой поэт Андрей Лонгортов, встав, с иронией заметил: «Вы – очень хородипломат». Однако именно такие напряжённые

Nº 2 / 2012 7

моменты обнажают ценности, скрытые за риторикой.

Делегаты выразили оптимизм, несмотря на остроту проблем, связанных со здравоохранением, жильём, образованием, самоуправлением и использованием земельных и природных ресурсов. Многие из этих забот, как выявил Еремей Айпин, созвучны базовым проблемам индейской Америки в США. Когда Айпин, Вагатова, Вэлла и Ващенко в 2010 году посетили Институт Искусств Американских Индейцев для участия в конференции «Пути родства», писатели со всех сторон вступили в диалог по поводу этих жизненно важных вопросов аборигенного сообщества. В виде вклада, пусть и частичного, в процесс самостоятельного развития, на Югре возникают новые аборигенные проекты, такие как создание рынка для традиционного мансийского чая в Саранпауле или зарождение туристической структуры.

Другим источником для оптимизма послужило развитие музыкального фольклора и драматического искусства. Делегаты выразили пожелание не русифицировать коренные культуры, а поддержать их промыслы и традиционное пение. Несколько женщин периодически заводили песню в течение всей конференции, в том числе Мария Вагатова со своим шаманским бубном и Галина Попова, в качестве мощного заключительного события на закрытии официальной части конференции. Один вечер был посвящён выразительной пьесе Еремея Айпина -«Посвящается любви», основанной на цикле рассказов и исполненной труппой из двенадцати юных актёров, хантов и манси, представлявших Обско-Югорский Народный театр Югорского Государственного Университета. Ректор Университета, Татьяна Карминская, предложила сделать этот институт «модельной площадкой» для общинного творчества. Там будет создан Исследовательский Центр для сохранения и развития языков и культур.

Общей темой, поднятой на конференции, как подчеркнул Айпин, является острая нужда в сохранении материальной и духовной культуры северных меньшинств. Во время пешей уличной прогулки делегатов пригласили посетить новое здание Студии-галереи Г.С. Райшева, расположенной почти напротив Думы. Задуманное в масштабных размерах, решённое в духе современного дизайна, основное пространство галереи переливается всеми цветами картин Райшева. Известный символиче-СКИМИ аспектами своего творчества, Райшев сосредоточивает внимание на естестве таёжного мира хантов, увиденном сквозь космическую призму. Когда я спросила его о характере мифологии и символики в его работах, он ответил: «Что-то глубинное выходит наружу. Оно идёт от внутренних истоков, хотя может быть напрямую связано с культурной символикой хантов». С энтузиазмом были встречены слова Геннадия Райшева как одного из самых уважаемых и почитаемых творческих личностей Ханты-Мансийска: «Дорогие соотечественники... создавайте для людей хорошие законы. Время не будет нас ждать. Человеческая жизнь не так велика – хорошая жизнь нужна людям сегодня». Эта мысль часто отзывалась в продолжение всей конференции.

Повсеместно признанным достижением Ассамблеи Коренных Народов Севера является развитие фольклора и искусств и развитие защитительного законодательства, составленного при помощи Владимира Кряжкова. Недавно местных делегатов пригласили в Нью-Йорк через ООН, чтобы заложить основы третьей Международной Декады

Коренных Народов Мира. Отныне мир узнает о достижениях малочисленных народов. По словам Якоба Яка, высказанным в его докладе, «Коренные народы являются капиталовложением в интересах всего человечества».

Осуществляя это на практике, молодёжь коренного происхождения овладевает языком своего народа, а певцы одним из лучших способов создания легальных структур, способных защитить коренные малочисленные народы Севера. В Соединённых Штатах проблема состоит в том же: молодёжь коренного происхождения, нуждающаяся в навыках лидерства, часто предстаёт лишь внешне готовой к овладению собственным языком. Нередко отсутствует главное: освоение устных преданий домашнего круга, в природном окружении, в присутствии старейшин. Но звучание культуры начинает распространяться и двигать людей вперёд. Новые электронные записи традиционной музыки становятся частью этого динамического процесса. Вокруг Ханты-Мансийска, как заметила Татьяна Гоголева, «музыкальное наследие движется по рекам». Это наследие сейчас особенно ценно, ибо от него зависит дух народа. И сама Ассамблея, состоящая главным образом из носителей наследия, певцов и писателей, коллективно подтверждает необходидревнего мость **УСТНОГО** принципа жизни: отношений, основанных на законах, составляющих основу всякой законности. И теперь, когда коренные малочисленные народы Севера делают важные шаги к самостоятельности, народы Приобья возьмут на себя охрану своих земель и непомерного культурного наследия ради процветания на собственных природных территориях далеко за пределами XXI века.

> Перевод Александра ВАЩЕНКО

BOTHHAMM OTELECTBO?..

Нейдёт у меня из головы поездка прошедшим летом к берегам Селигера, с заездом в Старицкий и Зубцовский районы. Ехал, перебирал в памяти неизбывное: отсюда уходил в далёкую Ындею тверской купец Афанасий Никитин, здесь сделал первую попытку объединить русских в борьбе за национальную независимость Михаил Ярославович, погибший под Моздоком «за други своя», отсюда родом посол Фома, отказавшийся подписать неравноправный союз Руси с католическим Римом, с берегов Верхней Волги автор народной песни о Щелкане Дудентьевиче, здесь закладывались весомые камни в фундамент Русского национального государства и его культуры. А вот там, выше, у Ржева, были остановлены ведомые фашистами несметные полчища вооружённой до зубов европейской армии. Вспоминались и усопшие города: Родня, Погорелое Городище, Вертязин, Чернятин и Телятьев, ушедшая под воду Корчева... Всё это – Верхняя Волга...

Тверские краеведы всерьёз считают, что культурные пласты российской истории особенно богаты именами и знаковыми событиями в Тверской земле. По мнению доктора культурологии историка В.М. Воробьёва, никакая другая область не дала Отечеству такое обилие выдающихся личностей во всех сферах человеческой деятельности, не привлекала так своей природной красотой и культурой известных людей России, зарубежья. В прошлом году рождён новый проект «Тверская родословная», который, по мнению разработчиков, как раз к тому и призван. Средства предполагаются самые разные. От сооружения памятников, установления мемориальных досок, присвоения историческим объектам и учреждениям

имён знаменитых земляков, до формирования музейных экспозиций и музеев, портретных галерей, издательских программ в серии «Тверская родословная» и многое другое.

А перед глазами разруха 1990-х, погубившая десятки тверских сёл... Заросшие поля, крестьяне, уезжающие под Москву полоть клумбы нуворишей... Добралась беда и до малых городов. Согласно переписи 2010 года, в области теперь проживает 1 миллион 353 тысячи 392 человека. По сравнению с 2002 годом численность населения сократилась на целых 8%, т.е. на три небольших города. В прошлом году родилось 14 800 малышей. Приблизительно столько же, сколько и в 2010 году. Смертность хоть и снизилась на 7%, но на резкое улучшение демографии не повлияла: в прошлом году умер-

ло более 25 тысяч. Впору не о родословии вести речь, не о туризме, а о том, как выжить?

Как-то по чистой случайности я попал на коммерче-

ский сайт в Интернете и поразился размаху продажи земли рядом с историческими местами в Старицком, Зубцовском, Ржевском районах. Участки под усадебное строительство от 600 тысяч рублей за 15 соток, стоимость других зашкаливала за миллионы. В деревне Юркино небольшой участок на высоком берегу Волги оценён аж в 77 тысяч евро! Если ехать от Старицы вверх по правому берегу Волги, встретишь десятки, а то и сотни новых имений. Такой

бум отмечался в России только в 1910-1917 гг. По берегу уже давно не проедешь и не пройдёшь. Свернул под селом Родня на шоссе к Волге, упёрся в шлагбаум. Появился товарищ в форме, объяснил: «Дорога частная, лес тоже, к Волге не проехать, т.к. территория тоже частная». Разворачиваюсь. В Родне интересуюсь: что за новые хозяева появились? Отвечают ОДНИМ СЛОВОМ: москвичи. На Волге там вряд ли искупаетесь, частный забор упирается прямо в реку.

Сам собой возникает вопрос: а кто они, новые землевладельцы? Как хотят использовать купленную землю? Чем на ней заниматься? А для меня: что им наша история и кулыура? Хотелось бы узнать об этом не завтра, когда будет поздно, а сегодня, сейчас. Ведь историческая память, родословие стоят на фундаменте

Они впря-

мую связаны с теми, кто владеет землёй, имением, фабрикой. Станет ли колонист, «пользователь», как стыдливо называет его автор нового проекта, чтить старые камни или сменит вековой код исторической памяти? Отразит ли он память о тех, кто всё это создавал, строил, защищал, или вычеркнет из истории края, забудет? Вопрос ключевой. В России XIX века историческую преемственность страны венчала пирамида, вершину

№ 2 / 2012

которой венчала собственность императора, ниже дворян, под ними находился мощный массив крестьянской собственности. Дворяне вели свои родословные от Рюриковичей, имели чёткое представление о своих предках. Потомки хранили как зеницу ока родовые документы, архивы, в усадьбах висели портреты тех, кто владел этой землёй. Хранилось это многовековое знание и в крестьянской среде. Произведения Толстого, Бунина, Чехова полны этой незримой энергией памяти. Правительство создавало архивные комиссии, заботилось об историческом знании. Ведь без преемственности исчезает то, что мы называем Россией.

Наложив на карту землепродавцев нашу краеведческую, я ужаснулся. Объявления о продаже земли особенно густо облепили места, отмеченные русской историей. Столбцы объявлений буквально испещрены предложениями о продажах. Пройдитесь по карте своей родины и вы, друзья, пощёлкайте мышкой по сайтам новых Чичиковых, вы сами убедитесь, что грядёт новый хозяин. Он прячется пока за цифрами, покрывшими землю, словно средневековую каббалистическую рукопись. Иногда завеса из объявлений и цифири раздирается и на нас повеет доисторическим ужасом. В центре России, в Москве, в старом здании школы № 201 корреспондент «Комсомольской правды» с грустью ходит по брошенному музею Зои Космодемьянской. На полу вещи Космодемьянских, платье, которое вполне по размерам могло подойти Зое, бомжи и гастарбайтеры используют для постели. Кругом грязь и окурки, на стенах похабные надписи про Героев оставлены теми, за кого они отдали свою жизнь! Между разбитыми бюстами Героев Советского Союза Зои Космодемьянской и её брата, старшего лейтенанта Александра Космодемьянского, веером разложены презервативы. Бюст брата разбит ударом

кувалды прямо в затылок. В классе, где училась Зоя, ночлежка мигрантов, ожидающих всероссийской гастарбайтерской стройки Нью-Москвы. «А что она сделала?» – вопрошали обученные историками новой волны безработные краеведы на классной доске.

У нас в области сборщики металла добрались до бронзовых бюстов Героев, воруют мемориальные доски. В селе Чукавино, куда заезживал Пушкин, в бывшем пионерлагере завода «Центросвар» новый высокопоставленный владелец устроил питомник по разведению собак для катания на нартах туристов. Достоевский со слезой ребёнка может отдыхать.

Огорчает не то, что у нового собственника в цехах знаменитой фабрики «Пролетарка» сегодня торгово-развлекательный центр, на «Вагжановке» - просто торговый, а то, что исчезла гордость «Пролетарки», её музей. Исчезли ценнейшие экспонаты музея. Ну, а вчерашних декхан, хлопкоробов Узбекистана, я вижу сегодня с метлой подметающими город текстильщиков. Или фасующими чужой текстиль в торговых залах, раскинувшихся на месте ткацких станков, продают чужой хлопок русским иностранцам, которых в своё время они же выгнали из своих стран и поехали к ним же зарабатывать деньги на хлеб насущный.

Один из новых тверских землевладельцев, небезызвестный г-н Смоленский обличал местных колхозников прямо с телеэкрана: «Вы лес замусорили, я его купил и очистил, а теперь хотите в нём грибы собирать?» На возражение, что мусор г-н Смоленский выбросил на колхозную пашню, последовала презрительная улыбка. Таково правовое и историческое сознание современной элиты: презрение к аборигенам, нищему быдлу, изоляция от местных заборами, наглость. Господа и живут наездами, имения охраняют вооружённые люди. А ведь хорошо бы для начала

проверять новых «пользователей» на умение вести хозяйство хотя бы договором об аренде лет на 10. Покажешь своё умение работать на земле по-хозяйски, покупай. Даже молодёжь сегодня не спешит оформлять браки, при неудачах расторгают узы, несут за неудачи ответственность, платят алименты. Почему ж наши законы так просты, что земля, всеобщее достояние, продаётся любому проходимцу без всяких условий для спекуляций навечно, как при рабовладельческом строе: отдал бабки и владей?

В селе Родня ничто не напомнит паломнику о былом величии порубежной крепости Руси. К деревянной часовенке, построенной более века назад на высоком берегу Волги, откуда открывается захватывающий сердце вид окрест, едва добрались на «жигулёнке». Кто-то поставил на купол деревянный крест, вот, пожалуй, и все изменения за 20 лет. Прошлый раз, когда мы были тут с московским писателем Владимиром Куницыным, хозяйка соседней избы складывала в часовенку сено для коз; за три года крыша прохудилась, хозяйка состарилась. В Ивановском кладбище заросло совсем. Поискав в траве и кустах надгробную плиту с именем полковника Д.П. Шелехова, я с трудом выбрался на дорогу. Плита исчезла или заросла травой. А ведь одного километрового металлического забора, которым укрывают свой мифический покой новые насельники этого края, пожалуй, хватило бы на обустройство памятных знаков всего Волговерховья. Нет, живут, как колонисты, в исторических потёмках, думают отсидеться в коттеджах за заборами...

Появились у нас шоу-монастыри, задуманные, вероятно, маяками нового российского православного капитализма специально для паломников среднего класса. Отделанные гастарбайтерами из Средней Азии по всем канонам туристического бизнеса, с перво-

10 МИР СЕВЕРА

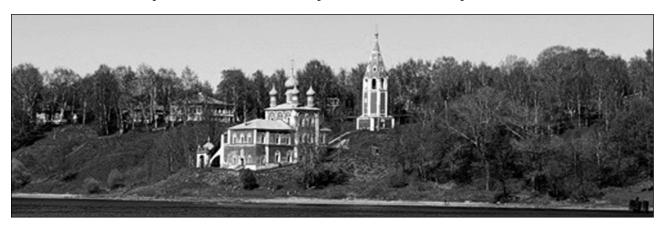
классными туалетами и купальнями для паломников, новоделом-кладбищем и даже биллиардной для неверующих благотворителей на случай, если те пожелают сгонять партийку-другую со своим водителем, пока монахи творят молитву в его здравие. На архимандрите ряса чуть ли не от Юдашкина, клобук обтянут чёрным шёлком, модные туфли. Как-то не вяжется всё это с уставами православных монастырей, с преданиями о том, что настоятели спали в келье в гробах, монахи носили на теле власяницы. А Серафим Саровский даже на иконе изображён в валенках и стареньком зипунишке, что не помешало ему стать святым русской православной церкви... Кстати сказать, ни у помещиков, ни у князей, ни тем паче у крестьян усадьбы заборами не обносились, сельские батюшки – так те вообще жили в крестьянских избах, архитектурой усадеб никогда не выделя-ЛИСЬ

Но ведь мы это уже проходили: и изоляцию, и презрение к народу (к аборигенам), и нищету, и красивую жизнь элиты на курортах Европы. Та жизнь напоминает о себе по обоим берегам вдоль Волги: д. Болотово, где родился крестьянский вождь Василий Болотников, д. Пыталово, где крестьяне отказались платить налоги, д. Первитино, где крестьяне разгромили именье помещицы Крыловой и открыли доступ в её лес. Список можно продолжить до бесконечности. Есть, конечно, и другие насельники, те, что разводят скот, сеют хлеб, заняты производством, создают рабочие места, организуют сельхозпредприятия, заботятся об исторической памяти народа. Но таких единицы. И это тревожит.

В XX веке, когда пирамида землевладения рухнула, тотчас же возникли нестроения и в родословии, и в краеведении. О том, как сказалась перемена «пользователей» на исторической памяти, приведу один пример. Жил в начале XX века в Бологовском районе коллекционер Рахлин-Румянцев. Женившись на дочери богатого лесопромышленника Громова, он приобрёл в 1914 году землю в селе Рютино, построил загородный дом. Вскоре жена умерла, он построил ей мавзолей в стиле древнего новгородского православного храма. Вскоре началась революция. Землю у Рахлина отняли, мавзолей хотели разрушить, но хозяин на ту пору подружился с властями, решил переделать его в музей древнерусского искусства и подарить народу. Рахлин имел редчайшую коллекцию икон, нательных крестов, других артефактов. Но власть искала золото. Не нашла. На ту беду приехал туда Троцкий охотиться на зайцев, коллекция приглянулась. Как-то Рахлин отъехал во Францию, и когда вернулся, обнаружил, что коллекция исчезла. Вскоре хозяин попал на Лубянку и был расстрелян в 1925 году за пропажу принадлежащих народу ценностей. Я знаком с той частью дела Рахлина, что хранилась в Новгороде, но так и не

понял, куда всё исчезло? Сегодня на месте храма котлован. Разобрали его ещё в 1930-е годы. Вопрос: вспомнит ли о Рахлине новый хозяин древней земли? А Рютино – это и место погребения знаменитого русского этнографа и палеографа, собирателя фольклора И.П. Сахарова, который последние годы жил неподалёку в именьице Заречье. Вопрос не праздный, касается истории нашей пока земли. Подобное творится и в Твери. На детектив похоже исчезновение памятной доски с дома выдающегося земляка, поэта и Героя войны 1812 года Фёдора Глинки. А где Едимоново, колыбель русской кооперации, сыроделия и маслоделия, место первой в России школы маслоделов, основанной пионером мирового кооперативного движения Н.В. Верещагиным? Ушло вместе с бароном Коршем в нети. Историческое пространство России стремительно сужается, как знаменитая шагреневая кожа, народ оказывается в положении манкуртов, не имеющих ни истории, ни родословной. Ситуация усугубляется ещё и тем, что новый собственник и пользователь зачастую обыкновенный спекулянт, он не хочет ни пахать, ни сеять. Историческая память народа закрыта в душных сейфах спекулянтов и пользователей, ждет, когда цена на землю поднимется, находясь, допускаю и это, далеко от Твери.

Почему на 1920-е годы пришёлся расцвет краеведения? Потому что НЭП решил вопрос с собственностью, в том

№ 2 / 2012 **11**

числе и земельной, реабилитировал кооперацию. История России могла бы повернуть в другое, не колхозное русло именно в связи с восстановлением в правах кооперативной собственности на землю. Россия ответила на это подъёмом народного хозяйства, культуры. Начался издательский бум. Тверь в те годы издавала 20 журналов, а финансировала их кооперация. С началом коллективизации краеведение назовут местничеством, родословие лженаукой. Ведь историческая память связана с землёй: «И хоть бесчувственному телу\ равно повсюду истлевать,\ Но ближе к милому пределу\ Мне всё б хотелось почивать...». И мы помним, как обеспамятовал народ, оставшись без земли: трудодни, мерзость запустения даже на кладбищах.

Но Россия пережила и времена «пользователей», когда помещик благоденствовал в Европе, оставляя на хозяйстве управляющих. И пусть поздно, но пришла к выводу, что в свой народ, в земледельца, в свою землю владельцу нужно вкладывать ум, сердце, средства, а народ образовывать, хотя бы подсаживая идущих в школу босых пареньков. Только тогда народ явит миру Ломоносовых, Есениных, Жуковых. Ну, а что случилось с Раневскими, мы хорошо помним из истории. Вообще же, глядя на высокие металлические заборы, эти североамериканские химеры застолблённых суверенных территорий, ставших обязательным элементом среднерусского пейзажа, невольно вспоминаешь замечательное место из «Слова о полку Игореве»: «Борьба князей с погаными ослабела, потому что брат сказал брату: это моё, а то – моё же, и начали князья про малое такое большое слово молвить, а сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую».

Вопрос, как собственники и пользователи знают свою историю, делающую нас русскими, москвичами, тверяками,

гражданами страны, далеко не праздный. Забудут ли в России первого писателя по сельскому хозяйству Дмитрия Шелехова, создателя первой в Россельскохозяйственной школы для крестьян, старицкого издателя всероссийских газет и журналов в XX веке И.П. Крылова? Князей Нарышкиных, собравших в своём имении в Зубцовском уезде одно из лучших в России собраний живописи, положившее начало Тверской картинной галереи? - вопрос национальный. Забыть их, выпустить из исторического сознания - и тогда история на нашей земле возьмёт совершенно другой курс, пойдёт другим путём. Вопрос: куда и с кем?

Читаю недавно изданную книгу покойного краеведа Бориса Ротермеля «Тверские немцы»: «Однако приезжавшие из Сибири с надеждой на возвращение в места прежнего жительства немцы 28 августа 1991 года получили от президента Б.Н. Ельцина отказ в возвращении отнятого у них имущества. После этого российские немцы, кстати говоря, внесшие огромный вклад в развитие области, стали активно выезжать на свою историческую родину – в Германию...» Вот так: своих немцев мы из России вытеснили, а фашистам настроили мемориальных кладбищ под Ржевом. «Русским немцам» в Германии есть что помнить в своей стране, они быстро вживутся в свою культуру. А где же прежние русские владельцы? Почему не в России? А в той же Германии, Англии, Франции, Австралии – откуда я в «Русской провинции» получал письма и материалы? Они тоже ждали в лихие 1990-е годы закона о реституции, но не дождались ни возврата родовой собственности, ни реального родословия... Значит, слёзы по судьбе русского дворянства после революции, которые льёт либерал, крокодиловы? Потому и родословие обратилось в ритуальные справки из архивов и Интернета, оно не полнокровно. В живой жизни некому следить за памятной доской Фёдора Глинки, прибраться на могиле Ивана Сахарова, принести в Твери цветы к дому, где родился переводчик «Фауста» на русский язык русский немец Николай Гербель.

Ни «старому» русскому, ни немцу, за исключением тех, кто не уехал, а остался, как Ротермель и Роберт Иванович Шнейдер, дома, в такой России «милого предела», к которому жмётся всякое человеческое сердце, не нашлось. Вот почему среди организаторов «Тверской родословной» хотелось бы видеть и новых собственников. Пусть хотя бы знают, на какую почву они притязают. Но хозяева всё ещё в тени, купчие на зарастающую землю лежат в закрытых сейфах, вероятно, думают обмануть историю. У слова «родословие» есть близкий по смыслу синоним – наследие. Наследия без родословия не бывает. А родословие увядает без земли, без дома. Это аксиома...

Что же делать? Ещё раз напомню, как в конце 1980-х годов центральное телевидение организовало «хожение» тверских старожилов от Путевого дворца в родовой дом художников и священников Первухиных в Затверечье. Вспомнили вдруг почему-то, что предками художников Первухиных были священники, игравшие большую роль в развитии исторической памяти тверитян. В той колонне шли тверские писатели, газетчики, художники, искусствоведы, музыканты и тележурналисты. Сколько было надежд на возрождение исторической памяти, на реальное родословие, которое могло бы превратиться в ту нерасторжимую смертью связь, которая потрясла в холодный весенний вечер студента из одноимённого рассказа Чехова. Не превратилось пока.

Этот вопрос не оставлял меня и на Неделе тверской книги, прошедшей в феврале в областной библиотеке. С одной стороны поражало, количество изданных у нас краеведческих книг, с другой стороны,

12 МИР СЕВЕРА

бросался в глаза один существенный, на мой взгляд, недостаток: большинство книг издано за счёт авторов или их издателей; тиражи мизерные, до читателя не доходят. Приятно видеть книги А.Шиткова, в ком счастливо сочетаются краевед, писатель, экскурсовод и книготорговец, в церковной лавке Старицкого Успенского монастыря. Много лет слежу за профессиональным ростом Дмитрия Подушкова, альбомы которого «Чехов и Левитан на Удомельской земле» и «Художник К.А. Коровин в Вышневолоцком уезде Тверской губернии» составили бы честь любому столичному издательству по глубине темы и оригинальности подачи. Выше всяких похвал проект Е.Ступкина и А.Семёнова, на свои средства поднявших издание трёхтомника «Тверская губерния в открытках»... Но ведь культура - дело государственное!.. И примеры сотрудничества государства с культурой есть. Театр и филармония получают ощутимую поддержку из бюджета. Почему издательства финансируются так слабо и бездарно? Многих поразил низкий уровень биографической серии «Люди Тверского края», начатой при финансовом участии Тверского Комитета по культуре. Блёклое оформление, унылая вёрстка, ошибки, случайный подбор имён. Случайные документы, фото из Интернета. Читаешь и видишь иногда откровенную халтуру, газетчину. Ни характеров, ни судеб: что Фурцева, что Бюнтинг... В то же время Комитет прошёл мимо юбилеев Чехова и Левитана, В.В. Андреева и Коровина. (О них вспомнил в Удомле «частник» Подушков!) Как и когда проводился тендер на эту серию? Почему о нём не знали ни в писательской организации, ни краеведы? Книги, изданные на бюджетные средства, должны быть образцовыми. Комитет по культуре обязан смотреть далеко вперёд, проводить культурную политику. Но альбом о Чехове и Левитане выпускает на собственные

средства Дмитрий Подушков, издание открыток целиком ложится на плечи издателей. И почему деятельность Комитета по КУЛЬТУРЕ до сих пор ограничивается клубной и художественной самодеятельностью? Это вся культура?!!.

Глядя на разгулявшиеся по берегам Волги и Селигера дворцы и усадьбы, на заборы, шлагбаумы и запретительные знаки не подъезжать, не причаливать, «частная территория», историк и краевед невольно думают о превратностях истории, которая привела уже однажды к Великой Крестьянской революции 1917 года. Революции, начавшейся без своего вождя и бескровно погибшей в 1991-м. Но историки помнят, что помимо кадастровой стоимости у земли есть ещё и стоимость историческая. И она должна учитываться при покупке здания ли, земли ли. Напомню, что заседания Тверской учёной архивной комиссии (ТУАК), существовавшей в Твери в прошлом веке, проходили в доме тверского губернатора с архиепископом. И сам губернатор, и церковь были крупными собственниками земли, владельцами церковных и монастырских зданий, именно они и представляли среди краеведов, писателей, газетчиков своим весом и авторитетом родословие владельцев пользователей. Так что человек, покупая землю и ныне, покупает и, как это кому-то ни покажется кощунственным, ещё и частицу государства Российского. И если государство ищет исторической целостности и преемственности, оно должно делать всё возможное для сохранения на этой земле исторического наследия. Равнодушие государства к историческому наследию всё более превращает наше краеведение в пустые байки Зоркого Орла или Ястребиного Когтя о былом величии индейцев в Америке своим внукам перед сном. И не потому ли история России сегодня не востребована обществом, что пришла элита, для которой историческая ценность оказывается ненужной и даже враждебной, как это случилось и после 1917 года?

Землевладелец должен получать от земли не только прибыль, но и сознавать её историческую ценность. Как его подтолкнуть к этому, я сказать не готов. Может быть, он сам из благодарности поставит два-три верстовых столба на дороге, по которой ездили Пушкин или Шелехов, а теперь ездит и он сам; а может быть, его обяжут следить за надгробьем Героя войны 1812 года полковника Шелехова, к которому он теперь оказался причастен по праву наследования. В одном уверен: всякий хозяин, независимо от формы собственности, обязан знать и охранять те пласты русской истории, что выходят наружу на его земле, коль мы уже хотим, чтобы и гастарбайтер знал русский язык! Это явления одного порядка. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Просвещению мог бы содействовать и Интернет. Часто обращаясь в процессе своей работы к словарям, я вижу, как агрессивно ведёт себя реклама даже на страницах словарей, предлагая читателю услуги, которые и так востребованы. Почему бы не наполнить сайты по продаже земли информацией об исторической её ценности? Это тоже дело государственное. Ведь ещё многие поля напичканы осколками войны, на многих лежат так и не захороненные косточки солдат, которые её защитили... Не знать об этом, не чувствовать это - действительно кощунство...

Станет ли наша Родина всего лишь вотчиной для колониста, патифундиста, помещика, коллективного собственника (всё равно!) или же обратится в свободное наше Отечество, как поётся в Гимне? Что высидят колонисты новых суверенных территорий за своими заборами? Вспомнят ли о том, сколько Человеку земли надо?

Михаил ПЕТРОВ

г. ТВЕРЬ

PULLOLOTA,

или Как писатель я родился в Якутске

В 2005 году на Парижском книжном Салоне Андрей Геласимов был признан самым популярным во Франции российским писателем. Через четыре года его роман «Степные боги» удос-

тоился премии «Национальный бестселлер». О сегодняшнем дне одного из наиболее интересных и оригинальных отечественных прозаиков мы с ним и поговорили.

- Андрей Валерьевич, на рубеже веков ваше вхождение в литературу началось триумфально - с рассказов и повести «Фокс Малдер похож на свинью», на мой взгляд, сильнейшей в шорт-листе пре-

мии имени ИП. Белкина того года. Многим вы запомнились по роману «Степные боги», ставшему лауреатом премии «Национальный бестселлер». Но вот уже несколько лет вы не издаёте новых книг. Поче-

му? Да и в «толстых» журналах проза ваша редко гостит – последний раз на моей памяти рассказ выходил года два тому назад в «Октябре». Читатель изменчив, не боитесь ли его потерять?

- Я с удовольствием отдаю новые рассказы в журнал «Сноб», который два раза в год выпускает полностью литературный номер. Выбор именно этого журнала в моём случае обусловлен его стилистической, художественной и полиграфической концепцией, тиражом, общественной значимостью, и в немалой степени – суммой гонорара. К тому же редакторская политика «Сноба» устроена таким образом, что я там каждый раз оказываюсь в очень хорошей компании. Так что рассказы есть, они появляются. Просто не в «толстых» журналах.
- Что представляет собой роман «Холод», над которым вы сейчас работаете?
- Роман «Холод» на данный момент представляет собой двести страниц текста, которые вскоре будут сокращены до ста, а потом превратятся в новые триста. Отношения с этой книгой пока не выяснены, но очень сильно интригуют. Там совершенно новый для меня герой. Он конченый циник.
- Недавно вышел фильм по вашему роману «Год обмана» с Алексеем Чадовым и Екатериной Вилковой в главных ролях. Расскажите, как вам удалось «поженить» современный роман и современное кино? Кто под кого подстраивался и подстраивался ли? Пригодилось ли тут, кстати, ваше второе театральное образование?
- Режиссёрское образование, конечно же, пригодилось, потому что переделать роман в сценарный формат – дело не лёгкое. В принципе, это немного напоминает перевод с одного языка на другой, но только вместо синтаксических конструкций здесь вам приходится менять конструкции сюжетные, а также механизмы драматического действия. Невозможно просто перенести события книги в сценарий. Это приведёт к полному краху. В кино и в литературе совершенно разные принципы развития действия. Другая механика. В кино гораздо

- меньше инерции. Поэтому там, где в литературе вы можете легко пройти на инерционной тяге персонажа, в кино вам придётся изобретать для него новый велосипед. И для этого нужны мозги.
- С недавних пор на сценарной ниве вы пересеклись с «Первым каналом», к которому в интеллектуальной среде я наблюдаю, мягко говоря, неоднозначное, а вернее сказать, как раз довольно однозначное отношение. Не мешает ли такое сотрудничество творчеству? И если не секрет кто руководит «темой» сценариев, кто её выбирает, вы или продюсеры?
- Я не работаю для «Первого канала». Единственный проект с ними был «Дом на Озёрной». Сценарий «Года обмана» и «Жажды» я писал для другой компании. А сейчас я вообще работаю с независимым продюсером. Он предложил мне тему русского балета начала двадцатого века, и я с удовольствием согласился. Мы решили сделать фильм о Матильде Кшесинской, и я сел писать сценарий. Чуть позже к нам присоединился замечательный, на мой взгляд, режиссёр Алексей Учитель, который тоже привнёс много нового в этот проект в смысле творчества. Так что сочиняем все вместе. Никто особенно творчеству друг друга не мешает. Вообще, страшилки о продюсерском гнёте, который наступает на горло авторской песне это тема для авторов «мыла». Только, боюсь, там и песни-то никакой нет. Просто пашут люди за деньги. У меня другая история. Я люблю кино.
- Вас, насколько я знаю, очень любят французские издатели и читатели. Как вы думаете, что в вашей прозе притягивает их? Лёгкость перевода? Близость тем, на которые вы пишете? Сердцето у вас лежит прежде всего к англоязычной литературе, но кто интересен и, возможно, даже в чём-то близок (уменя на сей счёт есть догадка) из французских писателей?

- Из французских писателей мне особенно нравится Андре Жид. Роман «Фальшивомонетчики», по-моему, настоящий шедевр. Однако французский читатель далеко не единственный, которому нравятся мои книги. Как раз англоязычные люди сейчас с удовольствием покупают мою «Жажду». Компания «Амазон» приобрела в прошлом году у меня права сразу на четыре книги, и вышедшая в Америке «Жажда» продаётся теперь, по мнению моего агента, очень и очень неплохо. Роялти, во всяком случае, симпатичные.
- Автор геласимовской прозы представляется мне довольно азартным человеком в жизни. Так ли это на самом деле? И если да, то в чём и с кем вы готовы соревноваться до последнего?
- Когда я учился в третьем классе, я почему-то выиграл соревнование по лыжам среди одноклассников. Прибежал быстрее всех остальных мальчиков. Стал чемпионом 3-го «Б» класса. Так вот, мой папа гордился этим событием ещё, наверное, лет пятнадцать. И я вынужден был слушать песнь о своём «достижении» во время каждого семейного застолья. На третьем примерно году его гордости я понял, что никогда и ни с кем не буду больше соревноваться. Пошлее этого просто нельзя ничего придумать. При всей любви к папе, конечно.

Беседовал Максим ЛАВРЕНТЬЕВ

Галина БУТЫРЕВА

— Талант — это счастье?
— Да!
— А талантливый человек?
— счастливый человек?
— Нет.
Из интервыо
с Еленой Ваенгой

Когда она поёт «а нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим», - в её голосе проявляется что-то такое, что ЭТОМУ «ЧТО-ТО» ОТЗЫВАСТСЯ ДУша... И вздрагивает, – от силы ли её духа, которую не ощутить в голосе этой женщины невозможно, или от чего-то ещё, – не знаю. Но душа, правда, вздрагивает, отзывается и устремляется за этим голосом... Знаю по себе. И вижу по глазам зрителей на концертах этой певицы: как будто нас застают врасплох, - мы так тщательно скрывали ото всех что-то очень своё, глубинное, сокровенное в себе, а тут... У меня так бывало и раньше. И всегда так неожиданно, что порою и не успеваешь проглотить предательскую слезу... И на концерте Елены Ваенги «Песни военных лет» это тоже случилось...

Потрясающе она пела, и потрясающе реагировал зал (кажется, петербургский). Почти в едином порыве взрывался аплодисментами и криками «браво»!.. Ни на од-

ном концерте не было такого единения, а я просмотрела едва ли не с десяток видеоконцертов Ваенги. Хотя её везде встречают очень тепло: и в Пензе, и Краснодаре, и Тель-Авиве, и Штутгарте... Может быть, только кремлёвские залы мне показались не-СКОЛЬКО «ПРОХЛАДНЫМИ», НО И там было очень много хороших глаз и лиц, – иногда восхищённых, иногда, увы, почти бесстрастных. И это для меня самая большая загадка, – не сама Елена Ваенга, как пишут многие журналисты, не уставая называть её «феноменом» и т.д. и т.п. А загадка – в некоторой части зрителей на концертах Ваенги, – когда одни буквально неистовствуют от обуревающих их эмоций, а рядом глаза мужчин или женщин, которые словно «замёрзли», – почему? Что они тут делают, и что с ними происходит, когда в зале почти «искрит»?.. Пришли из обывательского любопытства, – посмотреть на явление, всенародно обсуждаемое (кто как - восторгается или костерит...), решив удостовериться сами?..

Впервые я увидела её на телеэкране в Ледовом Дворце Санкт-Петербурга. Концерт

назывался «Ледяное сердце». Вышла какая-то неизвестная мне певица и запела... И я досмотрела передачу до конца, – надо же было узнать, кто это такая... Елена Ваенга? Не знаю... И никогда прежде ничего о ней не слышала.

Вскоре я оказалась в Москве, поехала к друзьям, в Реутово. Смотрю, на ДК висит огромная афиша: «Елена Ваенга»... Спрашиваю свою приятельницу, а кто она такая, Елена Ваенга?

– О, это чума... – сказала моя приятельница с какой-то неопределённой интонацией, и я до сих пор не знаю, «чума» – это по её мнению хорошо или плохо, а уточнять у своей приятельницы, профессионального музыканта, не решилась, – ну и что? Даже если ей не нравится Ваенга... Мнето она понравилась. А я привыкла доверять собственному вкусу. Вот одолею наконец компьютер, и сама во всём разберусь. И вскоре у меня такая возможность появилась. И я, благодаря сайту Елены Ваенги, просмотрела её концерты в Тель-Авиве (февраль 2011 г.), ещё раньше на Славянском Базаре в Витебске, в ресторане «Невский», на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, «Ледяное сердце-2» с нашими знаменитыми фигуристами и даже её первые выступления с гитарой в руках на различных площадках...

И не заметила, как почти каждый вечер стала заходить на её сайт, чтобы услышать её снова.

У меня так бывало и раньше, я могла подолгу слушать кого-то: Уитни Хьюстон, или матушку Людмилу Конанову из Кирова, или Анну Герман, или Жанну Бичевскую, или Олега Погудина, или Патрисию Каас, или Нино Катамадзе и т.д. и т.д. Но потом наступал период, когда я подолгу не возвращалась к ним, увлечённая чьим-то новым Голосом...

Сегодня — это Голос Елены Ваенги, который продолжает звучать в моём доме уже более года.

Только что ещё раз просмотрела «Ледяное сердце-2»... Кажется, уже невозможно спеть лучше, но слушая разные концерты Елены Ваенги, не перестаёшь удивляться

этой певице, – она в одной и той же песне везде разная! И везде - предельно искренняя... Настолько, что начинаешь бояться за неё. Три раза в жизни от трёх разных людей я слышала, что много искренности это не есть очень хорошо. Один раз это было сказано в мой адрес. А недавно нечто подобное кто-то сказал в адрес Ваенги. Если много искренности это и плохо в чём-то, то, возможно, только в одном, - искренний человек уязвим... Его легко ранить, обидеть так, что можно даже убить... Поэтому я иногда ловлю себя на том, что мне её, Ваенгу, от чего-то (или от кого-то) хочется уберечь... Но как?! Наверное, это невозможно... Если она будет ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ КАКИХ-ТО ИНтервью, которые, к сожалению, иногда провоцируют на какие-то резкие высказывания, то ведь от песен-то не откажешься... А в песнях уж точно не спрячешься, в них столько самой Ваенги, что иногда кажется, даже зашкаливает: «Тайга», «Аэропорт», «Белая птица», «Города»... Вы знаете, как реагирует зал в Хайфе, или Штутгарте, или Минске, когда она поёт: «Я помню все имена, я помню все отчества, и я никогда не предам своё Отечество»?.. В эти минуты в груди всё замирает на мгновение: а надо ли было петь эту песню перед этой аудиторией?

Но нет, где-то, кажется, в Израиле, – я смотрела видеозапись, – на концерте из зала выкрикивали названия песен, которые хотели бы услышать, и среди них – «Города»!..

СССР – словно разбитое зеркало. Его осколки сегодня разбросаны по всему миру. И по каким бы причинам ни разъехались наши люди по разным странам и континентам, так уж мы, видимо, устроены, – мы не можем не откликаться на наши старые «главные песни о главном»... Тем более, когда их не преподносят как нечто гламурненькое новоявленные «звёзды» российского шоу-бизнеса, а поют сердцем, как Ваенга!...

Я уже упоминала, что смотрела видеозапись первых выступлений Елены Ваенги на эстраде. Очень трогательное зрелище! Когда в ней ещё почти ничего не было от нынешней Ваенги... И немудрено, ведь надо было пройти путь почти в 16 лет! – чтобы сегодня покорять многотысячные залы. Зная об этом, стоит ли удивляться, откуда такой ошеломляющий успех у этой певицы, – сужу по её «гостевой» и по реакции залов в Пензе, Ялте, Сочи, Киеве, Рязани, Лос-Анджелесе, Торонто... Ещё не закончился концерт где-нибудь в Сибири или Германии, в «гостевой» уже читаю сообщения поклонников Елены Ваенги: как её встречали, тепло или холодно было в зале (в Одессе, написали, некоторые из коллектива Ваенги даже заболели – заморозили – и вся «гостевая» была озабочена здоровьем пострадавших в Одессе...). Я заглядываю в

«гостевую» Ваенги не только для того, чтобы посмотреть видеозаписи из тех городов, где в это время она гастролирует, но и чтобы почитать, о чём пишут её краснодарские, красноярские зрители... Иногда там можно узнать потрясающие истории из жизни кого-нибудь из многочисленных поклонниц Елены Владимировны. Иногда вся «гостевая» начинает собирать деньги на спасение кого-то из родственников или близких «гостевых» – и это тоже о многом говорит... Это какой-то совершенно новый для меня облик моей страны в таком своеобразном «срезе»... И мне как журналисту это чрезвычайно интересно.

Люди! – так обращается к своим зрителям Ваенга, и вслед за нею хочется обра-

Ваенги! – подарили ей билет на один из концертов!..

Дочь скакала на одной ноге от радости... Это семья из Кишинева, живущая ныне в Швейцарии...

А вот что пишет женщина из Ангарска (ей за восемьдесят лет): Ваенга вдохнула в её одинокую душу жизнь! И далее в стихах – пожилая женщина благодарит за это певицу...

Среди «гостевых» есть подростки, пятнадцати-шестнадцати лет, есть двадцатилетние девушки... Должна сказать, женщин среди поклонниц Ваенги больше, но и немало мужчин есть... И тоже – по всему свету! Одна семья (поклонники Ваенги) отдыхала в Египте и специально поехала в соседний Израиль на концерт Ваенги. Вечером

А вот перед «музыкальным рингом» на НТВ мне пришлось слегка поволноваться: как-то примут Елену Ваенгу московские журналисты и музыкальные критики?

Может быть, они со мной не согласятся, но мне показалось, что приняли хорошо. Обычно – ироничные, любящие «проехаться», и далеко не безобидно, на ринге Ваенга – Агутин они сидели с такими хорошими глазами, что в голове промелькнуло «выключились»... Или наоборот – «включились» – в самих в себя, в настоящих...

Иногда Ваенгу журналисты спрашивают, почему у неё так много песен о маме, о бабушке, о папе, о Родине...

– Смешные люди! – говорит Ваенга. – Как будто у них нет ни мамы, ни Родины...

Иных послушаешь, и правда, нет у них за душой никого и ничего... Ну да бог с ними...

Настоящая фамилия у Елены – Хрулёва. А Ваенга – это псевдоним. Мама подсказала, – ведь родилась Елена на этой самой речке Ваенге, в Приполярье.

У нас в Коми тоже есть речка с похожим названием -Поинга. Возможно, тоже саамское слово. Увы, перевода я не знаю. А «ваенга» с саамского - «важенка», «олень-женщина». Возможно, есть и иное значение. Но это не так важно, как то, что Елена чтит те места, где появилась на свет. Где росла, где бегала в музыкальную школу и училась в горнолыжной школе одновременно... Позже было музыкальное училище им. Римского-Корсакова в Санкт-Петербурге. Здесь же она получила второе образование - театральное.

На одном из её концертов Пётр Вельяминов (он смотрел и слушал все её «сольники») сказал Елене: «ты должна чувствовать ответственность»... Мне кажется, он хорошо знал свою ученицу (Елена закончила театральный факультет Балтийского

Алла ПУГАЧЁВА и Елена ВАЕНГА

титься так же к вам, уважаемые читатели. Если вы хотите что-то узнать, например, о Елене Ваенге, не читайте «жёлтую прессу», читайте «гостевую» певицы. И смотрите видеозаписи её концертов, которые самоотверженно делают поклонники в самых разных уголках земли. Вот что пишет мама четырёхлетней девочки из Берна (Швейцария): они узнали, что у Елены Ваенги концерты в Германии и на день рождения дочери, - поклонницы

собираются на концерт, администратор гостиницы спрашивает: а кто выступает? Ваенга, знаете такую? На что старый еврей отвечает, кто же не знает нашу Ваенгу... Я просмотрела и прочитала довольно большое количество интервью с Еленой Владимировной. В Петербурге, и на радио, и на телевидении все интервью, из того, что мне удалось находить в компьютере, отличались особенной деликатностью и уважением к интервьюируемой.

университета, курс Вельяминова) и верил, – она запомнит его слова, прозвучавшие как благословение на верность выбранному делу... И зрителю!

Её часто сравнивают с ранней Пугачёвой. Я специально просмотрела старые видеозаписи Аллы Борисовны. И правда! — какие были глаза у Пугачёвой, какой голос... Выразительнейшие! Как сегодня у Ваенги. Но мне почему-то не хочется, чтобы однажды Ваенгу тоже назвали «примадонной» и чтобы ей это понравилось...

А хочется, — надеяться, что тот энтузиазм, которым сегодня обуреваема Ваенга, та искромётная энергия, которой наградила её природа, постоянно накапливаемый человеческий и профессиональный капитал, при её бесшабашной детскости, пронзительной и светлой, — всё это ещё долго-долго радовало нас...

И если в адрес Елены Ваенги кто-то и скажет слово «чума», то лишь в смысле восхищения, — её удивительным голосом, удивительным руками...

...Когда за почти ангельскими интонациями в голосе Елены Ваенги вдруг прорывается что-то почти несокрушимое, непобедимое...

Когда в каком-нибудь интервью певица вдруг предстаёт почти ребёнком, беззащитным, ранимым... Или наоборот – агрессивно-непримиримым, например, в адрес «фанерщиков»...

Когда она вдруг, на полуслове, на полувздохе проглатывает рыдание при исполнении какой-нибудь народной песни...

Когда пускается (босоногая!) в пляс, приподняв подол длинной юбки...

Когда «складывается» на сцене (на колени!), словно «сломавшись», и «раскладывается» и встаёт снова во весь рост...

Ей веришь! Веришь почти сразу, безоговорочно и, ка-

жется, — навсегда. Веришь, потому что, наверное, уже любишь. И прощаешь, если даже что-то не совсем совпадает с уже сложившимся в тебе её образом или интерпретацией какой-нибудь знакомой уже тебе песни...

Потому что любишь.

Читаю ещё одну запись в «гостевой» Е.Ваенги: ... «посмотрела Тольяттинский... Прихожу в себя... какой концерт! Нет, это гораздо больше, чем просто концерт! Это великое Действо, в котором неразрывно связаны Талантом - Творчество и жизнь! Лена! У меня из сердца что-то выпрыгнуло и улетело вслед за Вашим голосом»... Эти слова написаны в 3 часа 40 минут утра 18 марта, в ожидании вестей из Германии, где в эти дни гастролировала Ваенга. И вести из Ганновера не заставили себя ждать. Й там оказались самоотверженные поклонники петербургской певицы: отправили первую видеозапись с песней В.Высоцкого «Беда»...

И так из любой точки земного шара, где оказывалась группа Ваенги, – летят тексты-«отчёты» о только что закончившемся концерте, или видеосъёмки песен, - сначала по одной, а через какое-то время, благодаря «гостевым», вы при желании можете уже посмотреть концерт полностью... И это очень интересно, потому что почти никогда ни один концерт не повторяет другой, даже если поются приблизительно одни и те же песни...

19 марта Елена Ваенга поёт в Берлине. И, заглянув в её «гостевую», я наверняка увижу «отчёты» о берлинском концерте...

Эти заметки о творчестве Елены Ваенги я написала уже довольно давно, только всё раздумывала, публиковать или не публиковать...

Во-первых, мне казалось, что, возможно, я не имею мо-

рального (или не знаю – ещё какого...) права на это, поскольку ни разу не была на «живом» концерте Ваенги... Во-вторых, я не музыкальный критик, что я могу сказать о ней как о профессиональном музыканте, композиторе, певице, актрисе (кстати, Елена Ваенга ещё играет в спектакле «Свободная пара» - тоже, увы, ещё не видела. Кроме как видеофрагменты спектакля)...

Но, посомневавшись, всётаки решилась, и что ещё хочу сказать напоследок: люди! (Похоже, теперь это и моёлюбимое приветствие...) Никого не слушайте, никому не верьте (и мне тоже!). Просто загляните в свой компьютер, найдите сайт Ваенги и послушайте на странице «материалы» всё, что издано и ещё не издано, но уже спето ею. Не уверена, что вам не понравится...

г. СЫКТЫВКАР

Биографическая справка

...Елена Ваенга — Елена Владимировна Хрулёва родилась на Кольском полуострове в г. Североморске 27 января 1977 года. Родители, отец и мать работали на СРЗ «Нерпа», который обслуживал атомные подводные лодки. Дедушка, по линии матери, Василий Семёнович Журавель был контр-адмиралом. Родители отца — коренные петербуржцы, дед был зенитчиком, воевал под Ораниенбаумом, а бабушка — врачом в госпитале в блокадном городе.

Ваенга закончила музыкальное училище имени Римского-Корсакова по классу фортепиано, позже получила театральное образование — курс Петра Вельяминова в Балтийском институте экономики, политики и права.

Сегодня вместе со своим коллективом музыкантов она одна из самых востребованных исполнителей не только в России... Вот афиша Елены Ваенги на апрель этого года: Франкфурт, Мюнхен, Дюссельдорф, Краснодар, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Ессентуки... и так почти ежемесячно.

В репертуаре Ваенги песни её собственного сочинения (их уже чуть ли не 800...), песни военных лет, песни Советского Союза, народные песни...

Директор коллектива — Руслан Сулимовский

Продюсер – Иван Матвиенко

Звукорежиссёр — Александр Дробыш

Бэк-вокал: Катя Баранова, Аня Мушак и Алёна Петровская (все трое! — это особая песня, как говорится... но сегодня речь пока не о них...)

Вячеслав ОГРЫЗКО

В эти дни мы сдаём в типографию сборник «Дитя хрущёвской оттепели», посвящённый начальным страницам истории газеты «Литературная Россия», когда она ещё называлась «Литература и жизнь». Эта книга впервые вводит в научный оборот многие документы из РГАЛИ, Российского госархива новейшей истории и частных писательских собраний, а также содержит свидетельства первых сотрудников газеты. Открывает книгу историко-литературное исследование Вячеслава Огрызко «Дерзать или лизать». Мы публикуем одну из глав этого исследования.

Эта глава посвящена Всеволоду Кочетову. В то время, когда символами новой писательской газеты могли стать Анна Ахматова или Александр Солженицын, часть литературных функционеров сделала ставку на неисправимого ортодокса Всеволода Кочетова.

COMHUTEA BHAIR OPHEHTUP

Теперь о том, кто попытался стать знаменем «Литературы и жизни». Роль флагмана, похоже, занял Всеволод Кочетов. Хотя имелись и другие претенденты. Известно, что символом новой писательской газеты не прочь были стать Николай Грибачёв, Анатолий Софронов, Михаил Алексеев и даже Иван Шевцов.

Иногда всех названных выше писателей причисляют к одной команде. Но это не совсем правильно. Несмотря на отсутствие классического образования, Кочетов в отличие от других действительно

обладал несомненным талантом, но который он до блеска так и не отточил, и главное – реально был человеком идеи. Софронов и Алексеев на его фоне выглядели заурядными интриганами, которые, прикрываясь красивыми лозунгами, в первую очередь отстаивали лишь шкурные интересы.

Впервые имя Кочетова прогремело на всю страну в начале 1952 года, когда Валерий Друзин напечатал в ленинградском журнале «Звезда» его роман «Журбины». В нём отсутствовали какие-либо ху-

дожественные изыски. Тем не менее даже законченные циники восприняли слабенькое сочинение Кочетова как глоток воздуха. «Прочитав роман, — заявил Валентин Катаев, — я почувствовал, что на меня пахнуло свежестью, силой, настоящим талантом». И мастер не так уж был далёк от истины.

Надо признать, что к началу 1950-х годов наша словесность находилась в страшном упадке. Прикормленные властью писатели продолжали плодить фальшивые романы о том, как вчерашние

20 МИР СЕВЕРА

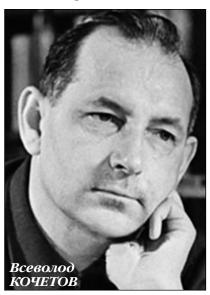
фронтовики по мановению волшебной палочки вытащили из руин порушенную деревню. Но народ никаким кавалерам золотой звезды уже не верил. А тут откуда ни возьмись появился средней руки газетчик, который незатейливо рассказал о трёх поколениях судостроителей, чей быт практически ничем не отличался от того, через что прошли даже не тысячи людей, а миллионы. Кочетов, почувствовав новый запрос времени, сумел соединить позабытые традиции семейной хроники с актуальной темой рабочего класса (впоследствии по мотивам «Журбиных» Иосиф Хейфиц снял неплохой фильм «Большая семья», который в 1955 году получил на Каннском кинофестивале премию за лучший актёрский ансамбль).

На волне первого успеха Кочетова по неписаным правилам сразу стали двигать в начальство. В феврале 1953 года он с подачи специально прибывшего в колыбель революции Анатолия Софронова возглавил Ленинградскую писательскую организацию (до него организацией руководил очень слабенький поэт Анатолий Чивилихин). Из литературного генералитета это кадровое решение не одобрил один только Фадеев. Он видел, к чему привело недавнее возвышение полуобразованных сочинителей. Так, новый секретарь Союза Василий Ажаев, с трудом сведший концы с концами в дебютном романе «Далеко от Москвы» (по слухам, за него это сделал завотделом прозы «Нового мира» Н.Дроздов), вместо того чтобы подучиться грамоте, быстро погряз в хозяйственных делах. Другой секретарь – Анатолий Софронов, не справившись в своих первых пьесах с диалогами, навязал творческой организации новый листок по учёту, потребовав от коллег раскрыть все сведения о родне по третье колено и однозначно выразить отношение к космополитизму. Фадеев не хотел, чтобы Кочетов пошёл по подобному пути. 23 мая 1953 года он предупредил Алексея Суркова: «Стоит появиться хотя бы одному новому со свежим пером честному прозаику вроде Кочетова в Ленинграде, появиться с первым свежим, чистым произведением, как этого талантливого человека, к тому же больного туберкулёзом, по уши заваливают так называемыми «общественным нагрузками», и человек уже начинает гибнуть на наших глазах как писатель, а ведь ему столько нужно ещё учиться!» Но ни партаппарат, ни литературный генералитет к предостережению советского классика не прислушались.

Фадеев как в воду глядел. Кочетов возомнил себя большим начальником. Он открыто заявил, что никакой либерализации в писательской организации не допустит. Не случайно в конце 1953 года на него срочно затребовал у Алексея Суркова объективку секретарь ЦК партии Пётр Поспелов.

Кочетов потом отличился тем, что организовал партийное собрание с осуждением знаковой повести Ильи Эренбурга «Оттепель» и поведения Михаила Зощенко на встрече с английскими студентами.

Этот курс Кочетова вызвал решительный протест со стороны прозаиков Веры Пановой и Веры Кетлинской и

критика Виктора Бакинского. Писатель, просчитав все варианты, пришёл к выводу, что из этой троицы, осмелившейся на открытый бунт, главную опасность для него представляла в основном Панова (все знали, что она в своё время пользовалась поддержкой Сталина, а затем ей симпатизировал, по слухам, Маленков). Чтобы нейтрализовать свою оппонентку, Кочетов написал для «Правды» разгромную статью об очередном её романе «Времена года». Однако руководитель Ленинградской организации добился обратного эффекта. Панова не испугалась, а стала искать защиту в ЦК. 3 июня 1954 года она обратилась с письмом к Хрущёву, отметив «небывало грубый и высокомерный, абсолютно рапповский» тон кочетовской статьи. После этого вновь осмелели и другие соратники Пановой, и в частности Анатолий Чивилихин (занимавший должность заместителя Кочетова) и Кетлинская.

Кочетову после случившегося следовало бы сменить тактику. Но он поторопился сдать в журнал «Звезда» свой очередной роман «Молодость с нами». Один из экземпляров рукописи случайно попал в руки Кетлинской. Писательница пришла в ужас. Уже 15 июня она орала на всю ленинградскую организацию: «Мне тяжело об этом говорить, но вот весь союз говорит о том, что Всеволод Анисимович сдал в редакцию «Звезды» роман, в котором, как в кривом зеркале, очень недоброжелательно изображается целый ряд писателей из нашей организации». Кетлинская потребовала запретить публикацию романа пародии на писательскую организацию. Но Друзин распорядился первую часть поставить уже в ближайший сентябрьский номер.

Расплата не заставила себя ждать. Как 10 декабря 1954 года сообщил в ЦК первый секретарь Ленинградского обкома партии Фрол Козлов,

№ 2 / 2012 **21**

«по числу голосов в состав правления не прошёл В.Кочетов». Ему, по словам Козлова, припомнили и неоправданно грубую статью в «Правде» против Пановой, и резкость и бестактность в общении с коллегами. Вместо него писатели своим руководителем избрали поэта Александра Прокофьева.

Позже Кочетов всем говорил, что против него якобы был устроен заговор, организатором которого явился муж Пановой – Давид Дар. Якобы тот подговорил проголосовать против Кочетова всех космополитов.

В ЦК такого исхода тоже никто не ожидал. Партаппарат считал, что выстроил управляемую демократию. А писатели, как оказалось, слепо подчиняться парткомиссарам уже не хотели. В общем, Кочетова после случившегося скандала с трудом пристроили заместителем к Александру Черненко в только что созданный журнал «Нева» (там писатель запомнился тем, что всячески продвигал в печать беспомощный роман Ивана Шевцова «Тля», разоблачавший мнимые происки космополитов).

Однако ленинградская история получила своё логическое продолжение на Втором съезде советских писателей. Неожиданно для власти Вениамин Каверин и Маргарита Алигер выступили фактически против партийного руководства литературой, заявив, что оно стесняет свободу творчества художников. Партийные ортодоксы к этому были не готовы. На съезде чётко партийную линию отстаивал, кажется, один лишь Кочетов. Он утверждал: «Некоторым товарищам, видимо, кажется, что наши литература и искусство находились (так, во всяком случае, я понял товарища Эренбурга в его повести «Оттепель») долгое время в состоянии некоего замораживания, анабиоза, если ещё не хуже. Это же совершеннейшая неправда! И литература, и искусство у нас

непрерывно росли, развивались... Эти наши завоевания – результат поступательного движения, а не анабиотической спячки, после которой надо, чтобы капало с подоконников, чтобы в лужах чирикали воробьи и чтобы население наших книг непременно разбивалось на счастливые парочки...».

Партаппарат дал установку всем литературным изданиям перейти в наступление по всему фронту и осудить ревизионистов всех мастей. В «Литгазете» эту задачу должен был выполнить Борис Рюриков. Его знали как догматика, но который боялся не столько своих ортодоксов, а либералов. На съезде писателей ему сильно досталось от Михаила Шолохова. Любимец власти предупредил: «Чем меньше будет в редакциях газет и журналов робких Рюриковых, тем больше будет в печати смелых, принципиальных и до зарезу нужных литературных статей».

Испуганный Рюриков, чтобы убедить начальство в своей непримиримости к либералам, поспешил дать в двух номерах «Литгазеты» свою программную статью «Ещё о правде жизни». Но тут случилось непредвиденное. Почти вся редакция на летучке публикацию своего редактора осудила. Об этом бунте тут же прознали в ЦК. Поддавшийся паническим настроениям секретарь ЦК Пётр Поспелов предложил немедленно для усмирения недовольных вызвать из Ленинграда Кочетова, а Рюрикова направить на перевоспитание к новому завотделом культуры ЦК Дмитрию Поликарпову.

В редакции «Литгазеты» понадеялись на благоразумие Кочетова, что тот не будет сгоряча ломать дрова. Один из острословов (по версии Лазаря Лазарева это был Никита Разговоров) пустил по коридорам газеты шутку:

Старого отпели, Новый слёзы вытер... Ты послушай, Сева, Здесь тебе не Питер.

Но Кочетов к новым коллегам не прислушался. Прав оказался Борис Эйхенбаум. Один из основоположников ленинградской школы формалистов предупредил своих московских друзей: «Я его [Кочетова] знаю лет тридцать. Это лошадь, которая постепенно стала ослом». Не до конца доверяя доставшемуся ему Рюрикова заму – Косолапову, Кочетов принялся формировать собственную команду и вскоре выписал из Ленинграда себе второго зама – Валерия Друзина, а также ответсекретаря Петра Карелина. Ленинград был счастлив. До столицы потом дошла эпиграмма:

Живёт в Москве литературный дядя, Я имени его не назову. Скажу одно: был праздник в Ленинграде, Когда его перевели в Москву.

Поначалу Кочетов давал в газете слово авторам разных взглядов и направлений. Когда осенью 1955 года Паустовский попросил поддержать стихи Марка Шехтера, он даже послал личное письмо поэту с приглашением зайти в редакцию. Конец либеральничанью пришёл после публикации 2 октября 1956 года основательной статьи Валентина Овечкина «Писатели и читатели» с резкой, но убедительной критикой министерства рыбной промышленности и одного из ведущих предприятий станкостроения. Обиженные министры пожаловались Хрущёву. По распоряжению советского вождя Анастас Микоян вопрос о статье Овечкина 4 октября вынес на заседание президиума ЦК КПСС. В черновом протоколе этого заседания сохранилась следующая запись: «Неправда, что товарищи не реагируют на прессу. Много недостатков, которые исправляются, много резкостей – перебарщивают. По рыбе –

половина правды. Против грубости – бороться. На заводе – подхалимаж существует. О излишней резкости газеты сказать. Т. Суслов чтобы сформулировал».

Кочетов должен был радоваться, что высшее партруководство заметило критическую статью в «Литгазете» и в целом одобрило материал Овечкина, единственно, призвав редакцию «к более спокойному и объективному изложению фактов». Но писатель усмотрел в публикации Овечкина чуть ли не диверсию лично против него и дал команду чётко отныне делить всех авторов на «своих» и «чужих».

Инцидент с Овечкиным, обсуждавшийся в президиуме ЦК КПСС, был очень неприятен Кочетову ещё и потому, что Союз писателей СССР собирался выдвинуть его «Журбиных» на Ленинскую премию. Писатель боялся, как бы эта история не помешала бы получить ему очередную побрякушку. Но первый этап – процедуру выдвижения он прошёл без сучка и задоринки. 19 декабря 1956 года роман «Журбины» был безоговорочно поддержан на заседании правления Союза. Кандидатуру Кочетова дружно одобрили Василий Смирнов, Алексей Сурков и Николай Тихонов. «Подбили» писателя на втором этапе. Большинство членов Комитета по указке ЦК проголосовали за то, чтобы первую Ленинскую премию в области литературы присудить не ему, а Леониду Леонову, выпустившему политически правильный, но спорный с художественной точки зрения роман «Русский

Кочетов, естественно, весь разобиделся. А тут ещё его достала «оттепель». Кочетов не понимал, как мог Симонов напечатать в «Новом мире» крамольный роман Дудинцева «Не хлебом единым». По его мнению, эта книга ни много ни мало подрывала устои социализма. Неудивительно, что «Литгазета» со-

бралась первой укусить Симонова и Дудинцева.

Роль погромщика добровольно взвалил на себя критик Виктор Дорофеев. Проформы ради Кочетов перед тем, как поставить его разносную статью в номер, предложил обсудить рукопись на редколлегии. Он не сомневался в том, что даже оппоненты, пусть сквозь зубы, но проголосуют как надо. И вдруг на корабле случился бунт. Против выступили не только члены редколлегии на общественных началах, такие как Всеволод Иванов и Валентин Овечкин; с оценками Дорофеева не согласились и многие рядовые сотрудники редакции, в том числе Александр Лебедев, Владимир Огнев и Юрий Суровцев.

Потерпев поражение с материалом Дорофеева, Кочетов вскоре взял реванш в истории со вторым выпуском альманаха «Литературная Москва», поместив в газете без всякого предварительного обсуждения погромную рецензию Дмитрия Ерёмина. «Это, – вспоминал Лазарь Лазарев, - было последней каплей, переполнившей чашу терпения Иванова. Он и до этого порывался уйти, а после появления статьи Ерёмина обратился в редколлегию и секретариат с резким письмом: «Редактор газеты, тов. Кочетов, не желает считаться с мнением отдельных членов редколлегии, тем самым низводя их участие в работе на уровень даже не совещательный, а всего лишь «говорительный»... Ввиду того, что я не могу работать с товарищем Кочетовым, ещё раз прошу редколлегию «Литературной газеты» снять мою фамилию как члена редколлегии».

После этого Кочетов совсем, что называется, слетел с катушек. Лазарев в своей мемуарной книге «Шестой этаж» рассказывал: «Литературка» стала походить на ещё не забытую литераторами старшего поколения «Кулытуру и жизнь» — главный пала-

ческий орган конца сороковых годов (это было детище Управления пропаганды и агитации ЦК, возглавляемого тогда Г.Александровым, отчего газету окрестили «Александровским централом»). В каждом номере «Литературка» кого-нибудь поносила и громила. Журнал «Пионер» за рассказ Макса Бременера «Первая ступень», «Театр» – за дискуссию о пьесе Александра Штейна «Гостиница «Астория», «Юность» – за повесть Лазаря Карелина «Общежитие», «Искусство кино» – за статью Александра Аникста «О социалистическом реализме». Это неполный перечень всего за два месяца...»

Однако Кочетову этого было мало. Он хотел добить Симонова и Дудинцева на их же поле – романом. В противовес Дудинцеву писатель задумал свою книгу – «Братья Ершовы», которую в 1958 году сходу напечатал в «Неве» его соратник Сергей Воронин.

Исследователь художественной литературы времён «оттепели» М.Зезина уже в 1999 году отметила: «Роман был остро современным, его действие происходило с конца 1955 до начала 1957 г. Для автора это было трудное, хмурое время с «гнилыми оттепелями», и он был рад, что оно, наконец, закончилось. Бросалась в глаза откровенно антиинтеллигентская правленность романа. Все положительные герои были рабочими, а отрицательные интеллигентами. Некоторые персонажи были узнаваемы – в карикатурном виде автор изобразил известных писателей, а иллюстрации в журнале подчёркивали сходство персонажей с их прообразами. По иллюстрациям в проходимце Орлеанцеве нельзя было не узнать К.М. Симонова. Роман был встречен потоком хвалебных рецензий. Одной из самых заметных публикаций в поддержку романа Кочетова стала статья ректора Ростовского университета Ю.А. Жданова (сына А.А. Жданова) под вызывающим названием «Третьего не дано». В статье остро ставился вопрос об идеологическом размежевании в обществе, причём индикатором политической позиции автор считал отношение к роману Кочетова: или ты за роман, или ты ревизионист».

Кроме Симонова, от романа Кочетова пострадали и многие другие деятели культуры либерального толка. Под прозрачными псевдонимами писатель в отрицательной форме вывел также драматургов Самуила Алёшина, Николая Погодина, Александра Штейна, очеркиста Валентина Овечкина, режиссёра Охлопкова. У Штейна ему не понравилась пьеса «Персональное дело», а Погодин возмутил его «Сонетом Петрарки».

Понятно, «пострадавшие» устроили скандал. Однако на стороне Кочетова оказалась чуть ли не вся партийная пресса, которая была практически полностью подконтрольна такому ортодоксу, как Поспелов. Поэтому первые отклики – Искры Денисовой в «Комсомольской правде» и Аркадия Эльяшевича в «Ленинградской правде» – носили исключительно восторженный характер.

Дальше эту линию должны были закрепить литературные издания. Поскольку существовали определённые этические правила, «Литгазета» на какое-то время дистанцировалась от обсуждения романа своего главного редактора. Охранители решили, что основные установки должны были исходить от новой писательской газеты -«Литература и жизнь». Не случайно главный материал они заказали Ивану Шевцову, который за полгода до этого поместил у Кочетова программную статью «Эпос народного подвига» с панегириками в адрес двух новоявленных полуграмотных литгенералов – Евгения Поповкина и Михаила Алексеева.

Но Шевцов поступил как солдафон. Он принёс в «Литературу и жизнь» длиннющую

статью «Орлеанцев Медный другой», в которой прямолинейно заявил, что на минувший 1957-й год пришёлся разгар ревизионных атак на ленинский принцип партийности и искусства, на метод социалистического реализма. Это первое, что сильно напугало Полторацкого. Он считал, что такие вещи указывать имело право лишь руководство ЦК, но никак не Шевцов. Однако критик на этом не угомонился. Далее он в своей статье заявил: «Поскольку борьба на идеологическом фронте, в частности, на фронте культуры, жизнь и деятельность художественной интеллигенции и является частью жизни народа, то вполне закономерно, что она неоднократно ставилась в произведениях советских писателей, особенно тех, которые стоят на переднем крае этой борьбы – независимо от занимаемых ими идей-

ных позиций. Тему «Искусство жизнь» затрагивали в своих произведениях многие советские писатели. Но, пожалуй, наиболее остро она была поставлена в повести И.Эренбурга «Оттепель», рома-О.Чёрного нах «Опера Снегина» А.Бартэна «Творчество», в пьесе А.Софронова «Человек в отставке» и, наконец, в только что опубликованном романе В.Коче-TOR2 «Братья Ершовы». Романы О.Чёрного и А.Бартэна прошли как-то незамеченными, потому что ав-

торы их

срезали, закруглили острые углы, упростили правду; позиция их была какая-то половинчатая, не совсем чёткая. Не до конца было ясно, что они отстаивают и против чего борются. Иное дело у Эренбурга – там всё ясно, даже намёки и полунамёки не остались для читателя загадкой. Другой вопрос – идейноэстетические позиции, с которых выступил автор «Оттепели». Они, конечно, диаметрально противоположны позициям авторов «Человека в отставке» и «Братьев Ершовых».

Понятно, что такие пассажи Полторацкого не устроили. Он потребовал от соратника убрать откровенные призывы к расправе над инакомыслящими.

Шевцов подчинился и в середине августа 1958 года представил редакции новый вариант. К своей статье он приложил записку для завотделом литературы М.Лобанова.«Михаил Петрович! – писал Шевцов. – Посылаю исправленную и переделанную с учётом

24 МИР СЕВЕРА

«подходящий» — три подвала. Кроме замечаний редколлегии я изъял из статъи всё, что касалось И.Эренбурга. Аллах с ним. Мне остаётся лишь напомнить тебе о последнем пожелании редколлегии — «не тянуть». Я это пожелание учёл с предельной точностью — статью поправил быстро. Теперь дело за тобой. С приветом, И.Шевцов».

Но и второй вариант статьи оказался чересчур воинствующим. Полторацкий вынужден был и его отвергнуть.

Уже в «нулевые» годы я попросил старый скандал с Шевцовым прокомментировать Лобанова. Тем более что он, судя по архивным материалам, ровно через неделю после вердикта Полторацкого о статье против Кочетова готовил к публикации другой опус Шевцова – «Стихия субъективности» с разносом лекций Ильи Сельвинского. Но критик от прямых оценок уклонился. «Не помню, – сказал он. - Может, Полторацкий что-то и поручал мне, но в моей памяти материалы Шевцова не остались». Лобанов никогда не был поклонником творчества ни Шевцова, ни Кочетова. Он считал их идеи ошибочными. Для него истинными выразителями народных чаяний в первую очередь оставались Шолохов и Леонид Леонов.

Меж тем Полторацкому позарез нужна была взвешенная статья о «Братьях Ершовых». Больше молчать он уже не мог. Иначе получалось, что газета косвенно солидаризировалась с либералами в неприятии Кочетова.

После некоторых раздумий Полторацкий обратился за помощью к Михаилу Алексееву, который служил у Кочетова шефом отдела русской литературы. Тот, как и его начальник, принадлежал к охранителям, но был, что ли, похитрее. Работавший с ним в «Литгазете» Лазарев вспоминал, что Алексеев считался молодым писателем, взращённым Воениздатом. «Я его не читал, единственное, что

слышал о нём до его прихода в газету, было связано с паскудной историей тяжбы «Воениздата» с Василием Гроссманом, затеянной после публикации разгромной статьи Михаила Бубеннова о романе «За правое дело». «Воениздат» не только не стал издавать роман, но решил через суд востребовать выданный автору аванс. На этом суде интересы издательства очень напористо отстаивал Алексеев. Этот эпизод, как показала потом его работа в «Литературке», не был в биографии Алексеева случайным. Он принадлежал к единомышленникам Кочетова, деятельно реализовал его программу удушения «оттепельной» литературы. Но был человеком более гибким, чем Кочетов, более дипломатичным, не во всех случаях лез демонстративно напролом, варил тот же суп, стараясь не разжигать слишком большого огня. При Алексееве был выделен на правах некоторой автономии отдел литературоведения и эстетики. Алексеев не скрывал, что мало смыслит в этих материях, его совершенно не занимали эти, как ему казалось, далёкие от текущей литературной жизни проблемы».

Так вот, Алексеев в два присеста сочинил для «Литературы и жизни» о своём шефе лизоблюдскую, но без ненужной остроты статью «Братья Ершовы ведут бой». Полторацкий опубликовал её уже 3 сентября. Спустя три дня Кочетов, не удержавшись, наплевал на всякую этику и дал у себя в «Литгазете» хвалебный отклик на свой роман сына Андрея Жданова – химика Юрия Жданова.

Либералы в ответ решили устроить Кочетову обструкцию на писательских собраниях. Это очень сильно встревожило партаппарат. 6 сентября 1958 года три чиновника из отдела культуры ЦК Борис Ярустовский, Владимир Баскаков и Игорь Черноуцан направили в секретариат ЦК служебную записку. Они отметили, что «Братья

Ершовы» вызвали раскол в среде творческой интеллигенции. Кочетова безоговорочно поддержали в основном литфункционеры, в том числе первый заместитель председателя Оргкомитета Союза писателей России Георгий Марков, секретарь парткома Виктор Сытин и зампредседателя Московской писательской организации Аркадий Васильев. «По мнению секретаря парткома Московской организации писателей т. Сытина, – писали партийные комиссары, ажиотаж вокруг романа связан с тем, что В.Кочетова многие писатели не любят и ищут повод свести с ним счёты, критикуя роман. В.Сытин полагает, что в романе В.Кочетова нет идейно ошибочных тенденций, но что писатель явно перегнул, изображая Московскую писательскую организацию источником всех вредных и ошибочных настроений в литературе». Однако роман Кочетова вызвал яростное неудовольствие в либеральной среде. Так, Твардовский без всяких экивоков оценил «Братьев Ершовых» как «разбойное явление в литературе». «Безобразным» назвал этот роман и Борис Лавренёв.

В партаппарате, стремясь не допустить разрастания скандала, предложили срочно дать в «Правде» статью, успокаивающую все стороны. «Статья, — заявила троица фунционеров из отдела культуры ЦК, — должна поддержать роман «Братья Ершовы» в его направленности против ревизионизма и помочь автору при подготовке отдельного издания устранить недостатки в журнальной публикации романа».

Статья такого плана появилась в «Правде» 25 сентября. Её написал некто В.Михайлов (похоже, за этим псевдонимом скрылся коллектив всего отдела литературы «Правды»). В тот же день в Союзе писателей состоялось обсуждение романа. Черноуцан докладывал: «Безоговорочно

№ 2 / 2012 **25**

положительно оценили роман Падерин, критик Шкерин, член редколлегии журнала «Нева» Хватов и работник «Литературной газеты» Стариков». Потом выступил критик Александр Дементьев, который попытался услужить и «вашим» (когда-то он в Ленинграде учил Кочетова разоблачать космополитов), и «нашим» (иначе его вновь не взял бы к себе в «Новый мир» Твардовский). Много критических замечаний оказалось у С.С. Смирнова, Олега Войтинского и К.Горбунова.

Но страсти не улеглись. Отвечавший в КГБ за работу с творческой интеллигенцией Филипп Бобков 6 октября 1958 года доложил, что в писательских кругах роман Кочетова взывал в основном одно неудовольствие. «Ещё никто так не оплевал, – признался драматург Б.Ф. Чирсков, – так не очернил наше советское искусство, нашу художественную интеллигенцию, как это сделал Кочетов».

Бобков передал один из своих разговоров с драматургом Александром Штейном: «Гуляют по Переделкину Федин с Леоновым, Вс. Иванов с К.Чуковским, Ираклий Андроников с Катаевым и издеваются над Кочетовым, рассказывают друг другу самые вопиющие эпизоды, приводят цитаты, а выступать никто из них не хочет, все боятся неприятностей, берегут нервы».

Все понимали, что бои будут продолжены. Кочетов, недовольный тем, как прошло обсуждение «Братьев Ершовых» в Союзе писателей, срочно заказал статьи против своих оппонентов и одновременно усилил борьбу против своих ленинградских недругов Веры Пановой и Даниила Гранина. Это возмутило уже Бориса Полевого, который потребовал разобраться с Кочетовым на секретариате Союза советских писателей. «С этим надо кончать, – заявил Полевой 27 ноября 1958 года на секретариате. – На грифе газеты написано: «Орган президиума Союза советских писателей», а не «Орган группки литературных друзей Всеволода Кочетова» <...> Мы не можем допускать, чтобы на страницах органа Союза писателей критики действовали по принципу известного околоточного Мымрецова: одних тащить, других не пущать». Полевого поддержал Сурков.

Будь Кочетов поумней и погибче, он хотя бы на какое-то время остановился, взял бы тайм-аут. Но куда там?! Писатель закусил удила. И товарищи его оказались хороши. Никто не одёрнул художника, не сказал ему, что далеко не всё в романе «Братья Ершовы» совершенно. Я нашёл в архиве, к примеру, рецензию Шамиля Галимова «За полноправные и многогранные характеры». Этот преподаватель Архангельского пединститута 9 января 1959 года писал в газету «Литература и жизнь»: «Уважаемая редакция! Посылаю Вам рецензию на роман В.Кочетова «Братья Ершовы». В большинстве существующих рецензий роман сверх меры захвален. Но отношение чит. массы к роману, чит. кор и по этой книге свидетельствуют, что произведение не лишено весьма значительных недостатков. Отдавая должное достоинствам романа, в своей статье я счёл нужным остановиться именно на некоторых слабых сторонах произведения, которые, как мне кажется, значительно снижают впечатляю-ЩУЮ СИЛУ КНИГИ».

Однако Полторацкий печатать сдержанный отзыв Галимова наотрез отказался. По его поручению А.Поликанов 26 января ответил архангельскому критику: «Роман В.Кочетова получил слишком широкий отклик в печати, и редакция просто не имеет возможности возвращаться к этому вопросу».

Все знали, что Кочетов никакую критику в свой адрес даже слушать не хотел. Он всё сделал, чтобы в начале 1959 года его «выдвинули на соискание Ленинской премии, но

теперь уже за «Братьев Ершовых». Другими претендентами стали Александр Андреев (за повесть «Очень хочется жить»), Сергей Викулов (за поэму «Трудное счастье»), И.Винниченко (за сборник очерков «Жизнь не ждёт»), Юрий Рытхэу (за повесть «Время таяния снегов»), Даниил Гранин (за роман «После свадьбы»), Фёдор Панфёров (за роман «Раздумье») и Борис Полевой (за роман «Глубокий тыл»). Но дали премию только одному казахскому прозаику Мухтару Ауэзову (за «Путь Абая»), за которым маячила фигура председателя Союза писателей России Леонида Соболева.

По одной из версий, судьбу Кочетова решила секретарь ЦК Екатерина Фурцева. Якобы устав от напора либералов, она предложила Кочетову подать по состоянию здоровья в отставку, решив заменить его на С.С. Смирнова (который до этого отличился в травле Пастернака). Официально решение секретариата Союза писателей СССР состоялось 9 марта 1959 года. В постановлении было сказано: «Учитывая настоятельную рекомендацию врачей о необходимости длительного лечения тов. Кочетова В.А. и его желание сосредоточиться после лечения на литературно-творческой работе, удовлетворить просьбу тов. Кочетова об освобождении его от обязанностей главного редактора «Литературной газеты».

Однако Кочетов даже после вынужденного расставания с «Литгазетой» не сдался. Едва передохнув, он решил новый бой дать уже Константину Паустовскому, попросив для этого трибуну у своего соратника Полторацкого в «Литературе и жизни». Паустовский давно предлагал сильно обновить руководство писательского союза и литературных изданий и избавить художников от мелочной опеки со стороны партийных органов и литературных генералов. В ответ Кочетов написал статью «О правде и неправде». Возражая Паустовскому, он спрашивал: «Куда же девать непременные «наши достижения», если жизнь сегодня состоит главным образом, как тут ни крути, всё-таки из «наших достижений», а не из «наших упущений». Ну как же искусственно отмести, отбросить реальность и малевать одним трагическим и чёрным, если даже оно, это трагическое и чёрное, и существует? Нельзя же, с одной стороны, ратовать за полнокровную живопись, богатую красками (к этому же зовёт К.Паустовский, и справедливо зовёт), и в то же время подталкивать под локоть: «А ты чего всё-то краски давишь на палитру? Чёрненького давай, чёрненького. Впечатляет»...».

Читателям высокомерный ответ Кочетова сильно не понравился. Они буквально завалили газету своими возражениями. Я приведу для примера отклик ленинградской читательницы Е.Морачевской. 21 июня 1959 года она отправила в редакцию следующее письмо:

«Уважаемый т. Полторацкий! Я регулярно читаю Вашу газету и должна сказать, что она мне нравится, бывают в ней интересные статьи, информации и т.д. Но вот в № 73 (189) от 19 июня 1959 г. я прочитала статью В.Кочетова «О правде и неправде». Должна сказать, что произведения В.Кочетова мне, как читателю, нравятся, одни больше, другие меньше. Но эта статья показалась мне нарочито недоброжелательной. Прямо об этом в статье не говорится, но за каждый словом, несмотря на их м.б. и правильность, чувствуется недоброжелательность к К.Паустовскому. Я не берусь судить о статье В.Кочетова с точки зрения литературоведа писателя, или критика. Я обыкновенный советский читатель, любящий литературу вообще, а русскую особенно.

Мне кажется, что В.Кочетов не прав, говоря о том, что К.Паустовский не читал и не знаком с произведениями по-

следнего времени (Николаева, Очеретин, Шундик и др., не говоря уж о «Судьбе человека»). Мне думается, что такой большой (я не оговариваюсь) писатель, как К.Паустовский, не может не знать о произведениях своих собратьев по перу. И если он говорит о «комплиментах» читателю, то говорит о тех авторах, книги которых читаешь и сразу же после нескольких страниц знаешь, что всё благополучно кончится. Не могу назвать имён и названий, т.к. эти книги столь же быстро забываются, как и авторы. Но Вы, по всей вероятности, знаете такие книги и таких авторов. Думается мне, что К.Паустовский имел в виду именно таких писателей, а не таких, как Шолохов, Фадеев, Казакевич.

И слова В.Кочетова явно притянуты за уши. И повторяю, вся эта статья проникнута недоброжелательностью к К.Паустовскому. Невольно думаешь, что В.Кочетовым руководило желание опорочить хорошее имя К.Паустовского. По-видимому, т. Кочетов забыл, о чём говорил недавно т. Хрущёв на III съезде писателей. Сколько можно? На съезде о статье К.Паустовского говорил т. Соболев и, между прочим, обошёлся без недоброжелательности. Я читала его выступление и вполне согласна с ним.

Мне кажется, что т. Кочетову (да и не только ему) пора бы уже перестать видеть в каждом «инакомыслящем» советском писателе потенциального врага. У писателей могут быть разные приёмы видения, но это не значит, что они антиподы. Может быть, повторяю, т. Кочетов и прав, но это не даёт ему основания так недоброжелательно и предубеждённо относиться к одному из самых любимых советских писателей К.Г. Паустовскому. Простите, что обращаюсь к Вам, но мне думается, что Вам, главному редактору одной из самых распространённых газет, будет м.б. небезынтересно мнение рядового её читателя, неискушённого во «внутренних» делах писателей».

И что же ей ответил Полторацкий? А вот что.

«Редакция получила письмо, в котором Вы излагаете своё мнение о статье В.Кочетова, полемизирующей со статьёй К.Паустовского.

Думается, что в своих суждениях Вы неправы, и вот почему:

К.Г. Паустовский писатель интересный, талантливый. Это никто, в том числе и Кочетов – писатель тоже интересный и тоже талантливый – не отрицает...

Но К.Паустовский в своей статье, опубликованной в «Литературной газете», высказывает ошибочные взгляды, расходящиеся с действительностью. На это т. Паустовскому указывали в своих выступлениях на III съезде писателей СССР тт. Б.Рюриков, Л.Соболев, А.Дымшиц. Об этих же ошибочных взглядах К.Паустовского говорит и В.Кочетов. Выступление его продиктовано доброжелательностью и заботой о литературе.

Вы же, обвиняя Кочетова в грехах ему не свойственных, руководствуетесь иным принципом: «Караул, – наших бьют!»...

Этот принцип отживший. Настоящий человек не будет замалчивать промахов товарища, а скажет ему прямо, без увёрток и скидок всё, что он думает. Именно так и поступил В.Кочетов, в отличие от «друзей», которые из «дружеских» побуждений будут замалчивать ошибки товарища, а потом продадут его за три копейки...

Вот этого-то Вы, видимо, и не учитываете.

Повторяю, что К.Паустовский писатель талантливый. Против этого никто не спорит. Никто не думает обижать его. Но поправить, к чему и стремился В.Кочетов, — это долг друга и настоящего советского литератора.

С приветом.

Главный редактор В.Полторацкий».

Меж тем начала кардинально меняться ситуация и в верхах. Хрущёва стала раздражать набиравшая силу Фурцева. Но и страшная ортодоксальность Поспелова его тоже уже не устраивала. Он думал, что новую линию в идеологии выработает Суслов. Однако тот всё время маневрировал. Хрущёву это не понравилось, и он в какой-то момент сделал ставку на Фрола Козлова, дав ему полномочия, по сути, второго человека в партии. Козлов хорошо помнил Кочетова ещё по Ленинграду, и он, очень желая иметь своих людей не только в ключевых отраслях промышленности, но и в сфере культуры, решил продвинуть близкого ему писателя на новую должность. С его помощью романист оказался вхож к помощнику Хрущёва по идеологии Владимиру Лебедеву.

Уже осенью 1971 года критик Владимир Лакшин со слов Елизара Мальцева записал в своём дневнике: «Лебедев был близок с кочетовской шайкой и сам дубина. Уверял Мальцева, что «Братьев Ершовых» будут читать и через сто лет».

Кочетов убедил Лебедева в том, что творцы «оттепели» только делали вид, будто они целились в эстетику. Огонь был дан по идеологии. И писателю поверили. Уже в конце 1960 года состоялось решение о его назначении в «Октябрь».

Получив журнал, Кочетов повёл себя крайне решительно. Он сразу дал понять, что никаким ревизионистам от него пощады не будет.

И совсем другая обстановка сложилась к тому времени в газете «Литература и жизнь». Коллектив раскололся. Одни сотрудники уже совсем ничего не хотели делать, считая, что всё проиграли ещё до них. Другие пока барахтались, но они никак не могли выдвинуть из своей среды лидера.

В какой-то момент часть недовольных стала равняться на Кочетова. Почему?

Первое. Кочетов имел чёткое мировоззрение. Он считал, что наши идейные противники пытались подорвать устои советского строя в том числе через разложение социалистической культуры. «Мировоззрение и прошлый опыт, - настаивал писатель, вот главное. Без чёткого мировоззрения начинается алхимия в колбе, онанизм в литературе». Симонов и Твардовский в его представлении были ревизионистами, которым следовало дать решительный бой. Этот настрой писателя ещё весной 1961 года отметил критик Дымшиц. «В.Кочетов, – подчеркнул критик в своём рабочем блокноте за 24 мая, - очень умно говорил о делах театра и кино, об «Иркутской истории», о том, что «просмотрели» «Летят журавли» – а там пошло – и «Неотправленное письмо» и пр... Справедливо хвалил картину по сценарию Ивана Стаднюка «Человек не сдаётся» (какие герои-пограничники, их бомбят, они - не дрогнув – стоят у Знамени, в центре – настоящий герой; всё – правда, мы помним, так и было летом 41-го). Критиковал «Чистое небо» Чухрая, считает, что фильм не гуманистичен - «ржавым лемехом по сердцу», не показано общество, герои - одиночки».

Второе. Кочетов оказался очень разборчив в подборе своих сторонников. По своему духу он был интернационалистом. Неопочвенники его сильно раздражали. По мнению писателя, «деревенщики» ошибочно звали народ в прошлое и мешали двигаться вперёд. Именно на этой почве он так и не сошёлся ни с Владимиром Солоухиным, ни с Михаилом Лобановым, а позднее вдрызг разругался с новым главным редактором журнала «Молодая гвардия» Никоновым.

И третье. Кочетов умел постоять за себя и за свою команду. Он не отсиживался в окопах, и если надо было, то шёл на конфликты даже со всесильным партаппаратом.

Не случайно часть редакции газеты «Литература и жизнь» мечтала перейти на работу именно в «Октябрь» к Кочетову. Хотя это было не единственное издание, стоявшее на охранительных позициях. В столице регулярно выходили также журналы «Москва», «Молодая гвардия», «Огонёк», «Дружба народов», «Знамя». Ан нет, в ту же «Москву» ушла одна лишь Виктория Старикова, да и то, чтобы не разводить в «Литературе и жизни» семейственность (ей не захотелось подводить своего мужа Дмитрия Старикова), «Молодая гвардия» смогла переманить только Владимира Бушина, а «Огонёк» прельстил, кажется, разве что Олега Куприна.

Первым новую дорогу в «Октябрь» проложил критик Александр Дымшиц (он с Кочетовым сблизился ещё в начале 1950-х годов в Ленинграде). В «Октябрь» его взяли уже весной 1961 года. Затем лыжи навострил Константин Поздняев. Далее в «Октябрь» собрались завкорсетью «Литературы и жизни» Клавдия Стрельченко, завотделом критики Ленина Иванова, её преемник Дмитрий Стариков, дочка писателя Алексея Кожинова – Наталья и некоторые другие сотрудники.

Однако Кочетов не торопил события. Он видел в «Литературе и жизни» не только один из источников формирования кадров для своего журнала. Ему не хотелось лишиться трибуны, где можно было периодически высказываться по интересующим его темам.

Впрочем, как публицист Кочетов печатался в газете не так уж и часто. Я бы отметил лишь одну его статью «Лицо писателя» в номере за 5 апреля 1961 года. Писатель не стерпел и дал свою негативную оценку новым тенденциям, ополчившись на так называемую молодёжную прозу.

Эта статья вызвала большую почту. Подавляющее большинство читателей позицию Кочетова не поддержало. Об-

щий настрой точней всех выразила преподавательница А.Эдельштейн. Она прислала главному редактору газеты Полторацкому гневную отповедь. «Редактируемая Вами газета, — писала Эдельштейн, — изредка — но всё же чаще, чем «Литературная газета» — раду-

ных». Эдельштейн возмутило, что Кочетов «тоном разделённого владыки вынес оскорбительный приговор чуть ли не всем молодым – да и не только молодым! – литераторам». Она считала, что от статьи Кочетова пострадал не Кочетов, «пострадало лицо

Писатель Всеволод Кочетов, композитор Тихон Хренников и писатель Вадим Кожевников направляются на заседание XXIV съезда КПСС

ет читателя недобросовестными, убогими, а порой и просто безграмотными высказываниями. Всё же даже и для «Литературы и жизни» появившаяся 5 апреля статья Кочетова «Лицо писателя», поражающая своим анахронизмом, беззастенчивой демагогией и убожеством мысли, является в некотором роде сенсацией. Вообще, надо сказать, что статьи этого автора – всегда в той или иной мере сенсация. Даже самый свежий анекдот не вызывает столько смеха - хотя и горького. Его высказывания, действительно, «смакуют». И – к великой радости автора, очевидно, делают это отнюдь не только «литературные гурманы, снобы и смакователи». Нет, Кочетов обладает завидной способностью «высекать огонь из камня» (в ряду крылатых кочетовских фраз данная занимает не последнее место) не только для избрангазеты. Ведь не лицо писателя, а лицо газеты получает пощёчину, когда на её столбцах появляются безграмотные параллели вроде: Уайльд и Северянин «паслись в гостиных» – Горький «тянул лямку», а Есенин «раскрывал душу» <...> А чего стоят «девицы со средним образованием».

Повторилась один к одному ситуация лета 1959 года: читательнице решил ответить лично главный редактор. 15 мая 1961 года Полторацкий подписал следующее письмо:

«Уважаемая тов. Эдельштейн! Нам (редколлегии) кажется, что Ваши суждения о статье В.Кочетова [«Лицо писателя», 1961, апрель. – Ред.] весьма субъективны и отдают предвзятостью. Нам непонятна Ваша желчность, с которой Вы обрушиваетесь на этого писателя. Оставляем это на Вашей совести. Когданибудь она очистится».

Словом, до публичной полемики дело так и не дошло.

Уверенный в своей правоте, Кочетов спешил к XXII съезду партии завершить свой новый роман «Секретарь парткома». «Я начал, – сообщал 14 июня 1961 года своей жене Александр Дымшиц, – читать роман Кочетова (Жур прислал мне вёрстку первых глав). Это очень, очень хорошо. Политическое так здорово слито с человеческим и многое верно и смело». Спустя три дня Дымшиц в очередном письме жене прибавил ещё пару штрихов. Он писал: «Дочитал (в рукописи) роман Кочетова. Он дал мне лично, я не хочу говорить о том, что читал всю вещь. Но сам получил огромное удовольствие очень современно, сотни трепетнейших вопросов жизни. Написано очень сильно, он очень вырос как художник. Будет прекрасная партийная книга, и очень человечная, представь - добрая. Получил я истинное наслаждение. Это будет событие крупное, пожалуй - несравненное (никаких «личностей» в романе нет, и если кто себя узнает, то по типоло-

Дымшиц в очередной раз показал, что со вкусом у него были проблемы. Не в меру восхваляя рукопись нового романа своего нового шефа, он в то же время на чём свет стоит продолжал костерить Виктора Некрасова и Йлью Эренбурга. Так, 20 июня 1961 года критик писал жене: «В «Новом мире» (№ 6) прочитал В.Некрасова – «Кира Георгиевна». И осталось у меня чувство, словно мне какой-то яд вполз в душу. Талантлив автор очень и люди такие есть в изобилии. И всё-таки – нехорошо от этого на душе. Я, конечно, понимаю, что «успокаивать» душу литература не должна. Но так уж душно в этой повести. Ох <...> Выходит № 6 «Октября» с моей рецензией на Эренбурга. Это будет большое разочарование. Ещё только вчера Вайсу один подонок сообщал, что в этом номере весь отдел критики посвящён фронтальному разгрому Эренбурга».

Что касается Кочетова, он ждал двадцать второго съезда партии как манны небесной. Он думал, что ему удастся на этом форуме окончательно додавить своих. Но его сценарий потерпел провал.

На съезде делегаты вопреки ожиданиям поддержали не ортодокса Кочетова, а вольнодумца Твардовского. Более того, редактора «Октября» за-«Блистательный хлопали. провал Кочетова на съезде, зафиксировал 31 октября 1961 года в своих рабочих тетрадях Твардовский. – За весь съезд – два звонка к заму, возгласы «хватит». Неужели не будет скобок «шум в зале»?» Скобок действительно не последовало. Хрущёвское окружение сделало другие выводы. Напуганное ростом влияния Твардовского, оно вспомнило про излюбленный приём всех властителей сдержек и противовесов и включило в руководящие партийные органы как редактора «Нового мира», так и его оппонента – Кочетова (Твардовский стал кандидатом в члены ЦК КПСС, а Кочетов – членом Центральной ревизионной комиссии КПСС).

Публичная перепалка двух редакторов на партийном съезде напугала весь партаппарат. Вскоре после съезда завотделом культуры ЦК Поликарпов подготовил для Суслова обстоятельную справку. Он отметил, что зарубежные журналисты вы-Твардовского ступление представили «как наиболее полное выражение подлинно партийной позиции», а речь Кочетова третировалась «как якобы противоречащая всему духу и пафосу XXII съезда». Далее Поликарпов доказывал, что Запад всё перепутал. «В выступлении т. Твардовского, - подчёркивал Поликарпов, - высказано много верных мыслей о сущности литературы и путях воздействия её на сердце и душу читателя. Однако при рассмотрении

этих коренных проблем литературного творчества в речи т. Твардовского была допущена односторонность, а некоторые акценты её дают основания для поддержки тенденций, уводящих от главной линии развития литературы». В таком же ключе оценил Поликарпов и речь Кочетова. «Верным было и стремление т. Кочетова вопреки ревизионистским измышлениям показать художественное богатство и многокрасочность нашего современного искусства». Не понравилось Поликарпову другое: почему Кочетов не похвалил «значительные книги» Бориса Полевого, Владимира Фоменко, Виля Липатова и Константина Симонова, зато отметил слабые сочинения Евгения Белянкина, И.Мельниченко и Ивана Стаднюка.

Тем не менее в конце справки Поликарпов однозначно взял Кочетова под защиту. Он отметил: «Журнал «Новый мир» не упускает случая, чтобы свести счёты с В.Кочетовым, предъявляя ему также без достаточных оснований политического обвинения характера. Оба последних романа В.Кочетова – «Братья Ершовы» и «Секретарь обкома» – были подвергнуты уничтожающему разносу на страницах «Нового мира» в статьях заместителя редактора журнала А.Дементьева и члена редколлегии А.Марьямова. А другой заместитель главного редактора журнала А.Кондратович опубликовал разгромную рецензию о романе молодого писателя И.Мельниченко, в которой главный удар нанесён не по автору романа, а по В.Кочетову, написавшему к нему похвальное предисловие (Новый мир. 1961. № 9). Полемика между журналами переходит подчас в перепалку, а отношения между редакторами приобрели за последнее время крайне недружелюбный характер. Всё это чрезвычайно осложняет положение в литературе и литературной среде, используется окололи-

тературными обывательскими элементами, интересующимися не столько литературой, сколько скандалами в литературе. Следует сказать, что неправильную позицию в этом конфликте занял т. Сурков А.А., который по существу содействует обострению разногласий, по каждому поводу выступая против Кочетова. Так, например, весной 1961 г. т. Сурков в очень резких выражениях, без достаточных оснований критиковал статью т. Кочетова по итогам январского Пленума ЦК, опубликованную во втором номере журнала «Октябрь». На последнем партийном собрании московских писателей т. Сурков присоединился к необоснованной критике выступления т. Кочетова В.А. на XXII съезде, а на III пленуме СП СССР не поддержал т. Маркова Г.М., выступившего против попытки некоторых литераторов свести работу пленума к скандальной перепалке вокруг Кочетова и его романа. Совершенно недопустимо для коммуниста ведёт себя секретарь Правления Союза писателей СССР т. Салынский, который выступает с явно демагогических позиций, поддерживая отсталые, нездоровые настроения среди части московских писателей. Разногласия между ведущими писателями, руководителями Союза – членами центральных партийных органов дезорганизуют работу Секретариата, который призван сплачивать силы литераторов на решение важнейших идейно-творческих Как сообщил секретарь Правления СП СССР т. Кожевников, за последнее время по ряду принципиальных вопросов Секретариату не удаётся достигнуть согласованных позиций».

Свою лепту в разжигание групповой борьбы внесла и газета «Литература и жизнь». 13 октября 1961 года она опубликовала о «Секретаре обкома» неприлично хвалебную статью Ивана Шевцова «Пульс времени», за пять дней

до этого разгромив руками того же Шевцова (при участии Владимира Котова) «Звёздный билет» Василия Аксёнова. Эту линию потом продолжил в газете председатель Союза писателей России Леонид Соболев. 22 февраля 1962 года Лидия Чуковская сообщала вятскому краеведу Евгению Петряеву: «Сегодня в ЛИЖИ» («Литература жизнь») подлейшая статья Соболева о том, что Кочетов – образец гражданского мужества, а те, кто его критикует, ему стреляют в спину... Это люди, выступающие с трибуны прямо и подписывающие свои имена под статьями».

А тут ещё вскоре Твардовский добился разрешения на публикацию лагерной повести Солженицына. Многие редакторы на всякий случай решили прогнуться и осторожно похвалили Солженицына. И только Кочетов остался непреклонен в своём мнении. Дымшиц в своём блокноте 27 ноября 1962 года отметил: «Спорил с ним [Кочетовым] о повести А.Солженицына, он – решительно против». Тогда же критик подал заявление об отставке. Правда, из «Октября» он ушёл не из-за разногласий по поводу Солженицына. Камнем преткновения стал Карелин, который заподозрил Дымшица в игре на два лагеря.

Здесь надо сказать о том, что ещё раньше «Октябрь» покинула Ленина Иванова (она перешла в «Литгазету» к Косолапову), а потом уволилась и Наталья Кожевникова (её приняли в аспирантуру, кажется, Института русского языка). Это к вопросу о том, как быстро Кочетов стал кумиром большой группы сотрудников газеты «Литература и жизнь» и как быстро писатель разочаровал своих недавних сторонников. Я уже не говорю о том, что к 1962 году у Кочетова сильно ухудшились отношения с критиком Друзиным, который ранее ходил в его приятелях.

Вскоре после двадцать второго съезда режиссёр Влади-

мир Чеботарёв получил срочный соцзаказ экранизировать кочетовский роман «Секретарь обкома». Премьера состоялась в начале 1964 года. Твардовский, когда увидел фильм. пришёл в ужас. «Фильм о должности, - написал он в своём дневнике, - а не о человеке, культ должности. Отвратительная отчуждённость от «простых людей», хотя внешние и тошнотворные черты «близости к народу», «демократизма» не забыты: здоровается за ручку с охранником при входе в обком, запросто беседует со «своим» шофёром, которого забирает с собой, как положено, при переезде в другую область. Колхозники – щебечущий, смеющийся плоским шуткам высокого начальства ансамблец – ни слова о них как людях, чего-нибудь на свете желающих, кроме выполнения плана поставок мяса и т.п.» (запись от 23 марта 1964 года).

Знающие люди утверждали, будто Кочетов своим романом и фильмом очень хотел угодить своему покровителю Фролу Козлову, которого молва ещё в начале 1960-х годов записала в преемники Хрущёва. «Странное дело, – отмечал в своём дневнике Твардовский, Денисов главный герой романа и фильма. — B.O.], положительный по заданию, подобран в смысле обличья, типажа с каким-то роковым сходством с Кочетовым и с Козловым одновременно. Тонкогубое недоброе лицо, тяжкий «энкавэдэшный» взгляд «руководителя», всегда что-то знающего, чего никто больше не знает, и видящего насквозь всех».

Но Кочетов, видимо, просчитался. Никакого преемника из Козлова не получилось. Он оказался замешан в какойто тёмной истории, и конец его был очень трагичен. С ним случился инсульт.

После отхода Козлова от дел, как считали аналитики, следовало ожидать опалы Кочетова. И всё поначалу к этому шло. От него быстро отме-

жевалась даже часть охранителей. На разрыв с писателем пошёл даже Соболев. Журналист Леонид Владимирский в своей книге «Россия без прикрас и умолчания», вышедшей в 1969 году на Западе, рассказывал, как в один из дней Второго съезда писателей России Соболев, желая задобрить провинциальных литчиновников, организовал «интимный» вечер, на котором сформулировал четыре задачи на ближайшее время. «Первое – убрать Федина [из секретариата Союза советских писателей. — Ped.], потому что «этот мягкотелый интеллигент не способен противостоять клеветникам и модернистам», второе - убрать Твардовского <...>, так как его имя «стало знаменем всех ревизионистов в советской литературе», третье убрать Кочетова <...>, «ибо своими неприличными выходками и плохим стилем он компрометирует наш союз», четвёртое - «тут вы меня поймите правильно, товарищи, я не антисемит, у меня масса друзей евреев, я за то, чтобы евреи трудились во всех областях нашей жизни наряду с другими нациями, но в литературе, в великой русской литературе им делать нечего».

Кочетов с трудом попал в списки делегатов двадцать третьего партийного съезда. Потом его не включили ни в какие выборные органы: ни в ЦК, ни в Центральную ревизионную комиссию. Твардовский, который тоже оказался за бортом всех списков, ликовал. Он писал в своём дневнике: «И если я хоть знаю, за что не пришёлся ко двору, и давно ждал этого выпадения своей персоны из списка, то каково самочувствие, например, Кочетова, который утрачивает свою полумифическую, но всегда имевшую реальную силу внушения, прикосновенность к высшим кругам, и делал всё возможное, из кожи лез, чтобы удержаться» (запись от 10 апреля 1966 года).

Однако Твардовский ошибся. Кочетов, несмотря на по-

терю членства в высших партийных органах, удержался не только на редакторском посту. Он сохранил влияние на власть.

После двадцать третьего съезда Кочетов продолжал вести себя как бог и царь. Даже аппаратчики из ЦК партии ему были не указ. Писатель упорно, к примеру, не инструктора ЦК КПСС Владимира Ерёменко. Тот впоследствии не раз рассказывал критику Игорю Дедкову, как реагировали на его звонки и приглашения зайти в ЦК на очередную беседу Твардовский и Кочетов. «А.Т. в таких случаях молча выслушивал приглашение, переспрашивал иногда, когда и к какому часу, потом говорил: «Хорошо, буду» - и вешал трубку. Он был человеком дисциплины, и ему не приходило в голову, что голосу из Цека можно не повиноваться, возражать. «Хорошо, буду», приходил, выслушивал, что ему наговаривали, прощался, уходил, иногда сказав что-нибудь вроде того, что вы всё-таки не всё поняли верно, не во всём разобрались, но это говорил спокойно, со вздохом, сожалея больше, чем возмущаясь. В тот же день Ерёменко позвонил Кочетову и тоже пригласил его. Кочетов стал спрашивать, какова повестка заседания, кто докладчик. Я сказал ему, рассказывал Ерёменко, что своими вопросами он нарушает партийную этику, но что, идя ему навстречу, я могу сказать, что повестка такая-то и докладчик такой-то... «Вы все защищаете «Новый мир», – сказал в ответ Кочетов, – и я не приду». Последовало, видимо, что-то возмущённо-удивлённое со стороны Ерёменко, и тогда Кочетов заявил, что он болен и прийти не сможет. Такое разное поведение этих людей Ерёменко считает характерным; сказывались два характера; во всяком случае, очевидное благородство А.Т.» (этот рассказ я привожу по дневниковым записям Дедкова, сделанным 10 мая 1983 года).

Молва утверждала, будто в начале брежневского правления за Кочетовым стоял влиятельный член Политбюро Дмитрий Полянский, который покровительствовал также и Ивану Шевцову. Но Борис Можаев, весной 1968 года побывавший у Полянского на приёме, со смехом рассказывал, как тот вовсю открещивался от редактора «Октября». «Всё время, – приводил Можаев слова Полянского, - мне приписывают Кочетова. А почему, собственно? Я-то в глаза его не видел ни разу». Но вот уже в постсоветское время один из прорабов перестройки Александр Яковлев заявил: за спиной Кочетова якобы долгое время стоял чрезвычайно влиятельный помощник Брежнева – Виктор Голиков.

Кстати, с сотрудниками «Октября» Кочетов вёл себя также бесцеремонно, нагло и жёстко. Он от всех требовал беспрекословного подчинения. Это ярко подтверждает следующий эпизод, приведённый в книге Бориса Леонова «История советской литературы: Воспоминания современника» (М., 2008): «Критик Николай Михайлович Сергованцев рассказал, что в середине 1960-х годов, когда он работал в редакции журнала «Октябрь», как-то вызвал его в кабинет главный редактор журнала Всеволод Анисимович Кочетов. «Только я появился на пороге, Кочетов спросил: «Коля, а как ты относишься к онученосцам?» Я удивился: «А кто это такие?» – «Как это кто? Алексеев с его «Вишнёвым омутом» и Стаднюк со своими «Людьми», которые «не ангелы». И тут же, не дожидаясь моего «отношения», предложил: «Напиши-ка о них статью». Я знал, что Кочетов не очень-то по-доброму относился не только к крестьянам, хотя и начинал свой путь в большую литературу с романа «Товарищ агроном», поскольку сам некоторое время работал агрономом. Весь-

ма прохладно принимал он и сочинения своих собратьев по перу, в которых те «плакались» по деревне. Долго мучился я. Понимал: если они -«онученосцы», стало быть, статья должна быть не просто критической, а в целом отрицательной в оценке нравившихся мне романов «Вишнёвый омут» Михаила Алексеева и «Люди не ангелы» Ивана Стаднюка. Нет, не по мне эта задача: лукавить не мог и не хотел. А потом спустя некоторое время пришёл к Кочетову и сказал: «Извините, Всеволод Анисимович, но я не смогу написать про «онученосцев». Он глянул на меня и молча согласился: «Живи, мышь!»

Осенью 1969 года Кочетов в своём же журнале опубликовал свой же роман «Чего же ты хочешь?». Строго говоря, романом эту вещь можно было назвать лишь при большом воображении. У Кочетова получился раздутый до неимоверных объёмов обычный газетный фельетон, страстно обличавший очередную идеологическую диверсию Запада против советской молодёжи.

Как всегда, Кочетов своими героями избрал узнаваемые в писательских кругах персонажи. Он наделил внучку Леонида Андреева – Ольгу Карлайл, итальянского ревизиониста Роже Гароди, писателя Владимира Солоухина, художника Илью Глазунова прозрачными псевдонимами. А в центр книги главный редактор поставил себя любимого, но под фамилией Булатов.

Идейный смысл романа определял монолог антисоветчицы по имени Жанна Матвеевна, которая насаждала нашим либералам тактику западных пропагандистов: «Не Маяковского отлучать от коммунизма. А тащить в коммунизм, скажем, Мандельштама, Цветаеву, Пастернака... Изучите повнимательней их тексты, проинтерпретируйте, прокомментируйте. Вот, мол, подлинная поэзия революции... Литературный портрет нужен? Портрет Цветаевой! Литературный радиотеатр? Андреев! Стихи на эстраду? Мандельштам! На сцену? Бабель!»

Такой примитивизм вызвал у интеллектуалов лишь отвращение. Многие восприняли роман Кочетова как донос на творческую интеллигенцию, которую партийная элита и спецслужбы после Пражской весны не знали, как приструнить и застращать.

22 сентября 1969 года Твардовский записал в своём дневнике: «Дементьев вычитывал мне некоторые места из новой штуки Кочетова. Устами положительного отца разъясняется положительному сыну, что едва ли не первым условием нашей победы была ликвидация пятой колонны, то есть 37-й и 39-й годы. В чьих-то ещё устах сетования Ο голубе, заменив<шем> серп и молот. Намёки, «личности», подсказки, науськивания. И вместе с тем едва прикрытое («Я не тебя имею в виду, ты понимаешь меня») неприятие нынешнего руководства (или части его), которое, мол, «ни либералы, ни консерваторы». Отчётливый призыв к смелым и решительным действиям по выполнению и искоренению «отдельных», то есть людей из интеллигенции, которые смеют чего-то там размышлять, мечтать о демократии и пр. Очень сходное всё с тем, что говорил Щербина («наш КГБ – богадельня», «поставить 1 миллион к стенке – и всё будет ясно и спокойно»). Это уже никакая не литература, даже не плохая, – это общедоступная примитивнобеллетристическая форма пропаганды подлейших настроений и «идей» с ведома и одобрения. Дементьев говорит, что уже в киосках не достать № 9 «Октября»; давал мне чистый (без подчерков Лакшина и др.). Лакшин, говорит Дементьев, считает, что если это не будет обрублено в печати, то через два (?) года нам быть на виселице».

Власть на всякий случай сразу же от кочетовского романа отмежевалась. Но не все

в это поверили. «Новомирец» Лев Левицкий писал в своём дневнике: «Независимые писатели вроде Солженицына бельмо на глазу. Другое дело – Кочетов. Прекраснодушные фантазёры, не перестающие верить в торжество здравого смысла, усыпляют себя сказочками, что последний роман Кочетова пришёлся не ко двору. Смешно слушать это. Этот роман представляет собой беллетристическую разработку ходячих идеологических штампов. То, что он топорен и художественно тщедушен, может смутить строгий литературный вкус. Но до вкуса ли? Роман рассчитан на чиновного читателя - и читатель этот будет руки потирать от удовольствия. Даже в Италии, где поначалу был сильный шум по поводу изображения Витторио Страда, у Кочетова нашлись адвокаты, считающие, что Страда – ревизионист и, следовательно, поделом ему. Те, кто сегодня бьют прямой наводкой по Солженицыну, ни капельки не шокированы примитивностью кочетовского письма. Эта примитивность не только опирается на мифологию, но и питает её. Обнажение мифа имеет в глазах его носителей хотя бы то неоспоримое достоинство, что он получает дополнительное подтверждение. Миф - всякий миф, а социологический в особенности - имеет противников. Но ими оказываются не те, кто аляповато его раскрашивает, а те, кто апеллирует к смертельному врагу мифологии – действительности. Задушевных читателей такой литературы – тех, на кого он рассчитывал, стряпая своё сочинение, и с кем он попивал чаи или что-нибудь покрепче – Кочетов приведёт в состояние, близкое к восторгу. Вот уж о ком не скажешь, что он даром свой хлеб ест или даром получает ордена. Заслужил. Заработал усердием и понятливостью. Не исключено, что публично Кочетова слегка пожурят, но сделано это будет только для видимости. Надо погасить бушующие страсти. Надо показать, что верховные начальники, как Господь Бог, существа надмирные. Они не с этими и теми, а над этими и теми. Они вершат правосудие. На глазах у них повязка, как это и положено Фемиде. Но она слегка сползла в сторону, приоткрыв один глаз, которым они чуть-чуть подмигивают Кочетову. На сцене показная выволочка, правда, настолько мягкая, что больше похожа на отеческий наказ. За кулисами же – благодарное рукопожатие».

Я думаю, Левицкий во многом ошибался. Никакой показной выволочки не было. Ну, да, Юлиан Семёнов всем рассказывал, что новый партийный идеолог Пётр Демичев якобы изрёк: «Роман Кочетова – антипартийное произведение». Но Семёнов не уточнил, где эти слова прозвучали. Публично высшее партийное руководство Кочетова нигде не осудило.

Хотя на Кремль давили со всех сторон - с одной стороны, Шолохов просил защитить писателя. 11 ноября 1969 года советский классик лично обратился к Брежневу. Он писал: «По литературным делам мне хотелось бы сказать об одном: сейчас вокруг романа Вс. Кочетова «Чего же ты хочешь?» идут споры, разноголосица. Мне кажется, что не надо ударять по Кочетову. Он попытался сделать важное и нужное дело, приёмом памфлета разоблачая проникновение в наше общество идеологических диверсантов. Не всегда написанное им в романе – на должном уровне, но нападать сегодня на Кочетова вряд ли полезно для нашего дела. Я пишу об этом потому, что уже находятся охотники обвинить Кочетова во всех грехах, а – по моему мнению – это бунесправедливо. М.Шолохов».

С другой стороны, против романа выступила часть академиков. 8 января 1970 года к тому же Брежневу своё письмо отправили Роальд Сагдеев,

Лев Арцимович, Аркадий Мигдал и другие видные учёные. Они утверждали: «Кочетов совершенно отчётливо пытается посеять рознь между различными слоями этого общества, возбудить недоверие и вражду между ними. Читая роман, ясно видишь, что автор сознательно науськивает людей физического труда на советскую интеллигенцию, как на слой дармоедов, якобы не производящий материальных ценностей («хлеба»). Это говорится в то время, когда продолжается бурная научно-техническая революция, когда огромное государственное значение труда советской интеллигенции, в частности растущей армии научно-технических работников, стало ясно для всех, кроме круглых невежд». «Под флагом борьбы с буржуазной идеологией, - возмущались академики, - Кочетов в своём романе фактически пытается посеять презрение к истинным, всеми нами признанным ценностям мировой и русской культуры. Он оскорбляет советскую критику, утверждая устами одного из своих героев, что высказывания против его писаний «не советского, а иностранного производства». Нет, именно советские люди возмущены его произведением. Некоторые места романа можно понять только как плохо замаскированные выпады против нынешней партийной линии. Другие места звучат даже как почти неприкрытые призывы к «культурной революции» в нашей стране». При этом академики подчеркнули, что они не требуют запретить роман. Они просили другое – организовать широкое обсуждение книги.

Кстати, не дожидаясь партийного разрешения, часть писателей в кулуарах уже вовсю ругали книгу. А Сергей Сергеевич Смирнов даже сочинил на него ядовитую пародию «Чего же ты хохочешь?».

«Чего же ты хохочешь, читатель? – вопрошал Смирнов. – Ну чего ржёшь, спрашиваю? Знаешь, чем это пахнет?.. Молчишь?!.. Ладно, мы с тобой по-другому поговорим». Кстати, не случайно Смирнов в своей пародии назвал героя Кочетова Лаврентием Виссарионовичем Железовым.

Однако другой писатель — Зиновий Паперный, услышав оценки Смирнова, решил, что тот слишком мягко прошёлся по Кочетову и захотел усилить критику. Свою пародию он назвал «Чего же он кочет?».

Это было уже четвёртое обращение Паперного к творчеству Кочетова. Первый раз он высмеял писателя в 1960 году по телевидению. В одной из передач Паперный в прямом эфире саркастически заметил: «Что касается В.Кочетова, я ещё буду говорить о нём ниже. И вообще я считаю, что о нём надо говорить ниже». Потом он сочинил стихотворный шарж на роман «Братья Ершовы». Затем с его уст сорвалась обидная для Кочетова пародия «Василий Антонович даёт дрозда», высмеивавшая роман «Секретарь обкома».

В новой пародии Паперный лихо прошёлся по главному герою романа «Чего же ты хочешь?» – писателю Булатову. «Булатов, – писал сатирик, – был даже не инженер, а офицер человеческих душ». Пародией как бы намекал на то, что свой роман Кочетов сочинил в угоду даже не партии, а прежде всего в интересах комитета госбезопасности. Досталось в пародии и другим персонажам и их прототипам, в частности паре Илья Гладков – Антонин Свешников. Паперный писал: «Антонину Свешникову стало душно в стиле рюс, и он, порвав со своим рюсским прошлым, написал широкоформатное полотно - рабоче-крестьянская мать. Счастливая, она родила двойню: рабочего и кре-СТЬЯНИНа».

Паперный всерьёз рассчитывал свою пародию напечатать в «Новом мире». Твардовскому отклик сатирика очень понравился. «Спасибо, ямщик, – благодарил он Папер-

ного, – разогнал ты мою неотвязную душу». Но соратник поэта – Александр Дементьев оказался большим реалистом. Он заметил сатирику: «Всё балуешься... Ой, смотри, доиграешься...». Он как в воду смотрел. Партчиновники из ЦК, не рискнув тронуть Кочетова, по полной программе отыгрались на Паперном. Его тут же исключили из партии якобы за клевету на советский народ.

Чуть позже, 6 мая 1970 года Игорь Дедков записал в своём дневнике: «В этих идиотских сочинениях (Шевцов, Кочнев, Кочетов) надо бы рассмотреть сначала систему ценностей, защищаемых и рекомендуемых (тип человека, нравственные и политические принципы и т.д.). Затем важно само содержание изображаемой действительности (иерархия, противоречия, настроение и т.д.). И, наконец, система ценностей отвергаемых и развенчиваемых. То есть анализ должен не касаться по возможности мнимой «художественности» вещей. Сочинения эти важны как идеологические документы времени».

Кстати, в Москве отдельной книгой кочетовский роман «Чего же ты хочешь?» так и не вышел. Издали эту вещь в виде книжки лишь в Минске по личному указанию Петра Машерова, имевшего в брежневском Политбюро репутацию главного борца с сионизмом.

Интересно, что спустя три десятилетия некоторые литературоведы объявили Кочетова родоначальником концептуализма. Евгений Попов на полном серьёзе утверждал, что роман «Чего же ты хочешь?» своим правоверным пафосом «разоблачал гомо советикус похлеще любого соцарта. Пригову с Сорокиным и не снилось такое».

В последние годы Кочетов тяжело болел. У него обнаружили рак. Вытерпеть все боли оказалось выше писательских сил. И 4 ноября 1973 года он застрелился из охотничьего ружья.

Александру Смирнову

 Папа! – они крикнули оба
 в один голос – пожилому мужчине, идущему по другой стороне улицы.

Разница была в том, что у одного отец уже давно умер, а у второго он был ещё жив. Разница была в том, что второй только что выпрыгнул из дорогого авто, чтобы подняться по ступенькам банка на работу, а первый бежал по заданию редакции в тот самый банк без всякой надежды взять интервью у второго. Разница была в том, что первого звали Сергей, а второго Александр, и отцы у них были совсем разные люди...

– Отец! – снова повторили они в голос, и старик на той стороне улицы оглянулся. Оглянулся не потому, что обращались к нему, а лишь – чтобы узнать, кто там кричит на другой стороне улицы.

Разница была в том, что ни первый, ни второй, ни Сергей, ни Александр не признали в оглянувшемся мужчине своего отца, который ещё миг назад казался им отцом настолько, что первый готов увидеть в мёртвом живого, а второй поверить в то, что старик совершил путешествие в три тысячи километров, не предупредив об этом сына.

Старик на той стороне улицы некоторое время смотрел на двух озадаченных мужчин, затем повернулся в нужном ему направлении и снова стал наскрипывать снегом под ногами нехитрую песню походки пожилого человека. На слух это были две ноты – ми и ля. Правой ногой он ступал уверенно, и она звучала твердо: ми, а левую - немного подволакивал, и она растягивалась в ноту ля. Ми-ля, миля – и получалась иностранная песня про милю. Видимо, все свои русские вёрсты старик уже прошёл, и теперь выхрамывал иностранные мили. А может, это от иностранных лекарств, которые он

Сергей КОЗЛОВ

принимал, чтобы продлить шаг больной левой ноги?

Очень скоро шелест шипованных по-русски автомобильных покрышек заглушил немудрёную песню из двух нот, потом и сам старик затерялся в перспективе улицы, а двое мужчин так и продолжали стоять, глядя на то место, где он оглянулся. Потом, не сговариваясь, посмотрели друг на друга. Их разделяло небольшое расстояние.

- Мне показалось: это мой отец, объяснил Александр.
- Мне тоже, хотя мой умер двенадцать лет назад. Просто... Сергей подыскивал слова. Мороз, глаза слезятся, но очень похож.
- Удивительно, Александр сделал несколько шагов навстречу и протянул руку: Александр.
 - Сергей.
- Может, выпьем по чашке кофе? Не каждый день встречаешь человека, который... Теперь Александр потерял нужные слова.
- Вместе с тобой называет одного человека отцом, но не приходится тебе братом, пришел на выручку Сергей.
- Точно! Как в какой-нибудь дурацкой загадке типа – сын моего отца, но не мой брат.
 - М-да...
- Так как насчёт кофе? У меня тут уютный кабинет. Александр кивнул на банк.
- Вице-президент этого заведения должен был расска-

зать мне о новых условиях кредитования… – задумался Сергей.

- Ну так расскажу, только сначала кофе. Как-то у меня не проходит... вот здесь... Александр постучал себя ладонью по груди.
 - И у меня что-то ноет...
 - Бывает же...

После второй чашки кофе в респектабельном кабинете, где лакированное дерево спорило с кожей, разговор пропитался запахом «маракажу» и сквознячком из приоткрытой двери в прошлое.

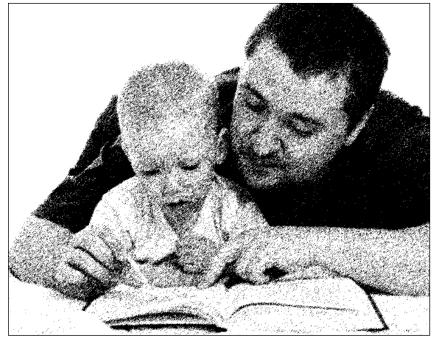
- Отец любил ходить со мной в книжный... особенно в букинистический, потому что там... говорил Сергей.
- ...можно было купить редкие, дефицитные книги, – подхватывал Александр.
- Он никогда не жалел денег на книги, в голос продолжили они и замолчали, глядя друг на друга так же, как совсем недавно на площади.
- Ты под одеялом читал? попытался найти разницу Сергей.
- Читал, безнадёжно отмахнулся Александр, – квадратная батарейка и лампочка – вот и всё нехитрое освещение.
- Уф-ф-ф...– соглашался Сергей.
- Мой отец любил открывать для меня природу. Показывал мне...
- То что незаметно с первого взгляда...
- Точно, уже улыбался Александр, догоняя в лесу подростка. – Он ещё любил петь. Пел так...
- Будто у него голос оперного певца. А еще птиц передразнивал...
 - Было пару раз...
- Да нет, чаще, ты просто забыл. Сергей уже настаивал, будто они говорили об одном человеке, хотя уже давно сверили описания, имена, профессии и выяснили, что отцы были совершенно разными людьми, но абсолютно похожими отцами.
- Эх! Если бы я мог так увлечь своего сына в книжном магазине! – сетовал Александр.

- Да куда там! Против телевизора и компьютера да при нашей беготне... Утром вышел на работу, оглянулся а уже вечер.
- Да-а... В детстве день тянулся...
- Особенно, когда ждешь отца с работы...
 - Или из командировки...
- Ну правильно, он же привезёт что-нибудь. Безделушку какую-нибудь, но привезёт.
- Да... Мой-то немного мог себе позволить. Я очень велосипед хотел. А это ползарплаты... даже больше. Он однажды взял меня и, ничего не говоря маме, повёл в магазин.
- И купил два велосипеда! На всю зарплату. Сказал: будем ездить вместе...
 - В лес...
 - И на дачу...
 - Рано утром...
 - Рано утром...
- Велосипед мечта такая... Наверное, так в прошлом о коне мечтали, как советские мальчишки о велосипеде.
- А нынешним сразу «Ауди» или «Бээмвэ» подавай.
- Мой человек старой закалки.
- А мой до последнего верил в социализм.
- Мой до сих пор верит.
- При этом у него сын топ-менеджер...
- Тьфу, слово какое неприятное... Ему наплевать, какая у меня должность, ему человек важен. Он вообще начальству не кланялся, не заискивал никогда.
- И мой тоже. Добрый был, но перед начальством не заискивал. Многие его доброту за слабость принимали.
- Может, это время сделало их такими? Эпоха?
- Может, это они делали эпоху?
- Они делали эпоху, а не деньги, потому и дни были длиннее...
- Я один в один так же подумал.

За окном пошёл снег, и стало тихо. Молчание умеет листать память. Красноречивое молчание — не парадокс, а слова, которые не обязательно произносить. Но его нель-

зя затягивать, потому что оно становится неловким. И тогда на ум приходят необязательные слова.

- Может, ещё кофе? спросил Александр. Может, коньяк?
- Может... кофе... Коньяк всё смажет. Банально – коньяк.
- Я тоже так подумал, просто предложил на всякий случай.
- Я вот подумал, Сергей опустил глаза и тяжело вздохнул, мне кажется, я предал отца... И теперь только в храме могу попросить у него прощения.
- Другая женщина?! то ли спросил, то ли догадался Александр.
- Ну да, горько ухмыльнулся Сергей. Любишь же одинаково и отца и мать. Семья для ребёнка священна. Но...
- Мать любишь немножко больше, потому что она тоже нуждается в защите. Она ближе, пока ты маленький, подсказал Александр. Я тоже застал своего отца с другой женщиной. Представляешь, ехал на подаренном им велосипеде по лесу и услышал его голос. Он пел.
 - Оперным голосом.
 - Ну да.
 - Пел для другой женщины.
- Точно. У них был небольшой пикник на поляне. Я сначала наблюдал за этим со стороны, как говорят, из кустов... Сразу всё понял.
- А потом стало стыдно подглядывать – и ты вышел, – Сергей нерадостно улыбался.
- И я вышел. Отец посмотрел на меня печально, но не растерялся и налил мне выпить. В первый раз в жизни...
- Сначала ты решил ничего не говорить матери, чтобы не разрушить семью.
- Да. А главное он не просил ни о чём.
- Ну да... Не просил. Он просто понимал, что мы, Сергей говорил так, будто они оба дети одного отца, ещё не готовы всё понять, всё понять так, как надо. Только я долго жил с таким камнем на душе. Вроде, кажется, отвлёкся, забыл. Ведь

главное, понимаешь, что он любит мать и никого больше.

- Но это чувство обмана... Оно не даёт покоя. Ты чувствуешь, что мать предана, ты изначально, можно сказать, автоматически на её стороне. И потом всегда случится этот момент, эта откровенность между матерью и сыном, когда можешь рассказать всё, все свои тайны...
- И чужие... Он тебе говорил потом, что ты его поймёшь только когда повзрослеешь, когда у тебя будет свой сын?
 - Говорил...
- Самое обидное, что ты-то уже его давно простил, а мать заберёт с собой свою обиду на тот свет. Глупо как...
 - По-мальчишески...
- Да уж... по-мальчишески.
 До по-отцовски ещё дотянуть надо...
- Отец научил меня чемуто такому, чему не смог научить бы никто другой.
- И это не гвозди забивать, не шины велосипедные накачивать...
 - Даже не за себя постоять...
- Не в технике разбираться,
 не в баню ходить...
- Даже не цели добиваться...
 Как же это назвать?

Они искали нужные слова, но Вселенная напряжённо молчала, посыпая землю

- снежной манной, она тоже слушала. Ей хотелось знать, чему же такому может научить сына отец. Такому, что очень трудно высказать. Такому, что знает каждый, но оно неуловимо. Как та же снежинка. Поймал на ладонь хотел сказать ан нет, уже растаяла. А ещё через минуту и капля влаги испарилась...
- Как же это назвать? морщил лоб Александр, рыская мыслью в прошлом и будущем. Чему нас научили отцы?
- Мужскому взгляду на жизнь, несмело сформулировал Сергей.

Они какое-то время помолчали, пробуя выражение на вкус, и снова в один голос определили:

– Точно!!!

Всё. Определение есть. И чувство у обоих было такое, будто они только что доказали теорему Ферма или, скорее, нашли триста шестьдесят восьмое доказательство теоремы Пифагора. Нет, пожалуй, сформулировали саму теорему, которая доказательств уже не требовала...

- Твой отец водил тебя на рыбалку? спросил Александр.
- Да, и по дороге рассказывал...
- Истории из своего детства...

Оба на минуту снова переглянулись, продолжения не требовалось. Но вдруг Сергей глубоко вздохнул и совершенно безнадёжно спросил:

- A ты водил своего сына на рыбалку?
- Нет. Всё только собирались.
- И мы... до сих пор собираемся.

Молчание стало грустным и густым, вырвалось за окно, и снег перестал падать. Сжатое время за стеклом выдавило из себя сумерки и свет из уличных фонарей. За пластиковыми окнами может быть только сжатое, ультрасовременное время, какой бы тавтологией это ни звучало. Сергей бессмысленно глянул на часы, всё равно не помнил о работе.

- A в книжные магазины мы всё-таки ходим.
- И мы ходим. Только вот выбираем не то, что хотелось бы...
- Нам с тобой, подхватил Сергей. Представляешь, мой сын до сих пор не осилил все русские сказки. Зато всякой импортной лабуды если не прочитал...
- То напокупал, поддержал в свою очередь Александр.
- Правда, и я хорош... Не пою ему русских песен, военные песни не пою... А помню, шли с отцом и вместе горланили «По долинам и по взгорьям»... А ещё потихоньку пели «С чего начинается Родина». И мама подхватывала.
- А у меня и голоса нет такого, как у отца, – посетовал Александр.
- Для этого не голос, для этого чувство надо. А нынешняя эпоха, если её вообще можно так назвать, она бесчувственная. Притёрлось всё, нивелировалось, душу не царапает, сердце не саднит. Время быстро меняющихся картинок. Как будто каналы в телеящике переключаешь. И странное получается сочетание: взрывы, катастрофы, наводнения, боль человеческая во всё ускоряющемся режиме, а параллельно этому шоку

тянется серое, безликое равнодушие...

- Хорошо ты сказал, задумчиво покивал Александр.
- Придёт Христос, скажет: раздай всё, иди за мной... Сколько человек пойдёт?
 - А увидят ли вообще?
- Правда, знаешь, был тут один проблеск. Купил я сыну фильм «Белый Бим Чёрное Ухо». И совсем неожиданно для меня он сел его смотреть... Через минут сорок слышу, из другой комнаты плачет. Навзрыд. Пришёл к нему, сел рядом... и тоже заплакал.
- О! вспомнил о своём
 Александр. А мы ещё «Хатико» смотрели. Та же история...
- А потом я своего посадил силой смотреть «Батальоны просят огня». Он сначала упирался. Потом прижался ко мне, спрашивает: «Папа, а война она, правда, такая?»
 - И что ты ответил?
- Ответил, что хуже. Он после этого фильма решил солдатом стать. Правда, ненадолго.
- Нет, а мой о защите Родины и не думал даже. Упустил я где-то... Для меня, говорит,

вся Земля – Родина. И не хочу, говорит, быть пушечным мясом за чьё-то право грабить и обманывать других.

- С одной-то стороны правильно говорит, рассудил Сергей.
 - Но Родина всё равно есть!
- Есть... Тут надо уметь разделить Родину и государство. Не одно и то же. Хотя, Сергей исподлобья взглянул на Александра, те, у кого есть средства, всегда могут свалить куда-нибудь, если здесь что-то начнётся.

Александр посмотрел на собеседника с укором. Мол, не давал я поводов так о себе думать. Но вслух сказал другое.

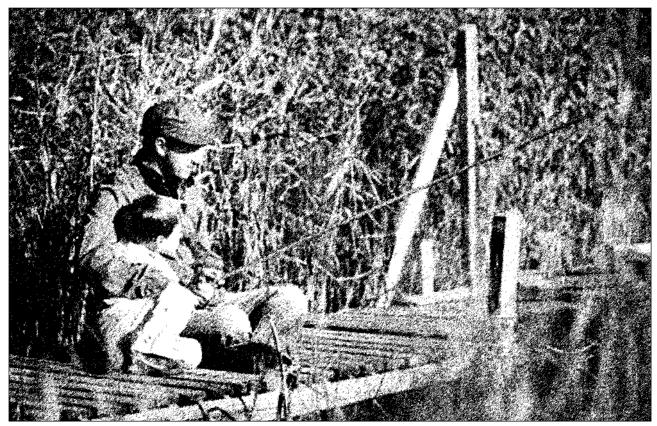
- На заре новорусского капитализма я тоже так мыслил. А теперь смотрю на то, что происходит, и сомневаюсь, что будет где-то такое место, куда можно будет свалить, если что-то начнётся... Этого упакованные дебилы не понимают. Да и будут ли в этот момент что-то решать деньги? Или даже право владеть чем-то?
- Ты прав, почти извинился Сергей, – если земля

загорится под ногами, то в этот раз это будет вся Земля...

Оба посмотрели в окно, словно там уже можно было увидеть приближающееся пламя Апокалипсиса. Но за окном лежал только что выпавший снег. Тихий, чистый и ждущий весну.

Звук колокола разбудил задремавшее небо, и в нём проклюнулись первые звёзды. В недалёком храме начиналась вечерняя служба.

- А я давно своему отцу за упокой молебен не заказывал, – вспомнил Сергей.
- А я своему за здравие...
 Вот что! спохватился Александр. Поехали и сделаем это прямо сейчас!
- Â кредиты? устало вспомнил Сергей.
- Главное там кредит не растратить, Александр многозначительно кивнул за окно, в сторону подсвеченной прожекторами колокольни.
- Интересно, а наши сыновья за нас молебен закажут? Помолятся? вопрос Сергея заставил их замереть, остановиться. Быстрое время тоже замерло. Ему интересен

38 МИР СЕВЕРА

был ответ. Но наступающие сзади мгновения уже напирали, время скользнуло дальше: мало ли какие нелепые вопросы волнуют людей.

– Интересно, это мы плохие дети у наших отцов или наши дети стали хуже по отношению к нам? – вопросом на вопрос ответил, наконец, Александр.

Долго думать не пришлось, ответ пришёл сам.

 А может, все мы стали неблагодарными детьми по отношению к Единому Отцу? – спросил у суетящегося человечества Сергей.

Когда они вышли на улицу то, не сговариваясь, посмотрели на то место, где увидели похожего на своих отцов старика. И!...

Он стоял на том же месте. Беспомощный и растерянный. Он явно что-то искал в сгущающихся сумерках. Точнее, не искал уже, а отчаялся найти. Постоял ещё несколько секунд, развёл руками и двинулся дальше, внимательно глядя себе под ноги.

– Что-то случилось, отец? – спросил Александр, когда они догнали его на другой стороне улицы.

Старик удивлённо оглянулся, смерил взглядом двух мужчин и почему-то смутил-

– Да вот... случилось... Билет на самолёт потерял. К сыну лететь собирался. И вот... – он безнадёжно посмотрел на свежий снег под ногами. – Пошёл ещё внукам подарков купить... И где-то всё обронил. Билет... Деньги... Пенсионное вот... Может, пенсионное дома оставил? – спросил он свою память. – В общем... хотел на Рождество... повидаться.

Александр и Сергей переглянулись.

- Самолёт когда? спросил
 Сергей
- Утром завтра. До Москвы, потом до Донецка.
- Паспорт-то, отец, не потерял?
- Не, я вот... отдельно его ношу. В целлофане... У меня

тут карман застёгивается. На молнии.

- А внуков-то много? как будто совсем о неважном спросил Александр.
- Четверо. Две внучки и два внука.
- Ого! позавидовали в голос недавние собеседники.
- Ну тогда поехали в «Детский мир», Александр указал рукой на служебную машину, что ожидала на другой стороне улицы.
- Зачем в «Детский мир»?! даже испугался старик.
- Подарки внукам покупать...
- Вы это... вы откуда, ребята?
 ещё больше испугался старик.
 Зачем вам это?
- Мы из СССР, ответил Сергей первое, что пришло на ум.
- Отец, помнишь, книга такая была «Тимур и его команда». Так вот, мы тимуровцы, состарились, конечно, но ещё работаем, он улыбнулся, увлекая старика к машине.
- Так это... билеты-то... уже нерешительно сопротивлялся четырежды дед.
- Да ерунда билеты. Восстановим. Не восстановим так новые купим. Александр решительно вёл деда к машине, взяв его под локоток
- Так я вот... на Рождество хотел... Думал, до следующего могу и не дожить... лепетал старик. У меня вон нога совсем отказывает. Волоку уже. Не, стойте, я не могу так, ребята, я же вам отдать не смогу...
- Вот что, отец, у самой машины Александр вдруг стал строгим и решительным. Вы нам уже всё отдали. Наша очередь.
 - Кто мы?
 - Отцы.
- «Отцы и дети» у Тургенева читал? – иронично вмешался Сергей.
- Да не помню уже, окончательно растерялся дед.
- Вот и неважно. Всё равно Тургенев всё неправильно там написал. Внукам-то сколько?..

- Оле старшей двенадцать, Коле – десять, Саше – шесть… – старик даже не заметил, как оказался в салоне автомобиля.
- Слушай, отец, Александр вдруг замер, ты не будешь против, если мы сначала заедем в храм? Мы с Сергеем собирались за своих отцов молебны заказать.
- Да я... тоже... за своего свечку поставлю, – смиренно ответил тот.

Александр закрыл за ним дверцу, сел рядом с водителем, машина исполнительно рявкнула двигателем и сорвалась с места.

Яркая звезда на Востоке мигнула ей вслед. Может быть, она и была Вифлеемской...

Говорят, ничего не бывает случайно. Может, старик неспроста потерял билеты, потому как у сына в Донецке не всё было хорошо. Точнее, настолько нехорошо, что он сначала и не рад был приехавшему отцу. В сущности, банально всё: зарплату задерживают, долги растут, нервы сдают... И старик, почувствовав нервозность сына, посетовал, что мог бы и не приехать, если бы не встретил на вечерней улице двух мужчин. Он рассказал ему эту странную историю, когда они сидели вечером за столом на кухне, а внуки уже спали, обнявшись с новыми игрушками от деда. Сын долго молчал, глядя в ночное небо, где одиноко светила одна - но очень яркая звезда. Почемуто от её света слезились гла-

– Прости, отец, – сказал он, и после недолгой паузы добавил: – За всё...

Они обнялись, как в детстве, так, словно были одним целым – с безграничным доверием друг к другу. Так, когда хочется обняться просто, без причины. Они оба были отцами... и сыновьями.

Вечность, что стояла за окном, потихоньку вошла в комнату и стала больше.

г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК

Прошло пятьдесят лет, как была создана Вологодская писательская организация, уже можно писать её долгую историю...

Было так: дождливым днём, во вторник, 25 июля 1961 года, в обкоме партии в Вологде собрался литературный актив и партчиновники. Герои дня — семь человек, к той поре в других городах принятые в члены Союза писателей СССР. Над ними незримо витала тень восьмого. А восьмой этот — не кто иной, как Александр Яковлевич Яшин. Именно он устно и письменно настаивал в «верхах»: Вологде нужна своя писательская организация!

Своим чередом пошли «рабочие будни». Очень скоро, в ближайшие два-три года, выяснилось, что собрание семёрки «отцов-основателей» не прошло даром. Организация оказалась своеобразным магнитом для молодых талантов. Вскоре в ней объявился Анатолий Гусев, переселившийся в Вологду из Прибалтики. Приехала после учёбы в Литинституте в Москве Ольга Фокина, за ней – Василий Белов; были приняты в члены Союза писателей Николай Угловский, Виктор Коротаев, Борис Чулков...

Случилась негаданно и первая смерть, словно положившая начало многим другим трагедиям с вологодскими писателями. Молодой, 32-х лет, довольно талантливый поэт Анатолий Гусев погиб во время любовного свидания, от разрыва сердца... Смерть его долго была предметом пересудов в среде вологодской художественной интеллигенции, став где-то легендарной. Но тогда вряд ли кто подумал, что это может быть и «знак» свыше: поэтам бы надо быть поосторожнее с женщинами...

В тот год (1964) стал в Вологду наведываться Николай Рубцов, ещё без мысли о постоянном здесь жительстве, но уже пристально вглядывающийся в литературную атмосферу родного края. Из письма Рубцова Сергею Викулову в декабре 1964 года: «...Написал

COMMANAEMS BANDAMIN

«ВОЛОГОДСКАЯ ШКОЛА»: СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, МНЕНИЯ

в «Вологодский комсомолец» письмо, в котором спросил, нет ли там для меня какой-нибудь (какой угодно) работы. Дело в том, что если бы в районной газете и нашли для меня, как говорится, место, всё равно мне отсюда не выбраться туда до половины декабря... Так что остаётся одна дорога — в Вологду, — с другой стороны села, сначала пешком, потом разными поездами».

Но было в эти начальные для организации годы другое событие, которое как-то сразу определило и этико-нравственные начала нового писательского сообщества. Тут снова вспомним про «тень» Александра Яшина, витавшую над участниками собрания 25 июля 1961 года.

«Вологодская свадьба» А.Яшина (опубликована в

1962 году в журнале «Новый мир») вообще впервые многим в России напомнила (а возможно, стала открытием для кого-то), что есть такой город или, точнее, весь-«территория», где ещё каким-то необъяснимым образом законсервировались русский дух и святая патриархальность, лишь тронутые веяниями времени. Особенно в самой глубине народного повседневного бытования, где так причудливо соединились обычаи «старины глубокой» и новые – советские – обряды.

«Вологодская свадьба» все 1960-е годы была на слуху, о ней толковали так и эдак, но было очевидно, что она привнесла новую струю в русскую литературу, добавляя современное понимание хорошо, казалось бы, известного тер-

40 МИР СЕВЕРА

мина – народность. О «народе» в то время было принято говорить с позиций «передового учения», как об «объекте» политико-воспитательной работы. А «народ», откровенно говоря, отринув партийные поучения, оставался верен своим корневым представлениям о смысле и формах бытования, заложенных предками, имеющих в основе традиции и символы народного православия.

Александр Яшин показал пример личного мужества и творческой уверенности в себе, обратившись к такому срезу народной жизни. Как-то неожиданно «патриархальная» Вологодчина решила проявить свою «продвинутость» в идеологии и устроила широкие обсуждения «Вологодской свадьбы» с «суровыми порицаниями» автору...

Но всё это стало испытанием и для вологодских литераторов.

А тут... А тут ещё «громом с ясного неба» повесть «Привычное дело» Василия Белова, впервые опубликованная в журнале «Север» в 1966 году. Уже был сам термин «деревенская проза», но именно повесть В.Белова была названа её эталоном. Никто до В.Белова (да и теперь тоже) не смог поднять в русской литературе на такую высоту народное самосознание.

Это сразу отметил опять-таки Александр Яшин. Вот строки из его письма В.Белову: «...Я очень счастлив, что с самого начала не ошибся в тебе, что с самого начала и как-то сразу почувствовал тебя, твою силу и оказался (верно же!) почти «провидцем». Только бы ты не скопытился раньше времени, родной мой! Будь добр, не подводи и впредь. Дорога перед тобой огромная, славная, тебе предстоит совершить великий подвиг в русской литературе. Не принимай это за выспренность, всё - от души».

Не прошло и года после выхода «Привычного дела», как в московском издательстве «Советский писатель» печатается книга стихов Николая Рубцова «Звезда полей» (1967). Многим

из сведущих людей стало ясно: в России появился «долгожданный поэт» (Глеб Горбовский).

Критик Анатолий Ланщиков писал тогда: «Николай Рубцов вошёл в поэзию незаметно, и вскоре появилось такое чувство, будто в поэзии и в жизни он был всегда... У него наблюдается как раз то единство с природой, когда природа даёт самочувствие вечной жизни, определяя нравственную меру вещей и явлений... Но Рубцов вовсе не замыкает себя на вселенную, и он далёк от того пантеизма, когда природа выступает как высшее самоценное начало, вечностью своею подчёркивающая только преходящность человеческого бытия, главное для Рубцова всегда - человек, и в своём «блуждании» над планетой он ищет связи с человеком».

Заметим также, что все, как бы теперь сказали, «знаковые» произведения — «Вологодская свадьба», «Привычное дело», «Звезда полей» (будем считать книгу Рубцова единым произведением, как иной раз принято сейчас — «лирическим романом») — были изданы вне Вологды, выявив тем самым общерусскую их значимость, лишённую узкого этнографизма и областничества. Путь к новым достижениям был открыт...

К тому времени набрали подлинную силу Александр Романов, Ольга Фокина, Виктор Коротаев, Борис Чулков, Анатолий Петухов, Владимир Железняк (Белецкий)... Их уже знала читающая Россия, тонко различая литературный «голос» почти каждого писателявологжанина.

В 1968 году тяжело и мучительно уходит из жизни Александр Яшин. Определённая «идейная», отчасти – и творческая, «замкнутость» литературной Вологды потому и стала проявляться к концу 1960-х годов, что слишком многие в Москве достаточно агрессивно отвергали то, что заложил в писателях-вологжанах именно Александр Яшин.

Но надо было подводить итоги становления писательской организации в Вологде. Сделано это было самым неожиданным образом.

* * *

Октябрь 1970 года отмечен небывалым наплывом писателей в вологодские пределы. Дело в том, что Союз писателей РСФСР затеял грандиозное мероприятие-акцию: выездной секретариат Союза на Русском Севере. Проходил он в Архангельске, где подробно и много говорили о писателях-вологжанах.

В докладе о современной поэзии Сергей Орлов отмечал, что «русская советская поэзия не может быть разделена на «столичную» и «провинциальную»... С этой точки зрения Орлов анализировал стихи Николая Рубцова, подробно останавливался на близкой к фольклору поэзии Ольги Фокиной, говорил о публицистически остром ощущении современности поэтом Александром Романовым, вещем изображении мира у Бориса Чулкова. В докладе о «северной» прозе Сергей Залыгин много места уделил произведениям Василия Белова, Виктора Астафьева, Ивана Полуянова...

Затем весь «секретариат» на поездах и самолётах «Як-40» перебрался в Вологду. Только перечисление тех писателей, которые тогда побывали в нашей области, заняло бы много места. Но стоит назвать хотя бы такие имена: Сергей Михалков, Сергей Залыгин, Сергей Орлов, Анатолий Ананьев, Григорий Коновалов, Егор Исаев, Павел Нилин, Виктор Боков, Виль Липатов...

В том же октябре 1970 года, в газете «Литературная Россия», московский литературный критик Всеволод Сурганов впервые упомянул термин – «вологодская школа» современной литературы. Проговорил он его вскользь, как бы между прочим, но потом его подхватили многие исследователи литературы.

Например, замечательный литературовед Юрий Селез-

нёв позднее писал: «Очевидно признание того факта, что «вологодское» явление, как его не оценивай, – явление далеко не местное, но скорее всеобщее, что к нему в равной мере причастны и Сибирь, и Кубань, и Урал, и Центральная Россия, что чуть ли не повсеместно можно отыскать своё «возрождение» и что все эти местные явления – только взаимосвязанные и взаимообусловленные «фрагменты» единого процесса».

Впрочем, В.Сурганов, тем более – Юрий Селезнёв подспудно видели в «вологодском явлении» обновлённое возвращение к идейным и стилевым принципам «натуральной школы» 1840-х годов (прежде всего, по части пристального внимания к жизни «простого» народа); преодоление заскорузлых канонов стилистики советских писателей. «Вологодская школа» (как некогда и «натуральная») представлялась объективным критикам не чем-то «замкнутым», а, наоборот, явлением широким и полнокровным, без «учителей» и «учеников», а вполне полноправных и независимых друг от друга её уча-

При этом «прочитывалось», что к «вологодской школе» могли бы принадлежать иркутяне Валентин Распутин и Александр Вампилов, курянин Евгений Носов, краснодарец Виктор Лихоносов, архангелогородец Фёдор Абрамов, и даже – москвичи (!) – Юрий Казаков или Георгий Семёнов, например. Сюда же – произносилось тогда шёпотом на «кухне» – мог относиться и Александр Солженицын, скажем, со своим рассказом «Матрёнин двор», да и с повестью «Один день Ивана Денисовича» тоже... Все они, кстати, бывали в Вологде, есть в ней необъяснимая притягательная

В таком случае, впрочем, можно признать, что наименование «школы» – «вологодская» – узковато, не отражает истинный размах явления. Но скажите, в каком ещё област-

ном центре (одном из самых маленьких в России) одномоментно собиралась такая «могучая кучка» (вспомню термин В.Стасова): Василий Белов; Виктор Астафьев; Николай Рубцов; Ольга Фокина; Александр Романов; Виктор Коротаев... Что ни имя, то заметный след в русской литературе!

«Вологодская школа» будет потом «вписана» в то направление современной литературы, которое назовут более удачно – «почвенническое». Но первоначальной сути это не меняло – литературная Вологда с середины 1960-х годов обрела свои подлинные очертания и духовно-творческие ориентиры, с отчётливым упором на «сельскую» тематику.

При этом, что очень важно, например, «Привычное дело» Василия Белова или «Последний поклон» Виктора Астафьева (многие главы написаны в Вологде) не были своеобразным «реквиемом» русской деревне, как стали считать теперь многие литературоведы. Тогда ещё русская деревня, значительно обескровленная насильственной коллективизацией и войной, жила полноценной жизнью, сохранялись надежды на её возрождение в формах и традициях её многовекового бытования. Пафос «деревенской» литературы в том и состоял, что была уверенность: в нашей стране «всему начало - плуг и борозда» (Сергей Викулов), что никогда не потухнет «огонь родного очага» (Ольга Фокина).

Иллюзии на возрождение русской деревни, однако, скоро закончились. «Деревенская» литература пришла к пафосу «прощания» с прошлым. Одним из первых это отразил Василий Белов, в недостаточно понятой, на наш взгляд, книге «Воспитание по доктору Споку». Адаптация вчерашних «крестьянских детей» в урбанизированной среде - трагедия не меньшей силы, чем «умирание» самой деревни. Истоки многих этико-нравственных проблем современного общества надо искать в сломе многовекового уклада жизни на новый, излишне стандартизированный, для всех и каждого. Когда ещё об этом заговорили писатели? Но, как водится на Руси, слушали их очень и очень плохо.

...Первое десятилетие Вологодской писательской организации (1971) закончилось, как широко теперь известно, «вологодской трагедией»: от рук убийцы (в прямом смысле этих слов) погиб Николай Рубцов...

* * *

Не секрет, что литературная жизнь — это более широкое понятие, чем собственно литературный процесс. Если «процесс» — это книги и критика на них, то «жизнь» — это всё, что процессу сопутствует. Надо заметить, что сама фигура более-менее активного писателя в то время вызывала неподдельный интерес в читательской среде.

Встречи писателей с читающей публикой, кстати, бывали очень интересными, будоражащими некоторые общепринятые нормы; нередко на них высказывались крамольные по тем временам мысли и проблемы, которыми озаботилось писательское сообщество, не всегда имея возможность донести их со страниц книг или печатных органов. И хотя, как ныне это называется, в идеологической и общественной сферах жизни наблюдался «застой», но писатели уже заглядывали вперёд, имея для этого подпитку идей и «фактуры», недоступную массовому читателю.

В 1980 году решил вернуться в Сибирь Виктор Астафьев... В 1985 году под колёсами «транспортного средства» погибает поэт Серей Чухин, который в «позднем» своём творчестве должен был завершить многие темы, заложенные в поэзию другом-соратником Николаем Рубцовым. Казалось бы, такие потери значительно ослабят притяжение «вологодской школы». Но этого не случилось. Духовные и творческие основы

«школы» были заложены крепкие.

Снова обратимся к истории литературной Вологды. Тут нас ждут довольно любопытные наблюдения. Так неожиданно окажется, что самым «старым» членом Вологодской писательской организации должен считаться Виктор Гроссман, автор романа «Арион». Он родился аж в 1887 году, в городе Батум. Как попал в Вологду, понятно: в 1930-х годах власти выслали от столицы подальше, как истинного интеллигента.

А вот дальше случилось то, что иначе как «литературным чудом» и не назвать. Наступили... 1930-е годы. Чем объяснить, что именно в то десятилетие появился на свет целый поток будущих «вологодских» (родились некоторые и в других областях) писателей, наверное, не возьмётся никто. Но факты, как говорится, упрямая вещь.

В 1930-е годы родились: Александр Романов, Людмила Славолюбова, Михаил Сопин, Анатолий Гусев, Василий Белов, Борис Чулков, Нина Груздева, Алексей Васильев, Анатолий Мартюков, Анатолий Петухов, Василий Елесин, Сергей Багров, Николай Рубцов, Владимир Степанов, Вячеслав Хлебов, Ольга Фокина, Александр Грязев, Мануил Свистунов, Александр Хачатрян-Рулёв, Василий Оботуров, Леонид Беляев, Виктор Коротаев... Это поколение называют «детьми и подростками» войны. Испытания, выпавшие им, едва ли с чем-то сравнимы в бурной истории страны.

Наступили 1950-е годы, и снова – мощный поток новорождённых, которые почемуто потом захотели стать литераторами.

Тут только имена: Виктор Плотников, Вадим Дементьев, Анатолий Ехалов, Александр Швецов, Сергей Алексеев, Вячеслав Белков, Михаил Карачёв, Николай Фокин, Геннадий Сазонов, Наталья Сидорова, Владимир Кудрявцев, Лидия Теплова, Юрий Максин, Александр Цыганов, Владислав Ко-

корин, Сергей Созин, Александр Пошехонов, Василий Ситников, Василий Мишенёв, Андрей Смолин, Олег Ларионов, Михаил Жаравин...

Какие же характерные особенности этого «потока»? Буду говорить об этом применительно к достижениям «вологодской школы».

Было бы, наверное, просто объяснить их идейно-творческое становление тем, что это «ученики» Яшина, Белова, Рубцова, Фокиной, Романова, Леднева, Коротаева... Это бы ещё больше укрепило само понятие «вологодская школа». В каком-то смысле, это так и есты весь «поток» рождённых в 1950-е годы «вырастал» на их глазах и при их активном участии в судьбах почти каждого молодого, по тем временам, литератора.

Надо сказать, что становление этой «генерации» литераторов шло довольно уверенно. Во всяком случае, большинство из них своевременно вышли к «широкому» читателю страны, выпустив первые или вторые книги в Москве, в издательствах «Молодая гвардия» и «Современник» (на такой высокий уровень была поставлена тогда работа с творческой молодёжью), или опубликовав подборки в «толстых» журналах. Это не были «авансы» их творческой состоятельности: многие уверенно становились профессионалами рядом со своими «наставниками» по «вологодской школе».

При всех «плюсах» были и свои сложности. Когда этот «поток» почти одновременно входил в литературу, в Вологде ещё в полную силу работало предыдущее поколение. Получилось так, что «младое племя» довольно долго находилось на вторых ролях. Их нередко и печали «петитом», как бы вторым номером. Им и внимания от литературной критики доставалось поменьше. Впрочем, и старшее поколение тоже не сильно «страдало» от её «внимания».

При этом очевидно, что «молодёжь» легко и естественно восприняла «три кита» «воло-

годской школы»: реализм, традиционность, народность, всячески их развивая на новом этапе. Вот тут мы подходим к важным обобщениям.

Обратим внимание, что большинство представителей «потока», рождённых в 1950-е годы, это — «крестьянские дети»! Сюда можно относить даже вологжан, ведь «Вологда — большая деревня», что в 1950-е годы было вполне справедливо. Понятно, что воспитанные на мировоззренческих и этических традициях «крестьянского сословия», они с болью в сердце переживали «умирание» русской деревни, которое происходило на их глазах.

Если их предшественники ещё питали какие-то иллюзии на «консервацию» сельской жизни, то это поколение никаких надежд на будущее уже не питало. Это явление общественной жизни той поры заметно и трагично отражено в поэзии Владимира Кудрявцева, Владислава Кокорина, Михаила Карачёва, Юрия Максина, Александра Пошехонова, в прозе Александра Цыганова, Виктора Плотникова, Дмитрия Ермакова...

Правда, как водится, выявилась и другая сторона этого явления. Мотивы «эсхатологии», надвигающегося общерусского «апокалипсиса», сделали это поколение каким-то творчески «прибранным», а (в чём-то) и «односторонним» в трагическом осмыслении своего времени. Редко у кого из этого поколения проскользнут юмор, самоирония, подлинная возвышенность личного чувства, например, к женщине; ими владеют больше заботы о социальном обустройстве жизни «новой России».

На этом, правда, молодые тогда писатели не остановились, а пошли дальше, наполнив своё творчество отражением судеб своих сверстников, уже в условиях привыкания к урбанизированной среде горожан первого поколения. Но, в общем-то, им досталась грустная доля — спеть «последнюю песню» всему крестьянскому сословию на Руси-

матушке, оставив себе лишь великую мечту о будущем «Граде-Китеже». А мечта эта не оказалась «целью», а больше эфемерным «воздушным замком», хотя прекрасным и отчётливым в своих очертаниях.

Другая особенность этого поколения заключалась в том, что оно не смогло выдвинуть из своих «рядов» настоящего посланца в Москву, занявшего там твёрдое положение в столичной «обойме». Я тут не только о примерах Яшина, Викулова, Валерия Дементьева, Сергея Орлова говорю, но и о Белове, Романове, Коротаеве, Фокиной, которых «Москва» знавала и уважала даже побольше, чем иной раз и сама «Вологда».

Будем откровенны: нет в этом поколении общенационального «имени», сопоставимого с вышеназванными предшественниками. Тут речь даже не об организаторском таланте, а о духовно-творческом, художественном потенциале. Долгое время такой потенциал, предположим, виделся у поэта Владимира Кудрявцева. Но он многие годы плодотворно и много работал на возрождение всей культурной «среды» Вологодчины, на «литературную жизнь» у него времени оставалось не так и много. А время и силы незаметно уходили, теперь их хватает, чаще всего, только на собственное творчество.

Вот и ещё одна особенность этого поколения. Оно сейчас видится каким-то единым «ядром», своеобразным «запасным полком» старшего поколения. Каждый вносил и вносит своё неповторимое, а в итоге получился целостный объём творческих достижений, будто бы это сделал «один» автор. Мысль достаточно спорная, но в ней заложена основа для полемики вокруг этого «потока» писателей-вологжан. Конечно, любой участник тут имеет свой творческий «голос», но он как бы притушен, редко чем выделяется из общего «хора» сверстников-коллег: каждый занял свою «нишу», почти не меняя

даже жанровые рамки, установленные себе самому.

Исключениями в этом «поколении» виделись разнообразные творческие пристрастия Александра Швецова, Вячеслава Белкова (к большому сожалению, оба трагически ушли из жизни), да, пожалуй, Владимира Кудрявцева, который в последние годы «опробовал» (и не без успеха) прозу и критическую эссеистику, значительно расширив свой творческий потенциал.

Но в этом поколении далеко не все выдержали «бремя профессионализма» литератора. Издав по две-три книги, отмеченные критикой и читателями, они ушли в «тень», словно бы не до конца поверив в актуальность и нужность своего направления творчества.

Памятник Николаю Рубцову

Конечно, этому способствовала сама культурологическая и идеологическая ситуация в стране, когда эстетико-идейные и этические каноны русской литературы были порушены, сознательно и продуманно.

Из письма Владимира Кудрявцева автору этого очерка: «...А чем ознаменована прошедшая четверть века? И глав-

ное - кем? Мы оказались не столь убедительны в своём творчестве, и вклад наш в «школу» несоизмеримо мал и практически незаметен. Увы, но это правда! Мы только хоронили тех, кто составлял её славу, и на наших глазах она практически исчезла. Всё осталось в прошлом, и все остались в прошлом. В том числе и мы, поскольку и мы уже давно не молодые и по спискам новой эпохи не значимся и не проходим. Книгой последнего десятилетия стала роман Захара Прилепина «Грех». Так решило литературное содружество, в которое мы себя не числим и живём вне его.

По сути, если говорить жестко, то надо признать, что через нас достойного продолжения и продвижения «вологодской школы» не состоялось, не случилось, не произошло. Мы, к сожалению, остались при «них», духовных учителях. Остались при тех, кто нас вводил в литературу, остались как вечные их ученики, талантливые и благодарные, но самостоятельных имён – громких, российского звучания - не обрели. Мы – люди из той же эпохи. И по возрасту, и по идейнонравственным установкам и ориентирам.

Мы — «потерянное» поколение, пусть и многочисленное, пусть и Богом не обиженное, но с судьбой промежуточной. Через нас о будущем говорить, к сожалению, трудно, если вообще возможно. Мы даже, как я думаю, и традиций-то не развили, мы просто «в традиции» жили, работали и творили...

Ни у кого из нас нет и не было книги, которая бы легла в основу нового направления в прозе или поэзии, как, например, у Василия Ивановича Белова или у Николая Рубцова. Нам просто надо понять, что мы из себя реально представляем, и на что, на какие почести вправе в этой жизни рассчитывать. Мы должны спокойно и философски мудро осмыслить своё место в бурном литературном процессе рубежа веков, принять его и смириться, не драматизируя

свои судьбы и не умаляя свои скромные литературные достоинства и успехи. Надо продолжать работу в меру сил и отпущенного таланта. Надо просто работать, видя в этом своё призвание и долг перед собой и народом (не сочти за высокие слова)».

Понятно, что это какие-то «предварительные итоги», очень важные и своевременные. Но в них ещё теплится надежда, что кто-то из этого поколения «выстрелит» неожиданно и ярко. Например, новые качества обретает Юрий Максин, обратившись не так давно к жанру «метафорической» поэмы; всё большей самоиронией и едкой сатирой наполняется поэзия Владислава Кокорина; по-своему отражает нашу жизнь «философская» лирика Александра Пошехонова; сильны «ведические» начала в стихах Михаила Карачёва; обрела новое звучание «яшинская» традиция в поэзии Василия Мишенёва...

Много работают прозаики этого поколения – Александр Цыганов (лауреат многих литературных премий), Виктор Плотников (роман «Когда будем мы вместе» удостоен Шолоховской премии), Олег Ларионов (большой сборник прозы «Чужой город», 2008)...

В следующей возрастной градации отметим высокий уровень литературоведа Виктора Баракова, в частности, его исследования творчества Юрия Кузнецова, Николая Рубцова, «почвеннической поэзии» 1960–80 годов прошлого века

А как сегодня литературной Вологде не хватает таких поэтов, как Алексей Шадринов (1973–1992). Его теперь считают редчайшим явлением в поэзии конца прошлого века, «некоторые его стихи написаны с лермонтовской мощью» (Виктор Астафьев). Безумно жаль, что талант Алёши Шадринова, пронзительный и ясный, открытый миру и людям, так и не достиг вершин «творческой зрелости»...

А то, что «творческая зрелость» не знает границ, дока-

зывают сегодня писатели-вологжане старшего поколения.

Каким весомым для всей русской поэзии начала нового века видится новое «Избранное» (2007) Ольги Фокиной. Пожалуй, никто сегодня так не владеет пластикой стиха, другими возможностями поэтики, как Ольга Фокина. А главное, поэт показала вновь, как нужно «новое» содержание, отражающее противоречия нашего времени, вливать в старые «меха» русского фольклора и «старорежимной» классики. В стихах Ольги Фокиной отчётливо слышен не только «голос» русского народа, но, скорей, боль и страдания (и надежда на возрождение) самой Родины-матери при виде того, что сегодня творится в русских пределах.

В последние годы осуществил мечту жизни создать большой роман Александр Грязев («Калифорнийская славянка», 2010); пишет сочные по «языку» и захватывающие по сюжету повести Сергей Багров; новые достижение пришли к Роберту Балакшину в исторических и краеведческих повествованиях; по-новому и объёмно раскрыла творчество Бориса Чулкова его последняя по времени поэтическая книга «Пристально просматривая время» (2007)...

За всем этим, вольно-невольно, встаёт главный вопрос: а не последние ли это всплески достижений «вологодской школы», не исчерпала ли она свои возможности? Есть ли молодые на её «пороге»? Вопросы, как очевидно, не из праздных. На последний можно вполне категорично утверждать, что молодые есть и скоро проявят себя по-крупному. Не буду называть имена только потому, чтобы, как говорят в народе, «не сглазить» юные дарования.

Всем понятно, что «сельская» тематика в «вологодской школе» значительно и мощно себя исчерпала. Новые достижения тут едва ли скоро возможны. А возможны они теперь на «городском» материале; здесь можно ждать нового

гения, даже развивая некоторые стороны поэзии Николая Рубцова, Ольги Фокиной, Александра Романова или прозы Василия Белова, например. А у них есть и значительные «городские» мотивы в творчестве. Словом, нужно обновление традиций и «вологодской школы», в частности.

При слове «традиция» многие «начинающие» вздрагивают: никак, новые «барьеры» в их творческих поисках? Да, это ответственно и трудно – продолжить «дело» своих предшественников. Но ведь, в сущности, они тоже опирались всегда на традиции своих духовных «учителей» по великой литературе, идущих от Пушкина и Некрасова, Толстого и Бунина...

А основная традиция эта «проста»: быть «любезным своему народу» (Пушкин) (не бывает в литературе «космополитов», большие писатели всегда опираются на национальные особенности своего народа); знать его духовные истоки и подлинную историю; научиться применять все богатства родного языка; по возможности (а ныне без этого и никак нельзя), иметь «общественную позицию» (Рубцов); жить верой в великое будущее своей страны; глубоко и всесторонне знать жизнь; хорошо бы иметь и широкие литературные способности, к слову. Всё это и составляет основу истинного таланта, которому будут по плечу большие достижения.

Даже если предположить, ЧТО «старая» «вологодская школа» Яшина, Белова, Рубцова, Фокиной, Романова может прекратить своё существование, то ведь литературный процесс на Вологодчине не прекратится. Будут появляться новые дарования, которые, со временем, без сомнения, создадут свою новую «вологодскую» школу». Если, конечно, будет жива великая Россия-Русь (Рубцов). Но это уже будет другой ход истории...

Андрей СМОЛИН

г. ВОЛОГДА

В то время, когда наше издательство «СофтДизайн» выходило на рынок краеведения, о большинстве авторов предполагаемой серии «Невидимые времена» мы практически ничего не знали. Так уж сложилась наша локальная культура, что два-три филолога, занимавшиеся местными писателями и имевшие в домашних библиотеках их книги конца XIX — первой половины XX века, рассказывали о творчестве ушедшей творческой элиты на лекциях в университете, популяризировали забытые имена

тив их 70-летию издания поэмы «Янгал-Маа» и 75-летию нижневартовской писательницы М.К. Анисимковой, переложившей в своё время вогульский эпос на язык прозы.

Спутала карты статья археолога Сергея Пархимовича «Много шума из ничего», в которой он попытался доказать, что произведение М.Плотникова не больше, чем фальсификация эпоса, которого никогда не существовало. Автор публикации в «Лукиче» (2002. № 2) сравнивал орфоэпию некоторых ман-

BCTPEYA TIOCNE TIOXOPOH

на страницах местных периодических изданий и журналов Урала. Все остальные жители региона были простыми смертными, и моделировали своё представление о творчестве наших земляков исключительно по рассказам этих узких специалистов.

Размоно полизировать знание можно было лишь при условии, что первоисточники станут доступными широкому читателю. Так появился замысел десятитомной серии. В неё по подсказке мансийского поэта, пишущего на русском, Андрея Тарханова и попала вогульская поэма Михаила Плотникова «Янгал-Маа».

Параллельно с подготовкой оригиналмакета будущей книги шёл поиск источников, которые бы помогли очертить творческий путь писателя. Предисловием к изданию, написанным специально для нас сотрудником «Литературной России» Вячеславом Огрызко, дело не закончилось. Все новые сведения, обнаруженные после выхода книги в свет в 1998 году – а их было достаточно много, вплоть до уточнения года смерти, – публиковались в краеведческом журнале «Лукич». Пожалуй, обилие новой информации способствовало тому, что краеведческий отдел Государственной библиотеки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры выступил инициатором проведения в апреле 2003 года первых Плотниковских чтений, посвясийских слов с их транскринцией в издании «Янгал-Маа», которых к тому же в поэме оказалось заметно меньше, нежели остяцких и самоедских. С.Г. Пархимович в сущности занял позицию великого этнографа и фольклориста Валерия Чернецова, точно подметившего, что в опубликованном произведении, атрибутированном как вогульская поэма, мало что есть от мансийского фольклора.

Активная позиция, занятая С.Пархимовичем по отношению к мифотворчеству М.П. Плотникова, пытавшегося ассимилировать отрывки фольклора разных народов в одно целое, способствовала лишь тому, что идею Плотниковских чтений удалось благополучно похоронить. На изданных материалах конференции название их уже не артикулировалось. Вместе с этим была закрыта в печати и тема М.Плотникова, которую не пытались затрагивать даже фольклористы НИИ обско-угорских народов. Может, самым убедительным фактом в пользу такого действа была постоянная готовность М.П. Плотникова, по воспоминаниям современников, к розыгрышам, к мошенничеству. С.Г. Пархимович приводил примеры выдуманных самим поэтом фактов из своей биографии. И это, конечно, усиливало убедительность идеи автора статьи «Много шума из ничего» олитературной фальсификации.

По прошествии почти десятилетия после похорон идеи, показавшейся мно-

гим участникам непродуктивной, просматривал письма тоболяков в фонде Г.Н. Потанина, находящегося в научной библиотеке Томского государственного университета. Оставленное Григорием Николаевичем, пожалуй, самым знаменитым сибиряком XIX века, наследие столь велико, разнообразно и столь сильно разбросано по различным хранилищам страны, что, наверное, ещё не одно поколение историков будет пытаться осознать масштаб личности великого учёного. Вызывает удивление объём сохранившегося эпистолярия. **Множество** адресатов, знание нюансов издания провинциальной прессы, мощный интерес к этнографии инородцев всё это подчёркивает знаковость фигуры Г.Н. Потанина для сибиряков.

Поиск неизвестных научному сообществу документов тоболяков XIX века должен был приоткрыть, как точно сформулировал югорский краевед В.К. Белобородов, «нам живую, достоверную картину повседневности, если в чём-то и тенденциозную, то не в такой степени, как в трудах историков...».

И вот в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки ТомГУ среди двух тысяч писем от 600 корреспондентов Г.Н. Потанина удалось обнаружить и письма от М.П. Плотникова. Йх несколько. Они уточняют ранее неизвестные страницы его биографии. О том, насколько актёрствует в своих письмах автор поэмы «Янгал-Маа», можно судить по мнению, высказанному В.М. Крутовским в письме к Г.Н. Потанину от 7 февраля 1919 года. «Плотников – молодой человек, знаток вогулов. По-видимому, он провёл среди них свою молодость и хо-

рошо их знает. Есть его книжка рассказов из вогульской жизни, переведённая даже на американский язык, т.е. на английский, но американцами. Плотников – друг моего журнала и делает для него всё, что может» (Ед. хр. № 177). Перевод «на американский», это ещё одна сторона мифа о М.П. Плотникове.

Вспоминается при этом дневниковая запись П.И. Чайковского от 22 июня 1888 года: «Мне кажется, что письма никогда не бывают искренними. – Сужу, по крайней мере, по себе. К кому и для чего я бы ни писал, я всегда забочусь о том, какое впечатление произведёт моё письмо».

Новая встреча с автором поэмы «Янгал-Маа», на этот раз в эпистолярном жанре, заставляет осторожнее отнестись к точке зрения Сергея Пархимовича на происхождение «вогульского» фольклора, берущего корни из творчества Серафима Патканова. Судя по публикуемым письмам М.П. Плотникова, последний два года путешествовал по Северу и знакомился с жизнью и бытом аборигенов. Примерно такого же времени хватило командированному на Тобольском Севере и Серафиму Патканову, сумевшему записать эпос, элементы которого никому ещё не удавалось обнаружить. Но где правда? В письмах М.П. Плотникова к Г.Н. Потанину о затраченных усилиях или в статье «Вогульский эпос», утверждавшей о работе в течение тринадцати лет над поэмой?

Но публикация обнаруженных писем, несомненно, поможет ответить на некоторые возникающие вопросы касательно биографии самого М.П. Плотникова.

ПИСЬМА МИХАИЛА ПЛОТНИКОВА

№ 1 6 марта 1919 г.¹ № 59

Многоуважаемый Григорий Николаевич.

На днях Владимир Михайлович Крутовский² переслал мне одно за другим – два Ваших письма, адресованных ему, в которых Вы несколько строк посвящаете моей поэме «Янгал-Маа». Я хотел Вам написать сразу, как только получил первое пересланное мне Вл. Мих. Ваше письмо, но, не имея от него разрешения сослаться на это разрешения. В настоящее время я имею раз-

решение Владимира Михайловича и Ваше второе письмо, в виду чего пишу Вам. Возможно, настоящее моё письмо в достаточной степени не осветит интересующих Вас вопросов, т.к. Вы в помянутых выше письмах пишете вскользь о поэме, я прошу Вас написать мне, и я с великим удовольствием постараюсь дать самые исчерпывающие ответы по затронутым вопросам.

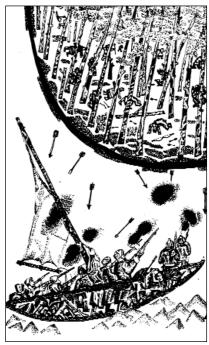
Прежде всего я должен уведомить Вас, что ни остяцкого, ни вогульского, ни самоедского полного^{*3} текста поэмы^{*} у меня не имеется, т.к., видимо, народный эпос этих народностей дошёл до наших дней и не в полном объёме: в виде былин или связанных друг с другом песен, в виде жалких отрывков, по которым нельзя восстановить полностью нашей сибирской Гайаваты; причём эти отрывки – частью имеют стихотворную форму, частью выродились в сказки, сказания и рассказы, в которых более древние населения перемешались с новыми и благодаря чему исказили не только форму, но и самый их* смысл. Ввиду чего с уверенностью можно сказать, что открытый Кай-Доннером⁴ «самоедский эпос» является счастливым остатком некогда богатого эпоса, который в настоящее время полностью восстановить невозможно, т.к. полного взятого наугад эпического сказания не имеется. К сожалению, не читал Кай-Доннера (Влад[имир] Мих[айлович] мне обещал её прислать), но, насколько я знаю север Сибири, Кай-Доннер не мог открыть полной поэмы или былины с её полным текстом, а натолкнулся тоже на отрывки, некогда составлявшие целые поэмы такого эпоса наподобие Nibelunglied*, или финской Calevala*. Это, я думаю, может подтвердить К.Д. Носилов, знаток этого края.

Разрешите мне подробно КОСНУТЬСЯ ТОГО ПУТИ, ПО КОТОрому я шёл, составляя поэму «Янгал-Маа». Во время моих скитаний по северу Сибири я также старался найти полный памятник героического эпоса. Таковой найти не удалось, но при большем знакомстве с туземной словесностью (в данном случае -ОСТЯКОВ, ВОГУЛОВ, ОТЧАСТИ, САмоедов) я нашёл отрывки, видимо, существовавшей поэмы «Янгал-Маа». Я начал записывать отельные песни, сказки, рассказы, легенды и пр., относящиеся к этой поэме, причём я заметил наличие одинаковых сказок, песен и др. памятников народной словесности у всех трёх помянутых племён. Благодаря тому, что я хорошо изучил вогульский язык и достаточно порядочно научился остяцкому, такое собирание мне не представляло особой трудности, и мне удалось скомпилировать родственные между собой отрывки этого эпоса, из которого как восстановленная цепь выявилась поэма «Янгал-Маа». Для полноты я вставил в поэму и другие отрывки других памятников туземного эпоса.

Такова история происхождения «Янгал-Маа». В настоящее время у меня имеются также записи, из которых незначительная часть записана

по-вогульски (т.е. русскими буквами по-вогульски), остальная же часть записок писалась по-русски в форме сказок, записей, заметок и рассказов, т.*е.* в* том* виде* и* той* форме*, как* передавал* мне* рассказчик*. Одновременно я собрал и сказки, которые думаю со временем разработать и напечатать. Приблизительно я записал 15–20 таких сказок, чисто северных, сибирских, о которых ещё нигде не писалось.

Отрывки поэмы в стихотворной форме, которые мне удалось записать, написаны в подлиннике (если можно так выразиться), тем же размером, который я употребил и для поэмы. Пение же поэмы, как это было в Греции при Гомере рапсодами или у нас на Севере России «сказителями», мною не замечено. Встречались мне певцы, знавшие много песен и сказок, но ни

один из них не сумел пропеть или рассказать целиком вполне законченную балладу (поэму), а пели большей частью отрывки, не замечая сами того, что многие из них есть звенья стройного целого. История вогулов сохранила имена некоторых певцов (Ваза, Вача и др.), но они жили «так давно, – как говорят вогулы, – что наши деды не слышали их го-

лоса, а слышали о них от своих старых дедов»; б.м., эти рапсоды вогульского народа могли пропеть целую законченную балладу (поэму), но теперь таковых нет. Русские за три века владычества сумели переделать «меньшего брата» на свой лад, и он теперь с большим удовольствием горланит русскую частушку и прикладывается к бутылке денатурата с примесью жевательного табаку, а про своё родное забыл.

Не знаю, удовлетворят ли Вас мои сведения о поэме. Сейчас я не знаю, какая сторона Вас интересует и если Вы не откажете мне написать, я с великим удовольствием и готовностью отвечу Вам.

Во втором письме Владимиру Михайловичу Вы пишете: «Нельзя ли его сделать орудием возрождения самоедов, остяков и вогуличей. Привлечь его к написанию статей о мерах против вымирания инородцев, об открытии школ для них, об издании учебников на самоедских и остяцких языках, об издании азбук и книг для чтения и пр.».

Все затронутые Вами вопросы серьёзны и говорят о верном пути, намеченном Вами в этих немногих строках. Я подписываюсь под ними обеими руками и мне хотелось знать Ваше компетентное мнение по этому вопросу более подробно. Я готов служить меньшим братьям.

Благодаря Владимиру Михайловичу возможность сделать много добра, очень много добра мне предоставлялась. Владимир Михайлович в июне п[рошлого] г[ода] рекомендовал б[ывшему] министру туземных дел Михаилу Бонифатьевичу Шатилову, который меня пригласил на службу. На первых порах мне удалось разработать вопрос о снабжении инородцев севера Сибири хлебом, охотничьими припасами и другими продуктами их обихода, а также снабдить хлебозапасные инородческие магазины нужными продуктами. К великой радости мои проекты благодаря энергии М.Б. Шатилова остались не мёртвой бумагой, а вошли в жизнь и осуществились. Но потом пошли различные осложнения, повлекшие сначала отставку, а потом и смерть самого министерства. Н.Я. Новомбергский приглашал меня работать, но я чувствовал, что со смертью министерства туземных дел, пристроившись при МВД, едва ли я* буду полезен, а поэтому ушёл писать «строчки». Так окончилась моя живая деятельность на пользу меньших братьев.

Извиняюсь, что затрудняю Ваше внимание и отнимаю у Вас время, я напишу несколько строк о моей литературной деятельности по инородческому вопросу.

Я написал несколько рассказов из быта вогулов («На Конде», «Шунгур», «Маньси», «Сабанар», «Суд», «Маа», «Кошечья тропа», «Страница жизни», «Шаман», «Божьи олени», «На оленьем холме», «Певец спора»⁵), некоторые из них напечатаны в «Сибирских записках», также писал статьи по инородческому вопросу, и когда закончу поэму, передам наши северные сибирские сказки.

Заканчивая настоящее письмо скажу, что как сибиряк, я всей душой готов служить родине и забытым туземцам. Их* все* забыли* и* до* них* нет* никому* дела*.

Жду Вашего ответа. Адрес мой: гор. Камень Алт. губ. Редактору газеты «Каменская мысль» Михаилу Павловичу Плотникову.

Искренне* уважающий* Вас $(подпись)^*$

Ед. хр. № 234. Л. 1–11.

1 Данный документ состоит из трёх тетрадок, состоящих из согнутых пополам страничек в линеечку, каждая из которых имеет размер 13,3 х 21,2 см. На первой странице нанесено типографским способом угловое обозначение должности автора:

Редактор газеты «Каменская мысль»

г. Камень Алт . губ.

191_г. No

Машинопись. Текст нанесён с обеих сторон страничек через фиолетовую копирку. Нумерация листов сделана автором сверху в левом верхнем углу с помощью пишущей машинки.

² Крутовский В.М. (1856-1930), врач. В 1900-х гг. возглавлял Красноярский подотдел Русского Географического общества. Редактировал журнал «Сибирские записки» (1917-1918).

³ Здесь и далее астериксом (*) обозначены слова, вписанные от руки автором письма.

4 Выдающийся финский исследователь, автор книги «У самоедов в Сибири». Наблюдения над жизнью сибирских аборигенов дополняются зарисовками нравов русского населения и описанием сибирских городов и посёлков, которые автор посетил в течение 1911-1913, 1914 гг. Издана впервые на русском языке в 2008 г. в Томске.

В «Каменской мысли», редактируемой М.П. Плотниковым, обнаружены рассказы «Весенней ночью» (1919. 20 апр., № 74) и «На заимке» (1919. 6 июля, № 131), а также стихотворения «Три острова» за подписью Хелли (1919. 15 июня, № 113); «На 25-летие со дня кончины Н.М. Ядринцева» за подписью М. Сибиряков (1919. 4 июля, № 129). Оба псевдонима, несомненно, принадлежат М.Плотникову. Судя по содержанию некоторых публикаций, ему могут принадлежать псевдонимы Ята-певец, Яла-певец. В издании обнаружено несколько стихотворных текстов за такой подписью, а также ироничные заметки.

Nº 2

20 марта 1919 г.

Дорогой Григорий Никола $eвич^6$

Разрешите назвать Вас при нашем малом знакомстве дорогим, т.к. я Вас давно знаю и люблю Вас. Я получил Ваше письмо, а Вы, наверное, уже получили моё заказное, отправленное из Камня 6 марта н[ового] с[тиля] с[его] г[ода], в котором я постарался дать исчерпывающие сведения. Вл. Мих. Крутовский на днях мне прислал статью Кай-Доннера «Самоедский эпос» (Выдержка из финского* журнала* Гельсинф.*). Высказанные мысли о неизвестной мне статье Кай-Доннера после её прочтения мной во многих случаях оправдались, несмотря на то, что моя поэма вогульско-остяцкого происхождения, а не самоедского, причём следует заметить, что самоедский эпос много разнится по своему духу от остяцковогульского.

Кай-Доннер говорит, что «в 800 в[ерстах] от устья Кэти в самоедском посёлке Мешаткина я в первый раз услышал от сына прославленного шамана в полном виде поэму о Итьт'е, но, – далее говорит Кай-Доннер, – он не мог сообщить её дословно, т.к. хотя известное число эпизодов он мог произвести слово в слово, другие же части он рассказывал по памяти. Во всяком случае, – заключает Кай-Доннер, - у меня получилась схема поэмы и впоследствии оказалось значительно более лёгким включить в неё отдельные эпизоды, которые мне пришлось услышать позднее».

Делая такое вступление, Кай-Доннер даёт мне основание повторить сказанное в моём письме к Вам, что народный эпос вогулов, самоедов, остяков дошёл до наших дней не в полном объёме в виде былин или связанных друг с другом песен, а в виде отрывков, по которым нельзя с полной достоверностью восстановить поэмы в целом, причём эти отрывки имеют стихотворную форму, частью выродились в сказки, сказания, рассказы, в которых более древние слияния перемешались с новыми и благодаря чему исказили не только форму, но самый смысл. Последние мои слова подтверждают замечания Кай-Доннера, что некоторые части несомненно позаимствованы или более позднего происхождения.

Из всего высказанного, что Кай-Доннер в восстановлении поэмы о Итьт'е шёл тем же путём, от части к целому, из отдельных эпизодов к целой поэме. Нужно сказать, что вогулы первые столкнулись с русскими завоевателями, они первые оказали сопротивление и в их среду вперёд всего влились русские колонисты, проповедники и власти. Всё это заставило вогулов забыть быстрее родное, чем самоедам или северным остякам. Русские монахи, просветившие вогулов, оказались не немецкими и не додумались записать народноэпических произведений, как это сделал неизвестный немецкий монах, записавший Nibelunglied*7. Я тоже слышал былину об Итьт'е и Людоеде, но, к сожалению, не целиком, и у меня имеются в портфеле три отрывка (сказки), из числа тех, о которых я Вам писал.

Постараюсь ответить Вам на вопросы, которые мной оказались незатронутыми. Я действительно исходил северо-запад Сибири, пробыл там в два приёма около двух лет. Первое моё скитание, как я называю мои путешествия по северу Сибири, началось от с. Самаровского Тоб. губ., я поднялся в верховье реки Конды, откуда перебрался на Лозьву в предгорья Урала и, повернув на восток, добрался до с. Сосьвы, до Березова, откуда на пароходе добрался до Обдорска. От Обдорска я вернулся пароходом в Березов, ушёл в верховья Сосьвы: Таль-я, Уолья, Мань-я, где зимовал. Одичав и соскучившись, весной я из Берёзова возвратился в Ново-Николаевск, также помимо скуки, которая у меня была в достаточном количестве, не оказалось достаточного количества денег. На другой год вновь из Самарова направился на север, побывал на Казыме, Войкаре, Вогулипе, хотел исследовать реку Полуй, но заболел какой-то странной болезнью вроде малярии и возвратился обратно домой. Я постараюсь в следующий раз написать более подробный маршрут моих скитаний, для чего немедленно возьмусь перетряхивать путевые записки.

Кай-Доннер и его труд мне были неизвестны, и он исследовал Нарымский край, который я знаю только хорошо до Ваховского, а на Тыме я не был. Что же касается сказания об Итьт'е, я его знал частями, отдельные эпизоды, которые нашёл в верховьях р. Кельмы, о которых я упоминал. «Не слышно ли о возвращении Итьт'е?» – То же самое говорят о Вазе и Яный-Келбе, сказку о котором я записал и пришлю Вам её. В ней, без сомнения, отразился эпизод борьбы русских с вогулами и ожидание Яныя-Келба как избавителя распространено среди вогулов. Ваза в конце концов оказался несостоятельным, т.к. он, узнав о смерти Ючо, когда вернулся после всех подвигов, не пошёл спасать народ, отказался от права быть богом и

быть среди богов, так как с ним не было бы Ючо, которая как смертная не имела права на это. Он отказался от всего, разошёлся с богами и людьми и сжёг себя. Существуют варианты, где говорится, что из пепла он возродится, найдёт Ючо, которая благодаря тому, что была женой Мейка, не обратилась в жужелицу, а превратилась в тень и находится в Царстве Смерти.

Он найдёт и приведёт её за руку.

Тогда жизнь и земля будут привольны.

Добро сойдёт в народ вогульский.

Таков заключительный стих в дословном переводе.

В Вашем письме затронут вопрос о вымирании инородцев. Я Вам пришлю статью «Забытые народы»⁸. Статья эта чисто газетная, но всё же отражает мои взгляды на затронутый вопрос о вымирании. Вымирание не является в данном случае следствием какого-либо одного факта, эта сумма всего того, что выпадает на долю обездоленного дикаря, и бороться с вымиранием можно не только с помощью фельдшеров и частной власти, а главным образом просвещением. Об образовании говорить не приходится, ибо если наш мужик тёмен и безграмотен, то забытый всеми инородец – несчастен в своём незнании. Те редкие школы, распространённые в более крупных торговых центрах северо-запада Сибири, не обслуживают всей массы населения, и, кроме того, в таких школах процент туземцев низок. Если всмотреться в эту причину глубже, то мы увидим, что учащие⁹ (большей частью русские) не отвечают своему значению и мало интересуются инородцем. Нужны учителя из инородцев, владеющие не только языками, но даже и отдельными наречиями. Для подготовки кадров учителей нужны специальные училища с четырёхклассным курсом, равным хотя бы городскому училищу. Эти

училища дадут необходимых учителей. Помимо этого нужно обратить серьёзное внимание на внешкольное образование, на которое ни ранее, наверное, и сейчас правительство не отпускало ни одной копейки. Необходимо издание книг на остяцком, вогульском и самоедском языках. Насколько я знаю, таких книг почти нет и единственная книга, которой снабжало российское правительство – евангелие.

Если помянутому в Вашем письме И.С. Клюжеву желательно получить полные сведения, какие я могу дать, то пусть он не откажет мне написать, я с удовольствием поделюсь, напишу, поищу в своей памяти. Быть может, это дело каплю да принесёт пользы. Пишите мне, я с нетерпением жду Вашего письма. На первое моё письмо я ответа до сего времени не получил, хотя отправил его 6 марта н.с. с.г.

Искренне уважающий* Вас* и* готовый* к* услугам* (подпись)

Ед. хр. № 235. Л. 1-2 об.10

⁷ В письме — Hibelunglied.

Nº 3

г. Томск, Нечаевская ул., д. 14 3 ж[енская] гимназия Тихонравовой¹¹

Григорию Николаевичу Потанину¹²

Дорогой Григорий Николаевич!

Сообщаю Вам, что меня мобилизуют и тянут пока на ко-

⁶ Машинопись. Отпечатано на бумаге размером 22,2 x 35,6 см с обеих сторон. На первой странице нанесено типографским способом угловое обозначение должности автора (см. прим. 1). Текст нанесён с обеих сторон страничек через фиолетовую копирку. Все авторские исправления внесены красными чернилами.

⁸ В фондах научной библиотеки Томского государственного университета сохранились отдельные экземпляры газеты «Каменская мысль» за 1918—1919 гг. Ежедневная общественно-политическая кооперативная газета начала выходить в 1918 г. Издателем выступал культурно-просветительский отдел Каменского союза кооперативов. Удалось обнаружить лишь окончание очерка «Забытые народы» (1918. № 120, 19 нояб.). В данном письме тезисно изложено содержание публикации.

⁹ Очевидно, с ударением на первом слоге. Речь идёт об учителях.

¹⁰ Данное письмо не имеет ни авторской нумерации, ни нумерации листов фондохранилища.

миссию в Новониколаевск. Письмо Ваше получил, но в связи с призывом пока подробно ответить не могу. Как только отделаюсь, напишу Вам. Возьмут, тогда, прощай поэма и всё, но делать нечего. О результатах комиссии уведомлю Вас немедленно.

Искренне уважающий Вас (подпись)

11. IV. 919. Ед. хр. № 1135.

11 Тихонравова Наталья Андреевна— начальница детского сада, приготовительного училища и женской гимназии, созданных ею в Томске.

12 Открытка размером 8,8 х 14,0 см. Рукопись.

№ 4 7 июня 1919 г. № 25

Дорогой Григорий Николаевич¹³

Прежде всего я приношу своё глубокое извинение, что не мог ответить на все вопро-

затронутые письмом Вашим от 31 марта сего года. Как Вам известно, я призывался, побывал на разных комиссиях, освидетельствовался только вчера (6-6) был признан совершенно негодным к военной службе. На днях я получил от Владимира Михайловича письмо, в котором он сообщает мне, что Вы спрашивали обо мне. И вот теперь, вздохнув от долгих мытарств, я спешу писать Вам. Сердечно благодарю Вас, что Вы не забыли меня. В помянутом выше письме Вы меня спрашиваете: «...где проходит южная линия оленеводства?» Едва ли сумею Вам точно указать эту линию, т.к.

южная линия перемежается в зависимости от урожая оленьего корма и многих других причин, но всё же приблизительно могу указать, что таковая на сев[ере] Тобольской губ. проходит следующим образом: Нарым по р. Тыму, далее на западе по р. Васюгану и истокам р. Демьянки. Затем южная линия оленеводства (как мне кажется, ввиду неудобства здесь оленеводства) круго повёртывает на северо-запад к впадению Иртыша в Обь и идёт в границах рр. Охлыма, Казыма¹⁴, а далее на запад она переходит на левый берег Оби, выпрямляется и приблизительно определяется рр. Ендыром, верховьями р. Тапа (приток Конды), подходит к озеру Елпын-Тур, повертывает немного севернее к притоку Конды (Ес) и идёт по реке Тапсую почти по прямой линии к верховьям реки Лозьвы. Что же касается южной границы оленеводства на восток от Нарыма, то таковая проходит* приблизительно рр. Тыму и Сыму, опускаясь в некоторых местах южнее, иногда

поднимаясь севернее. К сожалению, я этим вопросом в бытность мою на севере не занимался специально, но полагаю, что в определении гра-

ницы особенно грубых ошибок не допустил. Вы в письме своём указываете, что МНП устроило три учительских семинарии, из коих Берёзовская будет обслуживать нужды остяков, самоедов и вогуличей. И Вы рекомендовали в ней преподавать курсы оленеводства. Без сомнения, это более чем необходимо, ибо и ранее наблюдалось, что неправильное ведение оленеводства ведёт, с одной стороны, к истощению Севера, а с другой стороны, к вымиранию северного оленя. Если вглядеться в жизнь самоедатундровика, то можно прийти к заключению, что племя это жизненное, но для этого необходимо их вырвать из лап ТУНДРОВЫХ ПАУКОВ, КУПЦОВ, КОторые пробираются даже* на* крайний* север* Ямала*, и делают разрушительное дело, а в результате такой «деятельности» купцов можно сказать,

> что тундры вымрут; ибо самоеды, как племя, приспособленное к жизни в этом суровом* краю, вымрет, а русские или зыряне едва ли пожелают жить там. Вместе с вымиранием самоедов пойдёт и на убыль оленеводство, для которого требуется правительственная поддержка, кредит на покупку оленей обедневшим оленеводам, ветеринарная помощь, показательные хозяйства и пр. Я ещё раз заявляю: «Инородцы не вымрут, только надо о них позаботиться, и печальная тундра даст свой дар Сибири». Необходимо построить заводы для переработки шкур и холодильники для оленьего мяса, и

оленеводство даст большую пользу не только* для* тундры, но и для страны.

Ивану Семёновичу Клюжеву я собирался написать обшир-

ное письмо, но до сего времени по обстоятельствам моего призыва на военную службу никак не мог этого сделать. Как только соберу материал по делу туземного просвещения, а также постараюсь указать пункты для открытия сельских школ на севере Тобольской и Томской губ. Хорошо было бы созвать съезд учителей сельских школ севера Тобольской и Томской губ., и, я полагаю, такой съезд мог бы дать обильный материал, а кабинетные вычисления и проекты будут всё же далеки от жизни, причём за последнее время так меняется сама по себе жизнь, что говорить о том, что видел ранее, не приходится. Я полагаю, что Вы со мной согласитесь, что необходимы также летучие курсы и внешкольное образование, которое необходимо не менее увеличения сети сельских школ и училищ.

Теперь постараюсь ответить Вам по вопросу о некоторых верованиях и преданиях самоедов. Заранее прошу извинения, что на многое, возможно, я не сумею Вам точно ответить, но постараюсь сообщить, что знаю вполне точно.

В представлениях остяков и самоедов мир делится на две области. Одна из них светлая

(рай) находится на небе и верховное существо, управляющее миром (землёй) и раем у остяков называется Торумом, а у самоедов - Нумом. Как Торум, или по-вогульски Торым (Торм или* Мирра-Суснахум*), а по самоедски Нум, - сам в управление землёй вмешивается редко, а распоряжается через подчиненных ему богов, которых у него великое множество. Таковым подчиненным богом был, по преданию остяков (казымских и др.), медведь (мойбер), который является младшим братом Торума. Вогулы и остяки редко называют медведя собственным именем, т.е. мойбер, а обыкновенно говорят: шубный ойка, старец-ойка или просто «ОН», ПОТОМУ ЧТО, ПО ИХ ВЕРОваниям, может отплатить обидчику, т.к.* он* все* слышит* и* знает*. Так же редко произносятся имена Нума, Торыма, Торума и Торма. В некоторых местах, а ранее везде, убитый медведь служит причиной целого праздника, так называемого медвежьего. Приносятся «пори» (жертвоприношения). Интересным моментом бывает обряд «отречения», когда убившие остяки кричат троекратно* «кара-юійя» и говорят, что убили не они, а русские, которые* выдумали* ружьё*, и пр.* После «отречения» начинается танец медведя, который пляшут обязательно в рукавицах (мойбер-якты-пост) с изображением вышитого на них медведя. После пляски разыгрываются небольшие пьесы, актёры надевают «тондывешь» (берестяные маски), а также идет гулянка и пляски, нередко продолжающиеся несколько дней. Голова и лапы медведя отрезаются от шкуры и считаются священными. Их продавать ни в коем случае нельзя, и они хранятся продолжительное время. Мойбер-сонгт (медвежий череп) хранится иногда в жертвенных избушках, иногда в капищах у шайтанов. Клыки вынимаются и носятся как украшения, но не талисманы.

Головной мозг съедается, а также им пользуются как лекарством при ревматизме; стружки медвежьего зуба употребляют при порезах, медвежья желчь - при коликах, медвежье сало в соединении с грудным молоком (обязательно аи – девушки) – при болезнях кожи. Клятва на лапе* медведя считается самой страшной, и ни один вогул, остяк не рискнёт её нарушить. По преданию вогулов, «мойбер» в давние времена спустился на землю, чтобы наблюдать за правопорядком на земле, судить людские дела и накладывать наказания на виновных. В данном случае он был посредником между Верховным* божеством* и людьми (вогулами). Впоследствии, Вы, наверное, помните главу из моей поэмы «Янгал-Маа» о суде Ючо, он был лишён рассудка, ввиду чего не мог уже больше* судить и, женившись на Мюсснэ, ушёл в тайгу, а* от* него* пошли* дети*, которые* и* расселились* по* тайге* в* образе* медведей*.

Первый медведь, по преданию вогулов, спустился где-то на Северном Урале, точное местонахождение мне не удалось выяснить. У остяков существует предание, что медведь пришёл с Больших Гор, видимо, тоже с* Урала, иногда инородцы просто появление первого медведя приурочивают к ближайшей местности, где они живут сами*. Священными «емы» считаются некоторые птицы, как, например, кулик-сорока (Haematopus* octrolegus* Z*), сурок-шило-хвост* (Anas* ocut* Z*), чёрная гагара (Colymbus* acticus* Z*), иногда кряковая утка (Anas* boschas*) и др.

Теперь несколько слов о «Тунк-Пох'е». Я слышал это предание и пришёл к тому же заключению, что и Потканов¹⁵, т.е. это остяцкий миф о луне. Что же касается олицетворения «Тунк-Пох'а» с «папой римским», то это здесь какая-то путаница. Я не слышал такого определения, но отрицать достоверность не смею,

ибо Потканов безусловно авторитет. Приведу Вам остяцкие названия 12 месяцев года. Январь – оледенение реки (Ас-хатты-тылис); февраль – Ай-кор-тылис (время/месяц малого поста); март – Ум-кертылис (время/месяц длинного/большого поста); апрель – Нобытты-новы (время ледохода); май – Лыбыт-этты-тылис (время появления листьев); июнь – Вуш-новы (время нельмы); июль – Вуйт-тортос-ты-новы (время городить малые сора); август – Уйттор-тос-ты-новы (время городить большие сора); сентябрь – Хор-теу-ты-тылис (время случки оленей); октябрь – Сусс-ун-тыды-тылис (время рубки); ноябрь – Ванхот-тылис (время коротких дней) и декабрь – Рох-пынкурных-тылис (орлиный месяц обманчив во времени).

Вчера во владивостокской газете «Эхо» я прочитал корреспонденцию из Якутской области, где говорится на почве недостатка пищи (хлеба), лекарств и одежды появились эпидемические заболевания и процент вымирания якутов поднялся чрезвычайно. Якуты племя жизненное и если их положение таково, то каково положение тунгузов, айнов, гиляков, комчадалов, коряков, чукчей, юкаиров, чуванцев и др. Главным образом, как указывается в корреспонденции, тормозится отправка хлеба в Харбине и Владивостоке. Пишу Вам об этом в надежде, что Вы напишете в Омск и Ваше слово без сомнения поможет выйти из беды туземцам.

У меня есть к Вам одна большая просьба. Я написал 12 рассказов из жизни вогулов, которые объединил в книжку и которую, как будут обстоятельства благоприятствовать – издам. За написанием предисловия к* книжке* я обратился к Владимиру Михайловичу, он не отказался, но написал мне, что лучше я попросил бы написать предисловие Вас, причём Владимир Михайлович со своей стороны хотел просить Вас за меня об

этом же. Я боюсь Вас затруднить этой просьбой, т.к. Ваше время дорого, но всё же прошу Вас не отказать мне, если возможно, за что буду Вам несказанно благодарен. В случае Вашего согласия я Вам пошлю рукопись рассказов для прочтения.

Ещё сообщу Вам новость. На днях получил через Владимира Михайловича предложение быть редактором земского журнала в Красноярске. Я телеграфировал принципиальное согласие, а сегодня утром получил официальную телеграмму от Енисейского губернского земства. Сейчас сижу и думаю, что делать. Здесь меня держат и туда хочется. Как быть? Не знаю. Боюсь, что в Красноярске жизнь дорога и денег мне не хватит. В случае [решу] ехать, Вам протелеграфирую* о выезде. Жду Вашего ответа и желаю всего лучшего.

Готовый к услугам и преданный* Вам* (подпись)

Ед. хр. № 1566. Л. 1-3.

¹³ Машинопись. Отпечатано на бумаге размером 21,8 х 35,6 см с обеих сторон. Первые два листа имеют нанесённое типографским способом угловое обозначение должности автора (см. прим. 1). Текст отпечатан с обеих сторон страничек через фиолетовую копирку. Авторские исправления внесены красными и фиолетовыми чернилами. Имеет постраничную нумерацию (включая обороты) фиолетовыми чернилами и нумерацию листов фондохранилиша

 14 Первая буква слова неразборчива, скорее напоминает H, нежели K.

¹⁵ Так в тексте артикулируется фамилия Серафима Кероповича Патканова.

№ 5 26 июня 1919 г. № 204

Дорогой Григорий Николаевич!¹⁶

Крайне сожалею о Вашей болезни и желаю Вам скорого выздоровления. Я получил письмо от редактора «Вестника Томской губернии», из которого видно, что Вы советуете мне подать прошение на имя председателя Института исследования Сибири и отказаться от красноярских предложений.

В настоящее время переговоры с Енисейской губ. зем. упр. ещё не закончены и пре-

рвать их было бы мне неудобно, как перед управой, так и перед Владимиром Михайловичем Крутовским. Думаю, что этот вопрос выяснится через неделю, и я Вас уведомлю. С другой стороны, я боюсь, что, подавая прошение, потом окажусь непригодным, т.к. к чиновничьей или подобной службе не пригоден, что доказано мною на опыте. Боюсь Вас затруднять, но мне интересно и необходимо было бы знать, какую службу мне могут дать в Институте и будет ли эта работа мне по силам. Кроме того боюсь томской дороговизны, а мне приходится учить брата, сестру и помогать родителям. Здесь я получаю 1350 руб. в месяц, что мне хватает.

Извиняюсь за беспокойство, и, если Вас не затруднит, не откажите уведомить меня¹⁷. Много раз благодарен за местное предложение и поддержку. Думаю приехать в Томск в том месяце повидать Вас. Вашего ответа.

Искренне уважающий и преданный Вам (подпись).

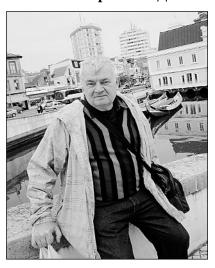
Ед. хр. № 567. Л. 1–1 об.

¹⁶ Рукопись. Написано на бумаге размером 22,2 х 17,8 см с обеих сторон. На первой странице листа имеется нанесённое типографским способом угловое обозначение должности автора (см. прим. 1).

¹⁷ Номер «Каменской мысли» за 11 июля 1919 г. был последним, который М.П. Плотников подписывал как редактор.

Рисунки А.ПОРЕТ

Предисловие, публикация и комментарии Юрия МАНДРИКИ

СВИДЕТЕЛЬ?

УЧАСТНИКУ.

1

Вот уже десять лет минуло, как не стало главного редактора «Севера», автора замечательного романа «Свидетель» Олега Назаровича Тихонова. Человек это был незаурядный, обладающий блестящим интеллектом и крестьянской совестливостью, которую заложили в нём мать и отец, весь его крестьянский род, происходивший из Тверской губернии и впоследствии осевший под Питером, в Мгинском районе.

Традиционное развитие деревенского мальчика прервала война 1941-го. Отец уже был на фронте, когда немцы оккупировали Мгинский район и стали отправлять дешёвую рабочую силу в Германию. Оказались в «неметчине» и де-

вятилетний Олег с матерью. Самое ужасное, что их тотчас разлучили: мать отправили к одному хозяину, Олега – к другому, за десятки километров. Так в самую трудную пору формирования мальчик оказался один на один с чужими людьми – чужой нации, чужой веры, чужого языка... Язык Олег освоил быстро, а вот разлука с матерью была как незаживающая рана, «чёрная боль», как скажет он много лет спустя в романе «Свидетель» правда, не о себе, о своём герое, в одночасье лишившемся родины и семьи. Но это будет и его собственная «чёрная боль». Не потому ли позже, когда он возмужает, станет самостоятельным и у него появится свой дом, портрет матери в народном костюме будет всегда висеть в красном углу его кабинета – рядом с Божьей матерью.

Возможно, я бы обо всём этом и не узнала, если бы не журналистская поездка в начале 1994 года в город-побратим Петрозаводска – Тюбинген. Перед отъездом зашла в кабинет главреда – попрощаться. Олег Назарович сказал, что по-хорошему мне завидует и сам хотел бы побывать в тех местах: «Ведь я там мальчиком батрачил...» – «Вы ничего не писали об этом...» – «Ничего...»

Я спросила имя хозяина и как называется немецкая деревня. Олег Назарович отмахнулся: «Не стоит... Я обращался в разные архивы, и везде отвечали, что меня не было в Германии...»

54 МИР СЕВЕРА

А между тем, как впоследствии мне рассказали бывшие однокурсники Тихонова, именно из-за Германии и не приняли способного юношу ни в МГИМО, ни в Ленинградский университет. Пребывание за границей, пусть и ребёнком, стало волчьим билетом для Тихонова. И только в Петрозаводске он смог получить высшее историко-филологическое образование.

Пребывание в Германии сыграло свою роковую роль и в его личной жизни: студентом он влюбился в однокурсницу – дочь важного чиновника. Та ответила взаимностью. Но папаша прервал их отношения, отправив дочь в Ленинград и запугав её последствиями дружбы с неблагонадёжным, с точки зрения этого чиновника, юношей.

Всё это Тихонов, разумеется, сильно переживал. Но какая в действительности ломка в нём происходила, об этом теперь уже никто и никогда не узнает. Он был довольно закрытый человек при всём своём демократизме и общительности.

В начале «перестройки», когда Германия стала выплачивать бывшим своим узникам компенсацию (а это были неплохие деньги, особенно в полуголодные девяностые), Тихонов обратился в соответствующие органы, но из-за пофигистского отношения должностных лиц к своим гражданам получил всё ту же формальную отписку: среди узников Тихонов не числится...

Я убедила Олега Назаровича, что попытка не пытка: не получилось в России, вдруг получится в Германии. И он как-то нехотя (не любил обременять собой кого бы то ни было) назвал координаты бывшего хозяина.

А дальше... Дальше помогла журналистская взаимовыручка. Немецкие коллеги из «Швебисеш Тагблатт» буквально через несколько дней сообщили адрес двух сыновей тихоновского хозяина, которые теперь выросли, са-

ми стали отцами, но отлично помнили русского мальчика Олега, работавшего в их хозяйстве.

Вскоре об этой истории (при содействии петрозаводской переводчицы Ирины Подгорной) узнал председатель Общества «Запад – Восток» Земли Баден-Вюртемберг, один из активных инициаторов побратимских связей между Петрозаводском и Тюбингеном доктор Йорг Бозе. Он-то и пригласил Олега Тихонова с женой Альбиной в Тюбинген.

По возвращении из Германии Тихонов о своих впечатлениях рассказывал скупо. Из его рассказа запомнилось: в деревне, где он батрачил, всё сохранилось так же, как и пятьдесят лет назад. И численность населения - тоже. Никакой усушки или утряски. Никакой миграции. Правила закон освящённая веками традиция. Единственная новизна – в естественной смене владельцев домов и хозяйств (ими теперь стали дети тех, кого запомнил в своём батрацком детстве Тихонов) да в более современных по сравнению с сороковыми обустройстве этих хозяйств и обслуживающей их технике.

«Теперь будете писать?» – спросила я, подразумевая будущий тихоновский роман о пребывании в Германии с 41-го по 45-й. «Не знаю. В это нужно уйти с головой. А моя голова вся в журнале. Да и больно снова переживать всё это...».

Так и не написал. Хотя слухи о романе ходили. Особенно после смерти Тихонова. Будто в самом «Новом мире» тихоновская рукопись находилась, да там будто бы и затерялась. Но наблюдая изо дня в день напряжённый рабочий график Тихонова в журнале (читка, правка, переписка, знакомство с рукописями, встречи с авторами, организация самого журнального производственного процесса...), могу с уверенностью сказать, что роман в этой ситуации написан быть и не мог. 2

Тихонов много лет ходил в замах у своего предшественника – Дмитрия Яковлевича Гусарова. Обычно «зам» – позиция уязвимая, ничего не решающая, которого держат «про случай». Чего нельзя сказать о Тихонове. Это был самый надёжный, самый ответственный (не в обиду другим замам будет сказано) зам. И потому Гусаров со спокойной душой мог оставить редакцию на два-три месяца, чтобы на творческой даче или в тиши собственного кабинета поработать над какой-то своей вещью.

Счастливейшими днями назовёт Тихонов дни, проведённые в больнице после случившегося инфаркта. Счастливейшими потому, что всё это время (за исключением необходимых процедур) он был свободен от «должен!», принадлежал только себе и мог наконец-то полностью отдаться любимому делу - роману «Свидетель» о легендарном «красном финне» Тойво Вяхе, участнике революционных событий в Финляндии и России и знаменитейшей чекистской операции «Трест», после завершения которой ему будет предложено без всякой альтернативы стать Иваном Петровым. Принести своё родовое имя - «Тойво Вяхя» – в жертву первой в мире стране рабочих и крестьян, запачкать его грехом Иуды. Отныне Тойво Вяхя в глазах своих товарищей по оружию должен стать предателем. А предателям «честь» одна – смерть. Он умрёт не только для однополчан. Он умрёт для финской родины, для матери и братьев. Для своей молодой семьи - жены и малолетней дочери. С этой раной в душе и станет жить человек с русским именем и нерусским акцентом.

Мне выпала честь быть в числе первых читателей романа. И когда «Свидетель» был опубликован, я получила из рук автора книгу с дарственной надписью: «Галине Скворцовой – первочитателю и

первокритику рукописи этой книги с признательностью... О.Тихонов. 15 окт. 1990». Процитирую свой отзыв:

«Свидетель» держится внутренней драматургией (она и есть по сути сюжет). Эта драматургия создаётся взаимодействием двух разных характеров, разных личностей. При том, что они не спорят и не конфликтуют между собой. Напротив, их отношения пример дружбы и верности. И тем не менее, возникает и сохраняется на протяжении всего романа напряжение. Вероятно, оно уже заложено в масштабе и богатстве личности героя, в масштабе самого романного материала и в позиции автора романа, с одной стороны как бы растворившегося в своём герое, с другой – пытающегося осмыслить ушедшую эпоху, чьи первоначальные замыслы были искажены и получили карикатурное разрешение в хрущёвско-брежневское правление.

Автор уверен, что *«когда* время отдалит нашу противоречиво сложную, слепяще яростную эпоху на допустимую зримость, когда предстанет она перед потомками рядовым звеном в цепи исторической бесконечности, её исследователи, вольные поставить рядом пафос и трагизм, фарс и драму, станут изучать её по таким натурам, как Иван Петров -Тойво Вяхя…» Ибо «судьба Петрова – лаборатория: на что способен человек. В чём, помимо слепоты, суть веры и оптимизма... Это случайность, что его испытывали именно те обстоятельства века, в которые он попадал. Они были прежде и будут впредь. А загадка человеческой веры в добро так и останется неразгаданной...»

Но и сам роман таит немало загадок, начиная с названия. Ведь в эпиграфе романа словами самого Ивана Петрова – Тойво Вяхя ясно говорится: «...Едва ли гожусь в свидетели, ибо я соучастник...» (курсив мой. – ΓA .)

Так кто же тогда – свиде*тель*? Я полагаю, сам автор, на глазах которого, «начиная 1969 года», проходила жизнь Ивана Петрова. Кто видел себя рядом с ним лишь в роли «добросовестного секретаря... разбирающего бумаги на его рабочем столе – письма, дневники, черновые наброски, делающего всё это обстоятельно и неторопливо, ибо известно, что хозяин не вернётся ни сегодня, ни за*втра...»*. Кто при жизни Петрова с поистине эккермановским упорством записывал его устное слово. Кто был редактором первых публикаций Петрова в «Севере», а затем и его книги «Красные финны». Хотя, возможно, Тихонов под словом «свидетель» понимал иное, например, *свидельство* – по Ожегову: «показание лица, бывшего свидетелем чего-нибудь». И разве сам Иван Петров не являлся тем лицом в своих рассказах? Как там ни было, но «Свидетель» - ёмкое и броское название, дополнительно призывающее читателя к размышлению...»

Встреча с Иваном Петровым была для Тихонова судьбоносной во всех смыслах. К тому времени он, стреноженный в своей профессиональной деятельности многими запретами и партийными циркулярами, вынужденный не столько действовать, проявлять инициативу, сколько мириться с навязанной ролью наблюдателя-свидетеля (это при его-то остром, ироничном уме, при его уникальной способности к системным обобщениям и точному, выверенному анализу текущего момента), всё чаще снимает стресс рюмкой-другой, что постепенно приводит к страшной болезни - алкоголизму. Знакомство с «красным финном» и его героической судьбой словно осветило и жизнь самого Тихонова: в ней появился высший смысл запечатлеть для потомков эту выдающуюся судьбу, отыскать в другой жизни свою строку, чтобы «расти ею».

Он начинает бороться с алкогольной зависимостью, а точнее – с собой, своими слабостями. Насколько мне известно от старожилов «Севера», борьба была тяжёлая – с чередой побед и поражений. Но однажды он победил зловещую российскую хворобу. Навсегда. И сколько я помню Тихонова, он никогда на наших редакционных вечеринках не притрагивался к спиртному.

3

Когда Гусаров собрался уйти в «отставку» и встал вопрос о новом главреде, из трёх кандидатур (а конкурентами Тихонова были фигуры известные, за каждым из которых стояла определённая сила: это выдвиженец мурманских писателей Станислав Панкратов, московский критик Владимир Бондаренко) Гусаров поддержал именно Тихонова. Ведь о Тихонове он мог бы сказать то же самое, что сказал о герое романа «Свидетель»: «Надёжная душа».

За Олега проголосовали и коллектив «Севера», и члены межобластной редколлегии (тогда она ещё существовала), и подавляющее большинство карельских писателей (с началом нового времени, вплоть до 2007 года главреда не назначали, а выбирали).

Редакторство Тихонова пришлось на самые трудные годы - годы выживания: с 1990 по 2000 гг. В эту суровую пору, когда стало распадаться всё и вся, когда области, края и республики потянуло в автономное плавание - на раздел, на разрыв, Тихонов вел напряженную переписку - с губернаторами, с первыми лицами страны. Весь свой дар публициста и литератора бросил он в эту топку. Убеждал, настаивал, предостерегал... И все против одного – нельзя походя, из-за личных амбиций рвать связи. Нельзя разрушать то, что создано отцами и дедами. «Север» – одна из скреп таких связей, по крайней мере, на русском Северо-Западе. И нужно поддерживать эту скрепу.

Петрозаводский «телёнок» бодался с «дубом» (дубами! – региональными и московскими) на протяжении почти десяти лет, пытаясь отстоять если не единое экономическое, то хотя бы единое литературное северо-западное пространство. Иначе – зачем всё было, если этого «всё» словно не было – провалилось в пустоту. Особенно после того, как уйдут последние свидетели.

Увы, ни один из губернаторов (кроме карельского) не поддержал «Север», бывший в то время органом семи областных и республиканских писательских организаций. На местах завели собственные журнальчики, которые выдыхались творчески после первых же выпусков. Но чиновникам было не до литературы, да и в целом не до государственных нужд — шёл ускоренный раздел (захват) общенародной собственности.

Поддержки карельского губернатора хватало только на оплату типографских расходов. Сотрудники «Севера», как и большинство бюджетников страны в то время, по несколько месяцев не получали зарплату, потому как Сорос нас, увы, не поддерживал. Признаюсь: в середине 90-х ездила в Москву жалким просителем. И то лишь потому, что в Минпечати в то время работали мои однокурсники по журфаку МГУ (Сергей Грызунов – министр, Алексей Моргун – зам. министра). Помогли. Но было ужасно стыдно. И потому, что - проситель. И потому, что однокурсники - святое, а святое нельзя использовать.

Эти тяжелейшие годы стоили Тихонову здоровья и собственных ненаписанных повестей и рассказов. Но именно благодаря его усилиям журнал продолжал выходить без перерыва. И в этом была надежда многих писателей и прежде всего самого Тихонова, что рано или поздно всё наладится, а сейчас важно сохранить журнал. Чтобы, как в той стабильной немецкой де-

ревне, где Тихонов вынужденно провёл детство, узелки и узелочки истории не рвались, а, напротив, укреплялись. Что вовсе не означало застой. Напротив, движение вперёд становилось более успешным, когда был надёжный фундамент. И это касалось не только отдельно взятых хозяйства, деревни, журнала, человека... но и в целом общества и государства.

Фундамент журнала – русская литература, которую теперь, с началом «перестройки» появилась возможность соединить. При Тихонове активно публикуется так называемая «возвращённая» литература, бывшая до того в изгнании, в эмиграции; продолжаются исторические хроники Дмитрия Балашова, который в 90-е выступает в журнале и как яркий публицист; разрабатывает тему «героя нашего времени» в своих изощрённо-психологических новеллах и повестях талантливый карельский прозаик Анатолий Суржко; творит сказки-прибаутки искусник северного слова Василий Фирсов... Размышления о наследии писателей-славянофилов (братьев Аксаковых, А.С. Хомякова), Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого... о творчестве Леонида Леонова, Андрея Платонова, Максимилиана Волошина, Михаила Пришвина, Владимира Набокова, Александра Солженицына... наполняют раздел журнальной критики. И, конечно, присутствует в журнале и благодарная память о бывшем главреде «Севера» – Д.Я. Гусарове.

Новый главред не забывает и о другой составляющей журнала: «Север» не только литературно-художественный, но и «общественно-политический» журнал. Для Тихонова так же, как и для Гусарова, переживших войну, эта тема одна из главных. Поэтому традиционно большая часть каждого майского номера – «военная».

Тихонов поощряет такие мобильные жанры, как ин-

тервью, литературный или театральный обзор, где речь идёт о наиважнейших проблемах современности; традиционные для «Севера» исследования - «малые народы в потоке истории» - ведь жизнь населяющих север угро-финских народов всегда была в центре внимания журнала. Статьёй Владимира Юдина «Север» привлекает внимание к проблеме – «Зачем вы, мастера культуры?» особенно актуальной в 90-е и впоследствии, в начале 2000х, продолженной Юрием Поляковым в «Литературной газете».

Движение вперёд обеспечивало журналу новое поколение писателей. «Звёзды» Яны Жемойтелите, Дмитрия Новикова, Дмитрия Вересова, Ирины Львовой, Сергея Пронина, ныне известных писателей Карелии (и не только), взошли именно при Тихонове. Одно из достижений журнала «тихоновского» периода: публикация в нескольких номерах романа мурманского писателя Николая Скромного «Перелом» и, конечно, высокий (а по сравнению с сегодняшним днём и высочайший!) уровень редактуры и корректуры, вообще работы с авторами.

4

В конце 90-х, когда Тихонов почувствовал себя бесконечно усталым (уже сказывалась роковая-раковая болезнь), он предложил мне стать у «руля». Для меня это была, безусловно, большая честь, хотя я и не заблуждалась относительно ситуации, когда *на безрыбье и* рак рыба (я по гороскопу – рак). Просто не было других претендентов (до меня «руль» предлагался известным карельским публицистам А.Цыганкову и К.Гнетневу, но они отказались): слишком тяжела была шапка Мономаха в 90-е и слишком скудное было вознаграждение за этот выматывающий труд.

Нет, если бы Тихонов попросил меня разнести пачки с журналами по киоскам или написать по срочной статью в номер... – я бы, не раздумывая, согласилась. Но я не могу, не умею делать не свою работу. И как ни трудно мне было сказать «нет» в этой ситуации, я отказалась. И Тихонов понял меня. И простил. Как прощал он многих своих сотрудников – и за порой нерадивость, и за халтурки на стороне, отвлекающие от основной работы, и за свою одинокую борьбу за журнал-государство.

К примеру, сколько раз собирался он уволить за ту самую нерадивость одну из технических сотрудниц редакции. Но стоило той пустить слезу, сослаться на «обстоятельства», и человек Тихонов брал верх над руководителем Тихоновым. Поневоле вспомнишь его роман «Свидетель» и характеристику Ивана Петрова (Тойво Вяхя): *«Силой во*ли обладает... настойчивый... дисциплинированный... отношению к подчинённым недостаточно требователен...». То же самое можно было сказать и о самом Олеге Назаровиче.

Тихонов продолжал тянуть редакторскую лямку ещё три года. На его предпоследнем перед окончательным уходом из редакции дне рождения коллектив подарил главреду шутливую песенку (начало, кажется, сочинила Раиса Мустонен, а конец – narod. sever. ru), в которой назвал его своим комбатом:

День рожденья нашему комбату — Он свидетель грозных лет и дел. Так давайте выпьем же, ребята, Чтобы наш комбат и жил (многая лета!!!), и пел!

Увы, петь Тихонову уже было не дано. Шестидесятилетний юбилей журнала он проводил практически безголосый (рак горла), не имея средств ни на аренду зала, ни на самый скромный стол. В моём дневнике сохранилась запись:

«22.06.00. 60-летие журнала. О.Н. оказался в одиночестве.А. «раскодировался», О. в отпуске, Р. со шведкой. С Г. Сахновой ходили по её знакомым бизнесменам, чтобы раздобыть немного денег. Министр финансов Колесов вначале отказался финансировать юбилей. Он думал, что нынешний бедный вид «Севера» – это его стиль. «Стиль нищеты», – сказал О.Н. Через некоторое время министр «одумался», выделили 15 тыс., но О.Н. уже послал отказы в Архангельск, Сыктывкар, Вологду... Отмечать решили своим кругом... Очень помог Цунский, директор «Петровского» и неожиданно Кобенко, председатель российского Литфонда...»

Во многом благодаря тем, кто знал и уважал Тихонова за его Слово, за его честность и порядочность, удалось достойно провести юбилей. Была и торжественная часть в одном из самых престижных залов города с прекрасными выступлениями читателей и писателей, с зажигательным словом Дмитрия Балашова. Были и *официальные*, зафиксированные специалистами признания заслуг журнала: «Не случайно «Север» по итогам последнего десятилетия XX века назвали лучшим журналом России», - напишет доктор филологических наук Ю.И. Дюжев. Был, наконец, и юбилейный стол, и не просто скромный, а даже роскошный по тем временам - в одном из уютных и красивых ресторанов города.

Как ни странно, особенно по сравнению с нынешними поставленными на поток орденоносцами, но за свою подвижническую деятельность на протяжении тридцати лет, и особенно последних десяти, Тихонов к юбилею журнала не получил ни ордена, ни медали. И знаете, почему? Потому что не уподоблялся тем «героям», что, пользуясь служебным статусом, занимаются самопиаром и регулярно носят в наградные отделы ходатайства о себе любимых.

Теперь ведь так, кажется, принято?

Но Тихонов по поводу медалей не горевал. Самой большой наградой для него стало то, что журнал попал в бюджетную строку. Значит, не пропали даром его усилия и хлопоты по начальству. И значит – «Северу» жить!». В своих «Неюбилейных раздумьях», опубликованных в том же 2000-м, он напишет:

«Прислушаемся к тихой полемике «Севера» и «Нового мира». Гордая попытка сохранить «окраинную истинность» большой литературы у первого и полнейшее заселение столичной жилплощади провинциальными авторами у второго... В деле литературном провинция давно и успешно спорит с Москвой...».

Увы, теперь не спорит. Первая в погоне за сластью и выгодами начальственного положения потеряла «окраинную истинность». Вторая, используя в тех же корыстных целях столичное положение, стала мировой окраиной. В том числе и литературной. А ведь с того времени, как написаны эти тихоновские слова, что важно - написаны с верой и надеждой (а за что же иначе бился «телёнок» с дубами? За что жизнь положил?) прошло десять лет. Всего десять! И – снова пусто. И снова почти с нуля. И кто мы после этого - свидетели? участники?

P.S. А тоска Тихонова, прошелестевшая шёпотом на шестидесятилетии «Севера», всё несётся и несётся по стране:

«Так нужна, господа, страна, в которой простые человеческие достоинства значились бы первыми в своде наших национальных идеалов...»

На снимке: Олег Тихонов (справа) и герой романа «Свидетель» Тойво Вяхя

Галина СКВОРЦОВА-АКБУЛАТОВА

г. ПЕТРОЗАВОДСК

Валентина ВАНУЙТО

(журнальная версия) Часть вторая. Начало см. в № 1/2012

том. Она была счастлива, когда её окутывал аромат цветущих цветов, и закрывала глаза, ощущая, как приятно греют макушку солнечные лучи. Счастлива, когда гуляла с подругой в городском парке, счастлива, когда просто сидела одна.

В комнате царил полумрак. Лишь настольная лампа давала мягкий свет вечерних сумерек. Блики света играли на стёклах окон. Энжел сидела в кресле. Она теперь словно находилась в другом измерении. Откуда-то издалека до неё стала доноситься песня, которая словно звала куда-то. Эти волшебные звуки! Словно сама природа пела. И тихонько, еле слышно, Энжел стала повторять слова. Песня была знакомой. Не зная слов, она стремилась воспроизвести то, что звучало внутри неё. Она витала в облаках. Она была так прекрасна, что многие молодые люди оглядывались ей вслед. Её окрыляли мечты и иллюзии, которыми она жила. Вдруг за окном послышались чьи-то шаги. Энжел повернулась и увидела в окне его. Гладкое лицо, аккуратно причёсанные волосы. Он выглядел весьма впечатляюще. Его костюм: отлично сидящие тёмные брюки, светлый пиджак, классическая белая рубашка и шёлковый галстук жемчужно-серого оттенка. Его бездонные глаза поражали своей красотой. Его голос звучал как

Энжела смотрела на молодого человека. Он был до боли знакомым, очень близким и родным. Юноша не шёл, а словно плыл, не оставляя следов. Она стояла, глядя, как он купается в лучах лунного света.

Утро. Окно было открыто, и ветер врывался в него, шевеля тюлевые занавески. Энжел стояла около распахнутой форточки, кутаясь в тёплую шаль и задумчиво смотря вдаль. Она сделала глубокий вдох и улыбнулась. Для неё начиналась новая жизнь. Теперь она могла предаваться своим мечтам, жить в своих грёзах. Не нужно будет идти, сжимаясь от страха, что пьяный Алекс ждёт её. Энжел похорошела. Она как будто расцвела. Стала краситься и купила новые вещи. Теперь она почти всегда улыбалась. Лили радовалась, что Энжел освободилась от груза сложных отношений, стала свободной. Даже на работе она стала чаще улыбаться, думая о том, что скоро, не сегодня, так завтра, она встретит любовь, и они будут гулять по городу, взявшись за руки. Соседки по кабинету всё время пытались её подколоть. Они не верили, что Алекс просто так ушёл. Значит, решили они, виновата она, где-то согрешила, и он бросил её. Ей было плевать, о чём они думают, главное, что теперь она была свободна. Теперь она осваивала космос своей мечты, жила на планетах любви, летала наперегонки с ветром, ныряла в океанские глубины и любовалась затонувшими кораблями тщеславия, посещала далёкие страны в своих мечтах. Не скованная ни едиными узами, она была душой, чистой энергией, награждённой индивидуальностью и интеллек-

№ 2 / 2012 59

- Может быть, я сошла с ума, мелькнуло у неё в голове, – и мечты становятся реальностью...
- Я могу зайти? робко спросил молодой человек. Его голос звенел подобно ручью, подобно весенней трели соловья.
- Да, конечно, проходите, скорее механически ответил она.

Луна скрылась за облаком. Молодой человек вошёл в комнату и присел в кресло.

- Откуда он? подумала она, ещё не достаточно осознавая происходящее. Кто он? Почему он так выглядит?
- Именно такой, каким ты меня видишь, ответил он на её мысленный вопрос.
- Но кто ты и откуда? спросила она уже громко, чтобы очнуться от этого прекрасного сна. Энжел смотрела с интересом на него, разглядывая его красивые черты.
 - Ты разве не узнаёшь меня?

Конечно, она узнала его, с первой секунды после того, как увидела. Но как это может быть, этого она не понимала. Он приходил лишь во

- Возможно, я сплю, или усталость на меня так подействовала, что я не заметила, как заснула? вновь спросила она молодого человека.
- Да нет! Ты не спишь! Я просто не могу тебе объяснить, как это получается. Потому что всё равно не поймёшь.

Энжел подошла к нему и протянула руку.

- Ты никуда не уйдёшь? Останешься со мной? как в тумане, не осознавая действительность, она вложила в его ладонь свою. Я долго ждала тебя
- Я пока не могу остаться. Потерпи немного ещё, – сказал он, и посмотрел на неё нежно и печально.
 Я прошу тебя, сохрани, пожалуйста, свою любовь, и мы встретимся.
 - Когда? спросила она.

На ней было надето только лёгкое белое платье, сквозь которое слегка просматривались контуры гибкого стана. Она была окутана светом луны. Светлые волосы мягко ниспадали с плеч.

– Я не знаю. Но постараюсь прийти как можно скорее, – ответил он, – пошли со мной, я тебе что-то покажу.

Они вышли из дома. Она шла рядом с ним. И она понимала, что ещё полчаса назад не смела об этом и мечтать. О том, что её ждёт дальше, она не думала. Ей было достаточно того, что он с ней, что её сон — это реальность. Дороги не было, но молодой человек вёл её уверенно. Внезапно они остановились и перед ними, из лунного света возникла лестница, ведущая в небо, и конца ей не было видно, она утопала во внезапно очистившемся от облаков звёздном небе.

– Иди за мной, – коротко позвал он, и Энжел сделала шаг. Они поднимались всё выше и выше над землёй. Это было похоже на восхождение к звёздам. Вдали показалось лёгкое свечение. Поначалу она думала, что это ей только ка-

жется, но свет становился всё ярче и ярче и постепенно окутывал их. Энжел слышала пение птиц и звуки какой-то музыки, которая вселяла в душу умиротворение и тихое, безмятежное счастье. Они оказались в огромном саду. В густой листве скрывались птицы, пение которых более походило на какую-то божественную мелодию. Молодой человек подвёл её к небольшому пруду. Вода в нём была удивительно прозрачна и отливала голубизной. На дне были видны камешки и водная растительность, в зелени которой резвились золотые рыбки.

- Это наше с тобой любимое место, где мы когда-то встречались и жили, улыбнулся он и обнял Энжел.
- Как тебя звать? спросила она молодого человека, рассматривая рыбок в пруду.
- Я не могу пока сказать, потому что не знаю, мелодично прозвучал его голос. Я уже говорил, что тебе это имя очень нравится, и, думаю, именно таким оно и будет. Надеюсь на это. Он подошёл к ней и, прикоснувшись к её волосам, привлёк к себе. Милая, жди меня, я скоро приду. Главное, верь!
 - А как я тебя узнаю?
 - Сердце подскажет, милая!
 - Скажи, ты будешь помнить эти свидания?
 - Не знаю, милая!

И этот момент явил для неё предел истинного счастья. Она почувствовала такую бережную нежность и любовь, какую не ощущала никогда. На миг забыла обо всём и горячо поцеловала его. Он нежно ответил на её поцелуй, а потом, оторвав её от себя, заглянул в глаза.

– Милая, как я тебя люблю! Хочу слиться с тобой и никогда больше не расставаться.

Её переполнило чувство, сравнимое с теплом солнца, полной безмятежностью и удовольствием. Она почувствовала, что растворяется в чём-то и в ком-то. Когда она открыла глаза, то всё также продолжала сидеть в кресле. Энжел заплакала, что это был всего лишь сон, всего лишь её мечта. Глубоко вздохнув, она оборвала поток воспоминаний и перестала смотреть невидящим взглядом на всё удлиняющиеся тени за окном комнаты. Когда она мечтает, то время останавливает свой бесконечный бег лишь на миг, только для того чтобы она смогла вновь оказаться рядом с ним. Там, в безудержном хитросплетении её воспоминаний, они до сих пор стоят рядом. Он всё так же смотрит в её глаза, а она молит все Силы о том, чтобы это мгновение никогда не заканчивалось. Лили устала говорить ей каждый день о том, что пора выходить из мира иллюзий и продолжать жить дальше. Но она не может и не хочет смириться с тем, что одинока без него, что не может полюбить никого другого, что эта жизнь теряет свой смысл, когда его нет рядом.

Подошёл к концу рабочий день, тянувшийся, быть может, вечность. Энжел уставшим взглядом оглядела свою комнату, потушила верхний свет, оставив ночник, легла на диван. Она намеренно оставила открытыми окна. Почему-то

вдруг не захотелось отгораживаться от мира, а наоборот – вручить себя ему, раствориться в нём без остатка. Из приоткрытой форточки тянуло свежим, прохладным ночным воздухом. Луна осторожно заглядывала внутрь. Звёзды, рассыпавшиеся по тёмно-синему ковру неба, подмигивали с высоты. Глаза закрылись как-то сами собой. И уставшая Энжел не заметила, как погрузилась в сладкий и спасительный сон. Едва уловимый ветерок подул откуда-то издалека. Послышался лёгкий шум волн. Лучи солнца переливались, сверкали в прозрачной воде. Пушистые облака проплывали по небу. Природа окутывала своим спокойствием и размеренностью. Вдруг на плечо легла чья-то рука, она подняла глаза, и её губы расплылись в счастливой улыбке. Она успела увидеть счастливые глаза своего возлюбленного. Сон на этом прервался. Энжел открыла глаза, печально вздохнула.

Встала. Взяв чайник, налила себе в чашку свежей заварки. Сидя за столом, предалась воспоминаниям о прекрасном сне. Лили каждый раз пыталась вырвать её из мира иллюзий. Но это было бесполезно. Энжел никогда не предавала свои мечты. Как-то Энжел взяла гороскоп и показала подруге:

- Смотри, а он говорит правду о моём характере, довольно улыбнулась Энжел. Она держала журнал и цитировала. «Они неизлечимо романтичны и, пока позволяет им возраст, всегда готовы идти вперёд. Они предвкушают завтра и весьма оптимистичны следующий день будет лучше сегодняшнего. Она влюблена в любовь. Романтик». А ты, Лили, всё пытаешься меня опустить на эту грешную землю. Думаю, что лучше оставить меня летать в своём безоблачном мире.
- Оставить там тебя! хмыкнула Лили. Иногда нужно тебя возвращать на землю, чтобы не было каких-нибудь последствий.

Когда она рассказала о сне, который вначале не хотела рассказывать, то Лили улыбнулась и сказала, что ей нужен просто мужчина. Обед начался с овощного супа, заправленного сметаной. Энжел думала, что у неё нет аппетита, но съела всё до последней капли.

- Понравилось? улыбаясь, спросила Лили. А говорила, что кушать не хочешь.
- Даже очень. Энжел со вздохом отложила ложку. – Я забыла, когда в последний раз готовила.
- Вот, вот! Пока витаешь, от голода помрёшь!
 Твои мечты тебя сытой не сделают. Так что летать-то летай, но не забывай и на грешную землю опускаться.

На улице уже темнело, и это создавало некую романтическую атмосферу. Энжел возвращалась с работы, и, несмотря на тяжёлый день, на её душе пели птички. Она чувствовала себя самым счастливым человеком на этой земле, казалось, все проблемы остались позади, а впереди её ждёт светлое и счастливое будущее.

 – Энжел! – окликнул её кто-то. Но, как ни тихо были произнесены эти слова, она услышала их. Любопытство сменилось удивлением, недоверием, ресницы задрожали. Он узнал бы её среди многих, также сверкающих великолепием, которых знал задолго до того, как встретил. Она сразу же понравилась ему, и не только теплотой своих глаз и красотой лица, но и гордой осанкой. Она повернулась на голос и невольно вздрогнула. Перед ней стоял молодой человек. Она сразу же узнала его. Это был тот человек, который давал интервью журналистке. Энжел тогда отметила в нём живые сияющие глаза.

- Мы с вами знакомы? смущённо спросила она на всякий пожарный случай, как она любила говорить. Мы где-то с вами встречались?
- Нет. Меня зовут Лео, представился он. Я вас видел на фестивале. Вот только вы слишком быстро растворились, как облако, и я не успел вам представиться. В его манере было даже что-то забавно трогательное. Вы, как Золушка, которая сбежала с королевского бала.
- А! протянула Энжел, помолчав, сказала. –
 Я вспомнила вас, Лео. она стояла и мяла ручки от сумки, немного нервничая. Вы разговаривали с какой-то женщиной в зале.
- Я давал интервью. Я долго вас искал! У всех спрашивал про вас! – Лео смущённо улыбнулся.

Глядя на неё, он на мгновение затаил дыхание, ошеломлённый чувством любви, которое ворвалось, как ураган. Он был влюблён, как юноша, потеряв покой и сон. Возникшее чувство с кровью впиталось в его сердце, выедая, как коррозия, каждый миллиметр живой ткани. Эти моменты он запомнит на всю жизнь, первое мгновение, когда он понял, что значит любовь. Это было то мгновение, о котором он всегда мечтал, но до встречи с ней по-настоящему не верил, что такое может случиться с ним. Эта встреча с ней изменила его жизнь. Лео не мог думать ни о ком другом, как о той, которая перевернула его жизнь и заставила по-новому взглянуть на мир.

- Меня искал? удивлённо спросила Энжел.– А зачем?
- Чтобы познакомиться. Я когда увидел тебя, то понял, что влюбился, – он улыбнулся. – А ты чем занимаешься? – спросил он с интересом, чтоб скрыть чувства, которые рвались из его души.
 - Я просто работаю, засмеялась Энжел.
- Давай, я тебя провожу, и мы познакомимся поближе, предложил Лео.

Когда они стали разговаривать, он почувствовал, что нашёл родственную душу, ту, с кем он может свободно говорить обо всём. И вот, после долгих поисков и ожиданий встречи, теперь она стояла с ним рядом, протянув к нему руку. Для него она была самой красивой на свете. Любуясь Энжел, он считал, что она прекрасна и совершенна, как каждый мужчина считает свою избранницу самой совершенной на земле. Физическую красоту Энжел можно было сравнить только с нежностью и красотой ее души. Лёгкое напряжение прошло очень быстро. Казалось, его и не было вовсе. Впрочем, гово-

№ 2 / 2012 61

рил в основном Лео. А Энжел внимательно слушала, время от времени скромно улыбаясь в ответ. Лёгкий аромат мужского одеколона. Тихий голос, что он говорит? Она прислушалась. Энжел что-то ответила. Потом подняла лицо, чтобы лучше расслышать очередной вопрос собеседника. Она так и замерла с разомкнутыми губами и распахнутым взглядом, заворожённая блеском его чёрных глаз, едва заметной нежной улыбкой. Лео был доволен производимым впечатлением. Он и сам почувствовал какую-то особую магию происходящего. В ней было что-то особенное, какая-то загадка, недоговорённость. Но вот теперь, видя её затуманившийся взор, приоткрытые губы, Лео хотелось поцеловать. Но сдержался. Он проводил её до подъезда. Расставаться совсем не хотелось, но когда он с шутливым поклоном произнёс:

– Может, на чашку кофе пригласишь?

 Конечно, я буду рада угостить чаем, – улыбнулась она мило.

Постояли немного на крылечке, он словно боялся чего-то. Она пригласила его к себе в гости. Они зашли и остановились возле её квартиры. Энжел стояла напротив него с искрящимися глазами, с русыми выощимися волосами. Она любила классическую одежду, и стиль её был неподвластен веяниям моды. Энжел всегда выбирала этот стиль не для того, чтобы нравиться мужчинам, а чтобы всегда выглядеть сдержанной, спокойной. Но под взглядом этого мужчины она совсем не чувствовала себя спокойной. От неё исходил приятный аромат духов, алые губы вызвали у Лео очень сильное желание её поцеловать, но, переборов себя, он спросил:

– Может, я завтра приду?

Энжел посмотрела на него и, улыбнувшись, сказала:

– Да, не волнуйся. Я живу одна. Понимаю, что неприлично приглашать в гости мужчину. Но это не средние века, и мы не юношеского возраста, чтобы бояться за свою репутацию.

Лео набрался храбрости и взял её за руку. Она ничего не сказала, посмотрела на него, и он лишь сильнее сжал её руку. Они вошли в квартиру

Внутри была чистота и уют. Вспомнив свою квартиру, Лео сморщился от какой-то брезгливости. У них всегда было грязно, повсюду валялись игрушки. Мысленно сравнив эту квартиру со своей, он вспомнил, что на их полу всегда валялись огрызки яблок и раздавленное печенье. Тапочки, которые носили Тани и он, были порванными. Тани ходила в ободранном халате, не накрашенная, неопрятная. Последний раз, уходя из квартиры, когда он сделал шаг, прилип к чему-то сладкому и засохшему. В ванной комнате раковина была заплёванная – со следами зубной пасты и засохшей мыльной пеной. Рядом лежало пахнущее болотом полотенце. Раньше ему приходилось самому прибирать квартиру, но в последнее время он бросил это занятие.

Энжел скинула обувь и быстро прошлёпала босиком на кухню, приглашая его туда же. Она сидела на табуретке, подобрав крепкие ножки с ухоженными пальчиками. Они пили чай с вареньем и разговаривали. Беседа текла легко и непринуждённо. Лео узнал, что недавно Энжел разошлась с мужем. У него сразу же ёкнуло под ложечкой. Тут же подумал, что такой шанс нельзя упускать, наверняка тут же найдутся претенденты на её руку и сердце. Он посмотрел в её глаза, они светились счастьем. Когда смотришь в такие глаза, то всё, что тебя окружает, пропадает. И ты начинаешь тонуть в этих глазах, ныряешь в них, и не хочешь уже смотреть ни на что. От них просто невозможно отвести взгляд. Они притягивают к себе, они обманывают тебя, они околдовывают и завораживают. Она слушала Лео, открыв рот и затаив дыхание, ловила каждое его слово, а ему, конечно же, льстило её внимание.

– Да... – он смутился и произнёс, кажется, слишком стандартно, как пишут в романах. Но он понимал, что эти слова взяты не из романов и фильмов, а от чистого сердца, и не для того, чтобы соблазнить её. – Знаешь, Энжел, у меня такое чувство, будто мы знакомы с тобой всю жизнь. Я не знаю, как это объяснить – мне не хватает слов, но ты самая прекрасная девушка, какую я когда-либо встречал. В тебе есть некая загадка, какой-то ребус, который я отгадать не в состоянии! Я не могу тебя понять, и это меня восхищает!

Она удивлённо молчала. Лео остановился и подумал, что сейчас лучше промолчать. Она взглянула и увидела взгляд Лео. Это был заворожённый и восхищённый взгляд влюблённого человека. Она мило улыбнулась, и Лео расслабился. Любовь. Ты поистине делаешь людей слепыми, лишаешь возможности рассуждать здраво. Он жалел, что женился, не дождался её. Если бы не Тани, то всё бы сложилось иначе. Не было бы поспешной свадьбы, не было бы мучительных объяснений. И, кто знает, возможно, золотое колечко на палец он надел бы любимой. За разговором незаметно пролетела пара часов, они уже многое обсудили и успели немало узнать друг о друге. Они оба чувствовали неловкость от того, что их сильно влекло друг к другу, но они были знакомы всего лишь пару часов.

Лео думал только об Энжел, забыв обо всём остальном. Его пугала степень его неуправляемости. От этого страдала работа. В училище он стал объектом шуток из-за того, что постоянно где-то витал. Раньше он был очень аккуратен и пунктуален. А теперь почти всю свою энергию тратил на то, чтобы изобрести повод, позволяющий сбежать к Энжел, и репетировал то, что хотел ей сказать. Отношения Лео и Энжел были похожи на сказку. Они были знакомы всего две недели, но казалось, что вместе целую вечность. Он безумно любил её, она была только влюблена в него. Чувство было взаимным, и душа его пела. Какими романтичными были их встречи, когда он бежал к ней, зная, что вот-вот

62 МИР СЕВЕРА

её увидит. Каждая их встреча была полна признаниями в любви, и каждая его встреча была полна борьбы с собой. Да, он любил её, но боялся разрушить своё счастье. Она проснулась с потрясающим ощущением радости, спокойствия, удовлетворения, какой-то абсолютной гармонии с собой. Сегодня в душе поселилась весна. Она расцветала как цветок и тянулась к солнцу-любви.

- Энжел! возмутилась Лили. Ты невозможна! Ты влюбляешься в него каждую неделю, и каждый раз говоришь всё о нём! Ты никогда не повзрослеешь! Нет на свете любви, это просто влюблённость, увлечённость. Скоро сама увидишь, что была просто влюблена, и это была просто страсть.
- Но что я могу сделать? спросила счастливая Энжел. Не могу без него! Честное слово! Когда он приходит, я просто таю, как мороженое.
- С тобой всё понятно, дорогая! Но не забывай, что он женат! решила опустить с небес свою подругу Лили.
- Ну и пусть. Мне его брак не мешает. Мы будем вместе, пока мои чувства встанут на место, улыбнулась Энжел. Это же здорово быть влюблённой. Я не хочу выходить замуж. Я боюсь.
- Понимаю тебя! сочувственно сказала Лили. Она глубоко вздохнула, потому что понимала, второй раз обжигаться Энжел не оченьто хотелось.

Потом они стали обсуждать подруг, которые выскочили замуж не по любви. Разобрали по косточкам и замужество Энжел, которая хотела понять себя — что её толкнуло выскочить так быстро. Потом Энжел рассказывала Лили сны о молодом человеке, которые та хорошо уже знала. Так и не найдя объяснения этим снам, они решили не заострять на них внимание. Лили вытащила колье и они стали любоваться его красотой. Колье было без камней и состояло из переплетённых между собой звеньев-колечек, на многих из которых красовались бусинки того же металла. Это была бижутерия, которую подарил Олег в знак примирения.

- Надень, посмотрим, как будет выглядеть со стороны, попросила Лили, тебе должно пойти. Только волосы распустить надо.
- Думаешь? спросила Энжел, уже стягивая с волос резинку.
- Наверное, стоит не совсем распустить, а только спереди собрать, чтобы шею открывали, а остальные свободно оставить. Давай, примеряй. Лили полезла в сумочку за расчёской.
- Смотри, как сидит... она рассматривала себя в большом зеркале, которое висело рядом с дверью.
- Класс! восхитилась Лили. Значит, и на мне будет смотреться.
- Ага. сказала Энжел, крутясь возле зеркала.– Есть у него вкус. Молодец он!
- Бывают же счастливые люди! Лили откинулась на спинку кресла и с наслаждением по-

тянулась, испытывая к Энжел почти родственные чувства, потому что видела, как она наслаждалась свободой и влюблённостью. – Тебя любят, восхищаются. Завидую тебе по-доброму, Энжел!

– Я, правда, счастлива, Лили, – улыбалась она, каждый раз посматривая на часы, чтобы встретиться с возлюбленным.

Они встречались уже больше месяца, и были яркой парой. Он приглашал её на свиданья, дарил цветы, конфеты и милые безделушки, приходил к ней на работу по десять раз на дню. Весь мир вообще был для них особенным. Они шли по улице, держась за руки, и все оглядывались на них, перешёптывались, а им было плевать. Подруги завидовали ей, потому что она выглядела счастливой. Куда бы она ни шла, он был повсюду с ней, как мальчишка. И ему больше ничего не было нужно, главное, чтобы она была рядом. Лео не отпускал её руку. Они заходили на работу, в администрацию, все смотрели на них с какой-то завистью, прекрасно понимая, что с ними происходит. Их имена звучали везде, где они бывали. Некоторые знакомые всё-таки радовались их счастью и желали им любви. Так проходили день за днём.

По окончании рабочего времени Энжел всегда быстро прощалась с подругой и бежала домой, чтобы встретиться с Лео. Лео наклонял голову и слегка касался губами её губ, а вскоре они уже страстно целовались, не в силах оторваться друг от друга. Он с трудом сдерживался, чтобы не перейти от поцелуев к чему-то более серьёзному. Его удерживала лишь мысль о том, что она достойна большего, чем поцелуи, да ещё страх быть отвергнутым. Невероятным усилием он отстранился от таких желанных губ и посмотрел в широко распахнувшиеся, доверчиво глядящие на него глаза. Чтобы себя не мучить, и не получить отказ, Лео попрощался с ней. На следующий день он с работы спешил к любимой, чтобы наслаждаться её обществом. Лео знал, что Энжел ждёт его. Он ехал к ней, с одним только желанием - обнять и поцеловать. Зная, что он забудет рядом с ней обо всех своих проблемах и о жене. Он проявлял необыкновенное терпение и чуткость. И однажды Энжел поняла, что больше не может каждый день встречаться и расставаться с человеком, который живёт только для неё. Лео угадывал любое желание любимой, каждая минута рядом с ним превращалась в праздник. После чая они сидели в комнате и разговаривали. Обнимая её, он понял, что сил не хватит, чтобы удержаться. Он хотел её. Лео сильнее прижался к её губам, чувствуя бурлящую в нём страсть. Ему хотелось прикасаться к ней, снять с неё платье и ощутить ладонями тепло её тела.

Хватит! – сказал он себе, такому искушению он не имеет права поддаться.

Лео замер на расстоянии вздоха от её губ, зная, что никогда ещё ему не было так трудно совладать с собой. Он ждал её ответа, но Энжел вдруг замерла, она не знала, что делать. Ей хо-

телось отдаться ему без остатка, но она боялась, что он не поймёт её, и после близости что-то может измениться. Она не двигалась, окаменела, словно испуганная лань. Лео почувствовал дрожь её губ, напряжение, охватившее её тело, и отстранился. Он мысленно выругался, проклиная своё нетерпение, своё тщеславие, свой эгоизм.

– Энжел, такая яркая, горячая, как лучи солнца! – думал он, всё время представляя её, отдыхая дома на диване. Уставший мозг то и дело выдавал перед глазами её образ. Светлые волосы, такого необычного для него оттенка, такая нежная кожа, так и хочется прикоснуться. Лео встал и прошёлся по комнате, отгоняя непрошеные мысли, правда, это не очень помогало. Он пробовал постоять у открытого окна, чтобы немного остудить разгорячённое лицо, но и этого надолго не хватало, а стоять так продолжительное время он опасался, на улице холодно. Но стоило ему лечь в постель, как образ Энжел начинал искушать его. Никакие девушки в юности, даже его жена не вызывала такого желания, какое он сейчас испытывал к ней. Через некоторое время Лео всё же смог заснуть, но образ любимой не уходил. Она снилась ему в странном наряде и исполняла невероятный по красоте танец. Медленно покачивая бёдрами, изящно прогибаясь в такт музыке. Движения её были грациозными. Одежды на ней становилось всё меньше и меньше, вот уже его взору открылись стройные ноги, изящная линия спины, округлая девичья грудь. Когда проснулся, Лео понял, что он желает её сильно, и хотел, чтобы она была его и раствориться в ней. Что делать? Он не знал. Как подавить это желание? Они сводили его с ума.

Бурно развивающийся роман вихрем подхватил их и с сумасшедшей силой закружил в водовороте чувств и событий. Они гуляли по городу, Лео всё время шутил, а она улыбалась и смеялась, ей с ним было весело и свободно. Но при этом всё равно она оставалась для него загадкой. Когда незаметно подкрадывался вечер, он провожал её до дому и, поцеловав, уходил домой. Когда он шёл домой, ему хотелось петь от того, что не только счастлив, но его любят. Лео не шёл, а летел на крыльях любви, душа пела. Ему хотелось носить её на руках, зажигать на небе звёзды по ночам. Он делал всё, чтобы на её лице всегда была улыбка. Казалось, для него нет не разрешимых проблем, и она на всё смотрела с открытой детской улыбкой. Его это подкупало, она сама не заметила, как рассказала ему всю свою жизнь.

– Если ты ожидаешь услышать историю трагической любви, то я тебя разочарую. – Энжел с дрожью перевела дыхание. – Я была молодой, наивной и глупой. Когда я поняла, что он из себя представляет, было уже поздно, – она сжала губы. Ей не хотелось посвящать Лео в свои прошлые ошибки, но она понимала, что поступает правильно. – Алекс много пил. Я не люблю пьющих. Тогда я думала, что он балуется, как

все молодые люди, чтобы придать себе смелость. Но в тот период, не знала, что он любитель алкоголя, – она посмотрела на Лео. – Я не понимала, что жизнь будет с ним адом. Я не хочу его перед твоими глазами унизить. Показать, что он был сволочью. Мы, женщины, когда расходимся, то стараемся всю вину свалить на мужчин. Где-то мы сами виноваты. Стоит ли винить в этом и Алекса. Всё равно, он что-то мне дал, а я получила. Каждая встреча с людьми всегда даёт что-то для твоего роста. Мне тогда хотелось, чтобы и первая ночь была необыкновенной, романтичной. – Энжел помолчала, а затем взглянула на Лео полными боли глазами. – Твоя первая ночь была особенной?

– Нет. Запоминающейся, пожалуй, но по другой причине. Мне было семнадцать лет, и я был пьян и вообще ничего не соображал. Но мы говорим не обо мне, а о тебе. Что же было потом?

– После... когда я поняла, что его не люблю, было слишком поздно. Он сказал... – Энжел всхлипнула, – он сказал, что теперь я никому не нужна. Никому, представляещь? Никому! Никому не нужно надкушенное яблоко. Это его слова. Я была тогда глупая, – добавила она, – и не знала, что можно было просто расстаться, уйти. И я стала терпеть. Повзрослев, я поняла, что он просто запутивал, чтобы я не бросила его, – она отважилась посмотреть на Лео. В его взгляде блестела сталь. – Ты как будто злишься, – с испутом сказала она.

– Да нет! Просто не понимаю я людей, которые ведут себя не по-джентельменски. Если не любишь, зачем морочить голову девушкам.

– Я знаю, о чём ты думаешь, – торопливо продолжила Энжел. – Ты думаешь, что он морочил мне голову, когда мне было шестнадцать лет? Нет, я в принципе добровольно пошла. Почему я связалась с таким человеком? По правде говоря, я и сама не знаю. Наверное, я была даже... благодарна ему за то, что он обратил на меня внимание. Сейчас это кажется глупым, но мне было шестнадцать лет, и я была совершенно неопытной в жизни. Алекс всё время меня обманывал. Я не понимала этого, когда мы были вместе, но потом, когда я начала понимать...

 Я тебя понимаю, потому что тоже женился не по любви. Мы с тобой жертвы судьбы, которая играет нами.

Так прошёл ещё один месяц. Всё свободное время они проводили вместе. Энжел была счастлива. Она могла бы этого и не говорить, всё говорили её глаза. Лео видел, как её прекрасные глаза светились от счастья. На лице её была лишь лёгкая улыбка, а вот Лео хотелось бегать, прыгать и кричать на весь город, что он любит. Какое-то дикое счастье овладевало им. В этот день им показалось, что жизнь — это череда счастливых моментов. Лео обнял девушку за талию, чуть приподняв её тело, и уткнулся носом в шею. Ему хотелось плакать от такого головокружительного счастья.

– Энжел, я...

– Лео, – она отстранилась от него, на её губах играла счастливая улыбка, и он прижался к ним, поцеловав, – я, наверно, влюблена в тебя сильно, – прошептала она.

Он обвил одной рукой её талию и притянул ближе к себе. Кровь прилила к щекам. Сердце бешено забилось.

– А я тебя сильно люблю... – прошептал он.

Он нежно взял лицо Энжел в свои ладони, невольно и едва уловимыми движениями лаская её щёки. Она отвечала ему со всей своей нежностью, дрожа и чуть изгибаясь навстречу сильному мужскому телу. Она коснулась его лица и проводила ладонями по его боковой части ласковыми поглаживаниями. Энжел оказалась первой, кому он признался в своих чувствах, и первой, кто услышал из его уст божественную фразу «Я тебя люблю». Этот день он запомнит навсегда, ведь он впервые говорил девушке: «Люблю». Волна блаженства подхватила Энжел и понесла в неземные дали. Засыпая, она ждала с нетерпением нового дня, в котором будет её любимый.

- Я простой человек, не принц, не миллионер, как-то он стал говорить, чтобы она понимала, что будущая жизнь, если они начнут вместе жить, будет обычной, как у миллиона российских семей, которому посчастливилось случайно увидеть тебя, и лишь какое-то мгновение любоваться твоей красотой! И теперь моя жизнь не имеет никакого смысла без тебя!...
- Я счастлива, что у меня есть возлюбленный,
 ответила она.
- Неужели любовь существует на самом деле? думал Лео. Та, светлая, про которую пишут в книжках? Что же такое есть в ней, что нет в других женщинах? А ведь если подумать и копнуть далеко в прошлое, то он влюблялся много раз. Но здесь было совсем другое. Любовь! Любовь как наркотик.

Энжел тоже переполняло чувство влюблённости. Совсем новое, не дающее ей покоя ни днём, ни ночью. Она не могла ни ходить, ни дышать, ни есть, ни спать. Она думала, думала о нём одном. Её чувство влюблённости родило страх — страх одиночества и тоски, что вдруг они расстанутся. С каждым днём чувства росли в ней, когда терпеть совсем уже не было сил, она сказала:

- Ты забрал мой покой, Лео! Ты вторгся в мою жизнь, и я хочу, чтобы мы всегда были вместе.
- Мы будем, милая, до самой старости вместе.
 Я только улажу дело с разводом, и вместе сольёмся в одно целое.
 Я тебя так долго искал и нашёл.
 - Я буду ждать, милый.

Дома Лео, как всегда, ждали истерики, но он старался уладить их. Он жил воспоминаниями о любимой. То, что Лео возвращался домой, легче Тани от этого не было. Она плохо засыпала, настроение у неё было подавленное, она часто срывалась на муже, но ничего не могла с собой поделать. Ей ничего не хоте-

лось, даже обновки её не радовали, которые она покупала, чтобы стать желанной для него. Приходя домой, Тани молча проходила в комнату и без сил валилась на кровать. Ей было так жалко себя, и ещё обидно, что она так многого не успела. Тани всегда казалось, что за очередным поворотом её ждёт нечто лучшее, нежели она имеет сейчас. И вот он настал, поворот, и что? Всё стало только хуже! Если раньше у неё были мечты, то теперь с ними придётся распрощаться. А ведь не так много она и хотела! Всего лишь дом, семью и хорошую работу. Да, зато для того, чтоб проявить себя и стать самым лучшим работником, теперь у неё останется куча времени! Только на кой чёрт ей всё это, если счастья в личной жизни ей не видать, потому как этой самой личной жизни у неё никогда и не было! Тани ругалась, стараясь побольней задеть мужа, и при этом выбрасывала в коридор его вещи. Господи, сколько же ошибок она совершила! Она понимала, что всё кончено, что-то немногое, что было между ними, рухнуло, раздавленное гнётом мести, обиды и ревности, гнётом чувства гораздо больше того, что существовало между ними.

– Можешь убираться к ней. Развода я тебе не дам. Мне надоело, что за моей спиной говорят о нас, – дальше шли просто оскорбления, которые не смогли бы выдержать даже черствые мужчины.

Оглушительная пощёчина прервала истерику, и Тани, захлебнувшись слезами, умолкла. Лео тупо смотрел на то место, где она стояла. Опять ему испортили настроение и, похоже, на весь день. Конечно, он мог на жене отыграться и тем немного успокоить свои нервы. Но зачем срывать злость на ней, из-за этих скандалов страдают дети. Сдерживая себя, он пытался вспоминать лицо любимой, чтобы как-то прийти в себя, успокоиться. Кулаки Лео сжались, глаза засверкали, что было хорошо видно даже при тусклом свете торшера. Тани в очередной раз прокляла свой несдержанный язык, но отступать было не куда. Затравленно бросила взгляд на мужа, но тот уже расслабился и спокойно ответил.

– Хорошо, я уйду. Что ты хочешь этим добиться?

Она просидела всю ночь, непрерывно поглощая алкоголь. Тани была маленькой и толстой, в старом халате, без макияжа, она выглядела старше своих лет. Он заставил себя отвернуться, прогоняя щемящее чувство, столь похожее на стыд и раскаяние. Чего ему стыдится? В чём каяться? Может быть, и не был он хорошим отцом, может быть, недостаточно заботился, может быть, зря обвинял? Разве всё так? Разве не пытался он до последнего сохранить брак с нелюбимой женщиной ради своей дочери? Разве не ради её, девочки, он терпит истерики, ложь. Ложь — этого мало, и всегда было мало. Можно ли было сделать больше. Ещё не поздно? Лео решил немного повременить, обдумать, как

сделать так, чтобы никто не пострадал. Чтобы не травмировать детей и не слышать скандалы, он решил поехать к своей любимой.

Однажды Эли почувствовала, что может что-то случиться. Тани сидела с Лео на кухне, дверь была прикрыта. Он молчал. Тани говорила срывающимся голосом - она пыталась остановить его. Эли поняла вдруг, что отец уйдёт к другой женщине и никогда не любил её мать. Это было так горько, так ужасно, что надо было немедленно сделать что-то, чтобы заглушить эту боль в своём маленьком сердце. Она возненавидела женщину, которая уводила её отца. Девочка тихо прикрыла дверь в свою комнату. В комнату вошла Тани и села рядом с дочерью. Эли увидела печальные глаза матери, скорбно поджатые тонкие губы. Постоянная складочка между бровей, тяжёлый вздох:

- Боже, как это всё ужасно, тяжело и невыносимо!
- Мама, мамочка! Что-то случилось? прижалась к матери девочка, заглядывая в глаза.
- А? Что? она не смотрела на неё. Нет-нет, ничего не случилось... она прижала к себе дочь, гладя её по голове. Просто всё плохо... Как жить? стала разговаривать она с собой, словно ища у дочери поддержки. Разве так можно жить? Нет, ты скажи мне, что же у нас за жизнь такая? Эли не вполне понимала, о чём, о каких бедах идёт речь, но материнское страдание ужасно больно отдавалась где-то в её груди и в животе.

Оказывается, физическая боль не может заглушить душевные страдания. Обнимая дочь в минуты своей болезненной откровенности, она стала говорить ей о ужасно мучительной боли своей. Эли не понимала, что говорит мать, но чувствовала, как больно ей. Девочка прижалась к матери, словно хотела помочь ей снять тяжёлый груз. Сейчас Тани высказывала то, в чём признаваться не позволяла ей весьма болезненная гордыня и неуёмное самолюбие, граничащее с манией величия.

- Чего мне стоило терпеть слабость и безволие твоего отца! горестно качала головой Тани. Мне было больно, когда ему говорили обо мне жуткие гадости, не только не давал им в морду, но и улыбался, словно раскланивался, руки пожимал им.
- Мама, он трус? печально спросила девочка.
- Нет. Он интеллигент. Губы Тани кривились презрительно, а голос становился очень недобрым. Он, видите ли, именно так понимает настоящее хорошее воспитание и интеллигентность... А более правильно, он не любил и не любит меня. Я сама виновата в этом. Причинила много боли и страданий любимому человеку. Я хотела его порадовать, хотела быть весёлой и счастливой, но не в силах это было уже сделать. Ведь это ему не нужно было, и моей любви тем более. Ни физических, ни моральных сил у меня уже нет.

VI

Любовь – самая сложная загадка этой жизни, никто не знает, есть ли против неё противоядие, есть ли безграничная, вечная любовь, возможна ли жизнь без любви. Любовь - это чувство разума или души? Нет, любовь - это мираж! Она сверкает всеми красками и манит своим ярким светом. Когда к ней приближаешься, она улетает. А запах, который пьянит тебя, заставляет мучиться от сладкой боли.... Она как будто играет с тобой – как миражи в пустыне... кажется, вот-вот желанный оазис, подходишь, а он уже в другом месте. И боишься, что иссякнут силы, так и не дойдя до желанной цели, так и не испив из этого колодца сладкий сок любви.... Мы все любим, и у каждого есть любовь, но не каждый это чувство сможет донести и сохранить её до самой старости, до смертного одра. Это и не всем дано, и не каждый сумеет её удержать. Счастлив человек, который смог её ощутить, понять и, самое главное, не растерять, не расплескать это чувство. Когда любите, мир становится цветным, насыщенным, ярким. Такое чувство, что вот, наконец, вы и видите истинное, всю картину, настоящую и цельную.

А ведь часто мы создаём себе образ, чтоб любить... Нам кажется, что мы нашли свою любовь, а потом разочаровываемся. Встречая какого-то человека, мы чаще ищем в нём свой внутренний идеал и не хотим видеть, что это не наш избранник. Вот этого-то и нужно бояться, так как это было мимолётное увлечение, которое ты принимаешь за любовь. Если любовь ещё не взаимная. Такую любовь можно назвать наркотиком. Вы входите во вкус, радуетесь новой дозе любви, но вдруг... вдруг она заканчивается. Происходит ломка. Жёсткое состояние. Тогда жизнь становится серой, пустой и безрадостной! От этой любви начинают страдать не только взрослые, но и дети. Чтобы действительно любить кого-то, нужно увидеть его изнутри – его природу, дух или душу. Есть то, что не видно глазами. В любви самое главное нужно видеть и чувствовать только сердцем. Когда любишь, то уже не смотришь ни на внешность, ни на возраст – просто любишь. Если человек любит истинно, он не думает, какое произведёт действие его любовь, что он будет иметь. Он любит - и всё! Этот человек счастлив, и он с радостью, с полной отдачей несёт её другому человеку.

В дверь позвонили. Энжел открыла и увидела на пороге Лео. Он крепко прижал к себе свою любимую. Его взгляд упал на её губы и на мгновение задержался там. Он обнял её, коснулся губ, лёгким поцелуем, тело Энжел ослабело, и она обняла его плечи. Сердце её колотилось всё быстрее. В голове творилось что-то невероятное, в висках стучало, щёки жгло, дыхание стало чаще, а губы приоткрылись в ожидании следующего поцелуя. Губы были тёплыми... податливыми... ароматными. Лео целовал её долго и страстно, как давно изголодавшийся мужчи-

на. Его губы и руки словно высекали искры, они разбегались по всему её телу. И тогда он понял, что ему этого слишком мало, ему нужна она вся. Он прервал поцелуй и посмотрел в сияющие её глаза.

Лучше давай прогуляемся по улице. Я приглашаю на очередное свидание.

Они гуляли целый вечер. Зашли в кино, потом Лео отвёл её в кафе. Весь прошедший вечер он боялся спутнуть неясную близость, возникшую между ними, и беседа, в общем-то, ни о чём, казалось, течёт сама по себе, а там, на втором плане, за словами, идёт совсем другой разговор. Он вспомнил момент, когда увидел впервые Энжел, и ту нежную дрожь, которая мурашками прокатилась по спине, застыв приятной иголочкой в груди. Иголочка эта и сейчас покалывала, вызывая фантастическое ощущение восторга и нежности. Только ночью они пришли домой.

- Я люблю тебя, прошептал он, и голос становился мягким и нежным, когда произносил эти слова. Медленно, осторожно он нагнулся и коснулся её губами, не веря, что она в его объятьях. Их поцелуй стал глубже, он смывал прошлое. Одной рукой Лео стал гладить её волосы, его пальцы, пробравшись сквозь шелковистые пряди, нежно ласкали её затылок, а другой рукой он всё крепче прижимал её к себе. Он чувствовал её упругую грудь, прижавшуюся к его груди, и его желание превратилось в мучительное напряжение, бешено рвущееся наружу. Губы, теребившие её губы, были нежны. Она дрожала в его руках, и страсть захватила их с новой силой. Она прильнула к нему, будто ища спасения от всех своих бед, и везде, где тела их соприкасались, вспыхивало пламя. Энжел таяла от наслаждения, они стали одним целым, сливаясь в бесконечном огненном поцелуе.
- Лео! прошептала она ему горячо, не стесняясь своих чувств.
- Как я тебя долго искал, ждал! Искал среди тысячи, словно не устами, а сердцем сказал ей он. Энжел! Любовь моя! не в силах вымолвить что-то, не понимая ещё до конца, что они теперь навсегда вместе, и никто уже не сможет их разлучить.
- Я не верю, что ты будешь рядом со мной, сказала, Энжел, закрывая за собой дверь. Если это сон, пожалуйста, не буди, я останусь в нём.
- Выходи за меня замуж! предложил он, заглядывая ей в глаза. Он хотел обладать ею всегда, чтобы она была всегда рядом и никогда не расставаться.
- Не... Не знаю, растерялась Энжел. Ты, ты серьёзно, – то ли спросила, то ли сказала она. – Я подумаю.

Она страшилась замужества, понимая, что этот шаг налагает серьёзные обязательства, куда большие, чем просто совместное проживание и общая постель. На работе она рассказала Лили о том, что Лео предложил выйти за него замуж. Лили посмотрела на свою подругу и улыбнулась.

- Будь осторожна, Энжел! предупредила она, но была счастлива за свою подругу. Он не из тех, кто останавливается на полпути. Если ты подаришь ему своё сердце, тебе придётся отдать себя целиком. Без остатка.
- Подарю своё сердце? Нет уж. Оно мне самой нужно. Моё сердечко надёжно припрятано. А ключ я выкинула. Нет, я не выкинула, тот, кому будет принадлежать моё сердце, должен иметь ключ, чтобы открыть его.

Лили подмигнула ей поверх чашки.

– Может, так оно и было раньше. Но давно ли ты смотрела в зеркало? Замечала, как ты вся светишься? А этот блеск в глазах? Я даже могу сказать, когда всё это началось. А ключик он, наверно, уже нашёл, чтобы открыть. Эх, ты, Энжел, Энжел! Ты, наверно, неисправима. Мужчины всегда находят отмычки, и не нужны им ключи. Как только откроют, тут же разбивают на несколько частей. Они настолько неуклюжи, безалаберны, что не замечают, как разбивают хрупкое чувство вдребезги.

Обида, негодование, ревность Тани сплавились в одно чувство – ненависть к разлучнице Энжел. Остались только слёзы, и она плакала и не видела, как день сменился ночью, а ночь днём. Потом и слёз не стало. Осталась только пустота и боль. Ей показалось, что она в тот момент умерла. Вернее, умерла её душа, а она осталась жить, корчась от боли, в мире, где смерть уже не казалась таким страшным злом, но избавлением. Как хотелось наплевать на всё и уйти. Но она понимала, что дети останутся без матери. Кому они нужны, кроме её самой. Разве все они заслуживали этого из-за их проблем? Он сказал, что любит Энжел. Ей хотелось кричать и плакать, но слёз не было, боль высушила их, а на крик не было уже сил. Да, она видела его счастливые глаза. Разлучнице повезло, что она узнала, что такое любовь. Как хотела первые годы их жизни видеть в его глазах любовь к ней. А видела только равнодушие. Он просто исполнял свой супружеский долг. Она не знала, что любовь в жизни и взаимоотношениях не должна быть борьбой. Тани боролась. Если хочешь любви, то нужно создать все условия и работать над собой. Чтобы тебя полюбили, нужно сначала уважать его пространство, верить и уважать себя. Она поняла, что насильно любимого человека не заставишь любить, даже под пыткой. А ведь тогда, она думала, что сумеет завоевать его пусть не любовь, хотя бы уважение.

- Ты слишком быстро сдаёшься. Знаешь, за семейное счастье надо бороться, промелькнуло в голове Тани. Она решила попытаться вернуть его. Сердце Лео принадлежит ей! Она его не потеряет... Пусть Энжел готовится к войне.
- Лео, я влюблена в тебя, как шестнадцатилетняя! сказала Энжел, подходя к нему. Правда. Может, я люблю тебя, а может, мне просто кажется. Честно, я не знаю. Пока не хочу задумываться над этим. Мне с тобой очень хорошо, а это много значит для меня лично.

Лео прикрыл глаза, на его лице отразилась смесь самых сильных чувств. Он схватил девушку и привлёк к себе.

- А я люблю тебя, Энжел очень сильно. Но я уже начал думать, что никогда не услышу от тебя таких слов.
- Ты никогда не говорил мне, что хочешь услышать эти слова, пробормотала она, наслаждаясь приятным чувством, возникшим в груди. Такими словами вообще-то не бросаются
- Нет. Я не мог. Мне нужно было убедиться, действительно ли я что-то значу для тебя. Я боялся, что до конца своих дней так и не узнаю, а вдруг ты выбрала меня просто потому, что со мной ты чувствуешь себя в безопасности. Или ты действительно любишь меня так же сильно, как и я тебя.
- О, Лео. Прости, что мне понадобилось так много времени, чтобы понять это. Мне так хорошо с тобой. Я просто наслаждаюсь этим и не задумываюсь... ну, о том, чего это мне стоит, – она плотнее прижалась к его груди и коснулась губами шеи, целуя и покусывая его. – Ты прощаешь меня? И ты дашь ещё мне время, чтобы понять это чувство?
- А как же, Лео проглотил комок в горле и рассмеялся. Я буду терпелив, чтобы ты окончательно поверила в свои чувства. Он склонился к Энжел и куснул её за мочку уха. Хочешь знать, о чём я думал всю ночь?
- Конечно, хочу! улыбнулась она и прижалась к нему.
- О тебе, милая! он поцеловал её. Чтобы ты отдалась мне полностью, вся без остатка. Я хочу тобой обладать, раствориться. И чтобы мы вместе парили в лучах любви, и чтобы ничто не омрачала нашего полёта. Пусть этот полёт длится вечно, до самого окончания нашего пребывания на земле. Ты согласна?

Каждому выпадает шанс любить, по-настоящему любить, отдавая себя без остатка и получая взамен любовь. Влюблённые обретают крылья. Это чудесное состояние — иметь крылья любви. Вместе с любимым паришь над обыденностью и суетой. Везде и во всём видишь только прекрасное. Душа открыта для радости. Они дарят минуты счастья всем, кто рядом с ними. И влюблённым хочется, чтобы как можно больше людей смогли обрести это чувство. Пусть и у всех будут крылья счастья и любви.

– Да, я даже не знаю, что говорить в этом случае, – засмущалась она, но встрепенувшись, сказала. – Я счастлива! Ты подарил мне такие огромные и лёгкие крылья любви, что вряд ли я откажусь от полёта. Я теперь могу летать! И это сделал ты, мой любимый, мой родной. Я согласна раствориться с тобой в любви.

Сердце Энжел трепетало в груди, как пойманная птица. Она тянулась навстречу ласкам, подставляя губы и шею, и не могла насытиться. Желание нарастало, оно было жарким и дурманящим. Они тонули друг в друге, два неистово бьющихся сердца, два охваченных пожаром

тела. Конец страхам, конец сомнениям, ничто больше не сможет разделить их. Два существа, он и она, стали единым, и эта связь была так ощутима, так крепка, что ничто не смогло бы её разорвать. Он не торопил её к близости, ему было хорошо, но хотелось очень обладать её телом. Лео совершенно потерял голову. Обхватив её за талию, он поднял её и закружил, восклицая от радости. Затем он опустил Энжел, когда у неё уже начала кружиться голова, привлёк к себе и поцеловал в губы. Одной рукой он обнимал её за шею, в то время как другая ладонь Лео скользнула под платье и прижалась к животу девушки. Энжел не смогла удержаться от стона, когда его язык скользнул по её небу, а рука блуждала по животу.

– Мне кажется, что я никогда не испытывал таких чувств. В целом мире я никого так не люблю, как тебя. Мне кажется, что я задохнусь, если не смогу говорить тебе это каждые пять минут, и сойду с ума, если не смогу заниматься с тобой любовью каждую ночь.

Энжел почувствовала, что просто тает от его слов. Она не испытывала особого влечения к Алексу. Но Лео! Она пыталась остановить себя, на время забыть немедленный отклик своего тела. Но всё же какой-то частью своей натуры, женской частью, она обрела новое знание, новое понимание. Она испытывала волну острого возбуждения, заставлявшую её трепетать. Рядом с ним она жила полной жизнью. Чувствовала себя женщиной с настоящими, естественными желаниями. Эти безумные мысли могли завести в беду, но Энжел было всё равно. Она хотела играть с огнём. Быть рядом с Лео. Она решила, что эта фантастическая неделя станет её.

- Ты желаешь меня? спросила Энжел и покраснела от смущения.
- Да! Почему бы нет? Мне никаких сокровищ не жалко за то, чтобы попробовать тебя, Энжел, прикоснуться к твоим нежным губкам, которые ты так плотно поджимаешь, и обнаружить там, где-нибудь, мёд, шоколад, Лео снова покачал головой. Не думаю, что есть на свете хоть один мужчина, способный отказаться от такого выбора.
- Ты меня смущаешь, милый! Она обвила руками его шею. Его поцелуй был крепким и страстным, чувственным и требовательным.
- Иди ко мне, милая, прошептал Лео, когда она оторвалась от него, чтобы глотнуть воздуха.

Она потянулась к нему и поцеловала в губы. Энжел прижималась к нему, и таяла в его объятиях. Казалось, её тело растворяется, сливается с телом Лео, становится его частью. И всё же она хотела большего. Это желание было резким до боли. Руки Лео двигались по её телу, лаская её нежно, как журчащая вода. Прикосновения его отражали его восхищение, его возрастающее желание. Желание, которое она разделяла с ним

– Энжел, я люблю тебя и буду любить вечно! – Он целовал её, и рука стала медленно расстёгивать на ней платье.

 Что я делаю? – подумала Энжел, но уже не в силах была оторваться от него. – Я подарю ему эту ночь любви, чтобы он помнил её всю свою жизнь. Я подарю её возлюбленному.

Она встала с дивана и сняла с себя платье. Энжел глотнула немного воздуха, прижимаясь к Лео, почти растворяясь в нём. Они целовались как безумные, срывая с себя одежды, которые ещё разделяли их, а потом упали на диван, сжимая друг друга в объятиях. Их захлестнул поток неистовых эмоций. Для Энжел это было самое пронзительное и острое чувство, которое она когда-либо испытывала, о котором только могла мечтать. Они растворились в этом чувстве без остатка. Их было не узнать. Они были счастливы. Она лежала в его объятиях, и ей больше ничего на этом свете не нужно было.

Только бы это всё не закончилось так быстро, только бы мы были вечно счастливы!
 Это была их первая ночь. Длинная, сладкая.

Днём в квартиру Энжел позвонила его жена Тани. Когда раздался звонок, она побежала открывать дверь, перепрыгивая через кота, который вылез из-под кресла, посмотреть, кто пришёл. Энжел открыла дверь, в квартиру влетела маленькая, нервная женщина. Она кричала, оскорбляла её, проклинала, грозилась отомстить, если не оставит в покое её мужа. Энжел стояла и спокойно смотрела на эту разъярённую женщину. Она понимала её, и ей было жалко. Но разве можно удержать мужа, если ты не умеешь сдерживать себя. Она поняла, что эти скандалы и поставили точку между их отношениями.

- Ты, стерва, увела у меня мужа. Я всё сделаю, чтобы вы никогда не были вместе, шипела Тани. Брызги слюны разлетались в разные стороны. Некоторые попадали на руку Энжел, которая, взяв полотенце, вытирала. Она не верила собственным ушам, что говорила Тани, которая, собрав все сплетни приписывала свои недостатки ей.
- Я не стерва, запомни! Это ты падаль, а я падальо не питаюсь. Ты хоть знаешь, что означает слово стерва? Нет! Так запомни, что стерва это падаль, это сдохшая корова. И я не стервятник, чтобы питаться отбросами. А ты как раз разложившаяся падаль, которая оставляет после себя слизь сгнившей души.

Когда же смысл фразы дошёл, наконец, до её сознания, она кинулась на неё с кулаками. Но Энжел не растерялась. И Тани отлетела к стене.

- Ты глупее, чем я думала, сказала Энжел, отойдя к окну. Веди себя спокойно, а то я вызову милицию и за оскорбления тебе придётся мне компенсировать в большом размере.
 - Посмотрим, проговорила Тани.
- Когда выплатишь за моральный ущерб, тогда, я думаю, будет слишком поздно извиняться,
 холодно сказала Энжел.

Тани откровенно расплакалась от боли и унижения. Энжел довольно кивнула и села в кресло, скрестив на груди руки.

- Стерва! закричала Тани, быстро отирая ладонями слёзы. Ты не имеешь права отнимать у меня мужа. Он мой, принадлежит мне.
- Он не вещь кому-то принадлежать. В этом твоя ошибка. И ещё раз говорю, что это ты стерва. Посмотри на себя, ты так провонялась, что вонь идёт от тебя за тысячу километров. Я никогда не была падалью и не буду. А ты как раз проявляешь эти симптомы гниения. Да, и очень похожа на околевшую корову. у Тани появилось ощущение, будто она получила сильный удар.

 Я замуж вышла по любви. Мы любили друг друга, – крикнула она.

Энжел тряхнула головой. Она была уверена, что бесполезно говорить с отчаявшейся женщиной, которая всеми силами старается вернуть счастье домой.

- Когда-нибудь влюблённость тает, если не сумела сохранить свою любовь. Мне Лео всё рассказал, как ты вышла за него замуж. Ведь женщины делятся на две категории: женщины, которых выбирают мужчины, и те немногие, которые выбирают мужчин сами. Ты относишься ко второй.
- Ты хочешь сказать, что ты такая умная, что ли? продолжала она говорить, но уже тише. Энжел наклонила голову. Она внимательно рассматривала возбуждённую Тани. Волосы той были короткими и торчали во все стороны, лицо было красным и злым, щёки дёргались, как у хомячка, Ты тоже когда-нибудь почувствуешь то, что и я.

По телевизору звучала песня о несчастной любви. Энжел подошла и отключила.

– Мне надоело слушать твои оскорбления. Ты будешь ждать Лео или уйдёшь? – спросила она уставшую и опустошённую женщину.

Двери открылись, и в квартиру вошёл Лео. Он не увидел Тани. Протягивая букет Энжел, он сказал:

– Ты сейчас особенно красива.

Энжел улыбалась, уткнувшись в цветы, вдыхая аромат. Она словно нарочно демонстрировала ей своё счастье. Лицо Тани перекосила такая обида, боль и злоба, которую описать невозможно. Она стала кричать:

– Ах, вот как! Может, ты всё-таки домой пойдёшь? Значит, тебе эта дороже, чем твои дети. Ты, ты... скотина эдакая!

Женщина снова принялась за выяснение отношений. Вернее, ссора происходила уже между Тани и Лео. Оскорбления сыпались градом, несмотря на тщетные попытки Лео урезонить жену. В какой-то момент ему, наконец, удалось уговорить Тани прекратить словесную перепалку. Не обращая более внимания на выкрики жены, пытавшейся отстоять свои права, Лео стал раздеваться. Но разъярённая таким поворотом ещё больше, Тани бросилась на него. Вся эта сцена была невыносима, Энжел хотелось зажать уши, не оглядываясь, бежать прочь, тем более она чувствовала, что Тани говорит многое специально для неё. Гордыня ли то была

или обострённая мнительность, только отделаться от домыслов Энжел так и не смогла, как и не смогла, да собственно, и не пыталась понять, для чего она это делает. Какая разница. Боль рождает боль. Они вдвоём стояли и смотрели на Тани, и молчали. Слова были лишними. Тани всё поняла сразу. Но не могла двинуться с места, не было сил захлопнуть перед ними дверь. И слова прозвучали в обжигающей слух тишине.

Хорошо, живи с ней. Я всё равно тебе отомщу. Придёт время, ты пожалеешь, что поступил так со мной.

Единственное, что в этом случае беспокоило, что это решение может оказаться совсем не таким, какое бы Тани хотела видеть. Перспективы одна хуже другой бродили кругами в голове, делая её более несчастной. Действовать плохо, не действовать ещё хуже, а сидеть сложа руки так вообще смерти подобно. Да ещё этот подленький вопрос в её сознании – а зачем оно ей вообще надо? Сердце сжалось в её груди. Закрыв рот ладонями, женщина хотела остановить поток рыданий. Они, клокоча, вырвались. Тани вышла и тихонько закрыла дверь.

Уютная комната освещалась только светильником. В углу работал телевизор, новости закончились, и по второму каналу показывали любовную драму. В кресле, развёрнутом к экрану, сидела Энжел. Она смотрела фильм, рядом примостился Лео. Он говорил нежные слова. Они тут же забыли о Тани, которая пыталась испортить вечер. Им было очень хорошо вдвоём.

– Обещаю, со мной ты не соскучишься, Лео, – эти слова она произнесла самым соблазнительным голосом, на который была способна, и её сердце забилось быстрее, и дыхание перехватило.

Лео склонился к ней и околдовал своими тёмными глазами. Прикосновение его пальцев связало их вместе, их взгляды встретились, и на несколько секунд весь окружающий мир исчез, остались только Лео и Энжел, соединённые борьбой двух характеров и непреодолимым влечением. Он бережно подхватил Энжел на руки и понёс на диван, не разрывая поцелуя. Он положил руку на её колено и стал медленно поглаживать, поднимаясь выше. Платье мешало, не давая полной свободы действий. Он обнял её одной рукой за талию и мягко заставил сесть. Когда она оказалась в вертикальном положении, он взялся за подол, медленно снимая платье с неё. Мгновение - и оно полетело на пол. Они ещё некоторое время целовались, потом он ненадолго отстранился, чтобы избавиться от мешавшей одежды, и снова вернулся к ней. Из груди её вырвался тихий стон.

– Энжел, ты так прекрасна! У тебя такая бархатная кожа, как у ребёнка. А запах! Ты пахнешь молоком! Ты пахнешь детством, – он ласкал её, целовал. – Ты так чиста и невинна. – Он помнил, как пахнет ребёнок, когда он прижимался к своей дочке, которая любила дёргать его за нос.

Мысль о том, что Энжел полностью принадлежит ему, заставила его кровь быстрее бежать по венам. Лео застонал от волн удовольствия, накатывающих одна за другой. Поцеловав любимую, он перевернулся, тяжело дыша. Приподнявшись на локте, стал смотреть нежно на неё. Она улыбнулась ему в ответ и провела кончиками пальцев по его щеке.

 – Милая, ты так восхитительна! Я никогда не чувствовал такого блаженства.

Простыни приятно холодили разгорячённую кожу. Она смотрела в потолок, прислушиваясь к своим ощущениям. Энжел не могла описать их. Ей сложно было найти правильные слова. Да и слова эти были сейчас явно лишними.

- Спасибо тебе.
- А мне за что?
- За то, что ты есть! За то, что мне с тобой хорошо.
 Энжел положила голову ему на грудь.
- Ты удивительная! Любимая! Лео поднял её лицо за подбородок и поцеловал.

Он удивился, что его слова шли легко, непринуждённо, ведь он был скуп на комплименты. Лео не мог вспомнить ни одну женщину, которой говорил такие нежные слова, слова восхищения. Только с ней он почувствовал себя настоящим мужчиной, который восхищался, любил, отдавался и растворялся в любимой. Энжел прижалась к Лео, словно искала у него защиты от окружающего мира. Он поцеловал её в губы. Она лежала и думала об их любви. Он сделал её женщиной, и дело было вовсе не в сексе. Он заставил её почувствовать себя женщиной. Любимой и желанной. Он подарил ей столько нежности и ласки, что казалось, их хватит ей на всю жизнь. А он понял, что такое любовь. Понял, что значит любить, не задумываясь о последствиях. Забыть обо всём и обо всех и просто любить. Энжел проснулась ещё до рассвета. Ночь пролетела слишком быстро. Лео обнял её и прошептал ей на ухо нежным голосом.

 Я тебя никогда не брошу, и наша любовь будет бесконечной. Я буду любить тебя всегда.

Тани, как и любая обиженная женщина, устроила Лео скандал. Сейчас она думала, что лучше бы этого не делала, потому что, наоборот, настроила его против себя. Но что делать в таких случаях? Она не знала, но сердцем поняла, что потеряла его навсегда. И сейчас, когда сидела и вспоминала, как она пыталась женить на себе Лео. Любила ли она его? Возможно. Чтобы выйти замуж, многие женщины решаются скомпрометировать молодого человека тем, что ложатся под него и рассказывают подробности их любви. И тогда на него начинают наседать родственники девушки, которые заставляют расписаться. Как правило, из таких браков не выходит ничего хорошего, даже если отец и привязывается к сыну или дочери, - если только, конечно, умная женщина не догадается внушить мужу, что это именно он хотел ребёнка. Всё равно в минуты раздражения или недовольства мужчина всегда вспомнит, что его вынудили жениться, и у него будет меньше угрызение совести, если он решит когда-нибудь уйти, – его ведь в самом начале поставили перед фактом, почти обманули!

– Я в сотый раз повторяю тебе, – говорила Тани раздражённо, – вернись в семью. Забудь её. У тебя дочь растёт, – и она стала поливать грязью Энжел, находя разные для неё эпитеты. Ему хотелось ударить, растоптать её, но он сдер-

живал свои эмоции. Не хотел поднимать руку на женщину, тем более

мать его ребёнка.

– Тани, – Лео тяжело вздохнул, - ну при чём здесь она? Меня не волнуют твои грязные слова и сплетни. Я всё равно хотел с тобой давно расстаться. У нас давно уже семья распалась. Ты не сможешь меня остановить. Я подам на развод. Не нужно пытаться меня воспитывать, как щенка! Я не мальчишка, я перерос ежедневное вычитывание родителей.

– Зато волнуют меня сплетни! – она чеканила каждое слово. – Я не потерплю, чтобы все смеялись надо мной! Ты уже не мальчик, чтобы таскаться за каждой юбкой. Погулял и хватит, возвращайся домой.

– Ты же знаешь, что я не могу больше с тобой жить. – Лео тоже начал сердиться. – И возвращаться в семью не буду. И больше не хочу слышать твоих грубых слов в её адрес. А то не выдержу, смогу ударить.

- Меня?!
- Ла!
- Тебе прекрасно известно, что я могу вызвать милицию, прошипела она, останавливая его, и я сделаю всё возможное, чтобы твоя... чтобы эта женщина почувствовала то, что чувствую я.
 - Делай что хочешь!

Соседи, учуяв новую порцию скандалов, мигом прилипли к окнам и балконам, делая вид, что чинно читают газету, курят или развешивают бельё. Но вместо этого все краем глаза наблюдали, как летает мебель в квартире, втайне наслаждаясь сладостными звуками ругательств. Волны гнева так и выкатывались через форточку. Лео даже трудно стало дышать. Он собрался уйти и не слушать больше, тем более он хотел успокоиться и пойти к своей любимой, когда услышал:

– Я думала, – произнесла она обескураженно, – что твоя дочь нужней, чем эта... и ты вернёшься в семью, – она назвала Энжел самым плохим словом. – А теперь выходит, эта... важнее для тебя и роднее дочери?!

Он стоял в оцепенении, не видя ничего вокруг, долгие несколько секунд. Лео резко встал с дивана и со всей мужской силой опрокинул небольшой стол. Всё, что было на столе.

то разбилось вдребезги. Раздался звук пощёчины. Тани застыла на месте от страха. И он стал чётко выговаривать всё, что накипело у него за столько лет.

мгновенно оказалось на полу, а что-

- Я никогда не упрекал тебя в том, что ты насильно женила на себе. Я всё терпел, и измены, и бросание ребёнка, и твои поездки неизвестно куда. Но я тоже человек и имею право быть рядом с любимой женщиной. Я люблю её, и ты не остановишь меня никогда. Ты слышишь?

Он резко потянул её к себе и, взяв за руки, стал трясти со всей силой, а потом грубо потащил к двери. Рыдая, Таня старалась вырвать свою руку из его руки, но всё было тщетно. Её сердце наполнилось страхом и

болью. Больше всего она боялась потерять Лео. И вместо того, чтобы просить прощения, она стала злобно выкрикивать:

- Она, она... отняла тебя у меня. У тебя есть дочь. Ты слышишь! О дочери подумай! Я этого не переживу! она перебегала с одной угрозы к другой, от просьбы к унижениям, чтобы чтото говорить, только не молчать. Забудь про неё, слышишь? Я ей всё скажу, что ты из себя представляешь. Она сволочь, она... дальше пошли матерные слова.
- Убирайся! вскричал он не своим голосом, отчего ребёнок расплакался. Убирайся с моих глаз и никогда не смей говорить подобное о ней! Она мне не чужая, это ты мне никто. Это ты мне чужой человек. Это ты, ты женила меня на себе. Я никогда, слышишь, никогда тебя не любил. И ты это прекрасно знаешь. Я хотел помирному разойтись, и чтобы мы остались друзьями. Но ты вынудила меня. Понимаешь ли ты? Думал, что расстанемся друзьями. Больше ты меня в этом доме не увидишь.

Тани пристально глянула в глаза Лео, стараясь увидеть в них хоть немного сострадания,

но, кроме ненависти, которой был заполнен его взор, ничего не смогла разглядеть.

- Я сделаю всё, что ты захочешь. Исполню любое твоё приказание, стану твоею второй женой, только не уходи. Ради бога! Прошу, взмолилась она, обхватив его ноги.
- Ты разрушила всю мою жизнь. Как я такое могу забыть?! – злобно сказал Лео.

Он больше не слушал. Быстро собрал рассыпанный букет и опрометью кинулся вон из комнаты. Лео долго сидел, анализируя свой разговор. Вспомнил, как женился. Лео приехал по приглашению организации, где ему предоставили квартирку. Знакомые тут же познакомили с девушкой. К ней он не испытывал никаких чувств. Пока он адаптировался в городе, девушка уже всем сказала, что они любят друг друга. Знакомые стали его спрашивать, когда он заключит с ней брак. Сначала он думал, что это шутка. Но, потом решил, что не помещает в его доме хозяйка. Уйти он всегда успеет. Свадьба была скромной. Что толку от этого брака? Любви к ней не было. На работе часто задерживался, не имея никакого желания идти домой к нелюбимой женщине. Лео, пока вспоминал, потихоньку собрал свои вещички и ушёл к Энжел. У него ничего не было, чтобы можно было за него хвататься. Да и не к чему брать то, что связано с этим домом. В новой жизни он купит всё, что ему нужно.

Тани, обхватив себя за плечи, сидела одна в комнате. Сумерки уже подступили, но света женщина не зажигала. Дети бегали вокруг неё, что-то рассказывали и, увидев, что мать не обращает внимания на них, убегали играть в детскую. Никто не любит чувствовать себя виноватым. И когда это превращается в систему, человек начинает сопротивляться. И самое страшное – это некогда человек, которого уважаешь, уходит под звуки твоего разбитого сердца, а ты стоишь на коленях и не можешь ничего сделать, чтобы его остановить. Но только одно она поняла, когда он покинул её. Боль. Нет, не физическая, а боль, от которой нет лекарства, боль в душе, раздирающая тебя на тысячи частей, заглушающая все эмоции, все чувства, не позволяющая жить, эта боль жила в ней, как червь. Эта боль убивала, грызла её изнутри. Она сейчас не чувствовала ни ненависти, ни любви, только боль.

Она сидела и вспоминала первые годы её знакомства с Лео. Тани часто бывала в гостях у Таи. Как-то она сказала, что хочет её познакомить с одним молодым человеком. Тани обрадовалась. В назначенное время она была уже у Таи дома. Лео с мужем Таи сидели на кухне и разговаривали о чём-то. Хозяйка накрывала стол. Таи в шутку сказала:

– Ну, вот и будущая жена пришла, – но Лео не отреагировал на слова и посмотрел на Тани равнодушно.

Тани сразу отметила его и сказала себе, что добьётся своего и станет женой. Из приличия он проводил её до общежития. Эту ночь Тани

практически не спала. Перед её глазами стоял Лео, с которым она познакомилась. Она втайне надеялась, что дала Лео понять, что он ей понравился. Начала ждать приглашений на свидания. Но он был занят своей работой. Она бегала за ним как собачонка, ждала после лекций возле аудитории. Это было какое-то наваждение. Она понимала, что Лео не ухаживает за ней, так как не успел её полюбить. Раз они не встречаются, то он ничего не знает о ней, возможно, когда она признается в любви, то обратит внимание. Мысли о нём не давали ей покоя.

Пусть это не любовь, пусть потом, всё остальное потом, лишь бы сейчас выйти замуж!

Она уже представляла себя в свадебном платье, думала о том, как будет выглядеть, что скажут подруги, приятельницы, мать и, конечно же, однокурсницы. Тани представлялось триумфальное шествие в свадебном платье, а сама свадьба, как победа над её скучной, никому не нужной жизнью. Тани шла к своей цели настойчиво и совершенно не собиралась сдаваться. Побродив по городу до пяти часов, она стала вертеться возле дверей учебного здания и ждать намеченный ею объект. Прождав чуть больше тридцати минут и за это время уже успев замёрзнуть, девушка увидела Лео в окружении двух мужчин. Один был её преподаватель. Не став ждать, Тани подошла к шедшим ей навстречу людям.

- Извините, Лео, Вы бы мне не смогли уделить несколько минут?
- Для такой приятной молодой девушки у него всегда время найдётся, слегка улыбнувшись, ответил один из преподавателей.

Оставшись наедине с Лео, в самый ответственный момент, Тани охватил страх. Все заранее приготовленные фразы в одно мгновение вылетели из головы. Она почувствовала, как сильно забилось сердце в груди, как начали холодеть руки.

- Так о чём Вы со мной хотели поговорить? неожиданно для Тани спросил молодой преподаватель.
 - Я? испугано спросила она.
 - Что с Вами?
- Я, видимо, влюбилась, вырвалось из уст студентки.
 - Разве это плохо, когда любишь?

Эти сказанные молодым человеком слова сразу отрезвили девушку, и она, поняв, что теряет драгоценное время, спросила:

- Может, мы с вами встретимся?
- Хорошо! ответил он.

Сердце у Тани учащённо забилось. Она попросила его проводить до общежития. Тани взяла Лео под руку. На улице стояла замечательная зимняя погода. Был небольшой мороз и шёл снег, который, кружась в воздухе, медленно падал. Все прохожие куда-то спешили. Только одной Тани некуда было спешить. В общежитие ей совершенно идти не хотелось, как и расставаться с ним. Незаметно они добрели до общежития. И она, поцеловав его в щёку, сказала:

- Я Вас люблю. Я Вас безумно люблю. Я буду Вам хорошей женой.
 - Зато я не люблю.
- Я знаю, я чувствую, что наступит время, когда меня тоже полюбишь. Мы зарегистрируем наш брак.
- Брак это комедия, только если двое не любят друг друга, ответил Лео.
 - Но я люблю тебя!
- Любовь! воскликнул молодой человек. –
 Что такое любовь? Ты хоть знаешь, что такое Любовь?
- Да, знаю! ответила она. Это когда с любимым рядом, даже если он не чувствует тебя.
- У тебя только физическое влечение, увлечение. Только не любовь, Лео стал философствовать, и он стал объяснять Тани, не считаясь с её чувствами. Конечно, из взаимного физического влечения может развиться любовь, но настоящая любовь не может быть только физической. Чтобы любить по-настоящему любить нужно понимать человека, нужно знать его и уважать его. Нужно искренне заботиться о его благополучии.
- Я буду заботиться о тебе, искренно ответила Тани.

На следующий день она заглянула в аудиторию и сказала, что будет его ждать возле учебного корпуса после работы, и попросила, чтобы он не задерживался без причин. Увидев Лео, она бросилась ему на шею и стала целовать.

- Что ты делаешь? Люди смотрят, испугано пролепетал он.
 - Ну и пусть. Пусть завидуют.
 - Чему?
 - Моему счастью.
- Опомнись, что ты несёшь! Какому счастью?
 Что за чушь ты вбила себе в голову.
- Мои мысли только о тебе! Ты стал моим наваждением. И днём и ночью я думаю только о тебе. Я готова часами слушать тебя, сидеть рядом и слышать твоё биение сердца.
- Мне приятно это слышать. Но... я... не смогу тебя любить.
 - Я буду любить тебя за двоих.

В этот вечер разговора не получилось. Лео убеждал, что любовь, как и насморк, рано или поздно проходит. У одного она длиться неделю, а другой от его избавляется в течение нескольких дней.

- А что делать тому, у кого он хронический? поинтересовалась девушка.
- Мне кажется, что ты просто влюблена, и скоро это пройдёт. Понимаешь, влюблённость это романтический миф, пытался достучаться до Тани, переубедить её, что она напрасно старается затянуть его в свои сети. Нас всех убеждают в том, что однажды мы кого-то встретим и влюбимся, но это происходит редко. А если и происходит, то ненадолго.

Придя в общежитие, Тани, уткнувшись в подушку, проплакала всю ночь. Она сидела и не

могла понять, почему мир так жесток. Её подушка была вся мокрая, глаза стали красными. Почему он не любит? Но, видя, что на горизонте кроме Лео подходящей кандидатуры нет, она решила не сдаваться и пойти на хитрость. Девушка позвонила своим родителям и Таи сообщила, что собирается выходить замуж. Подругу попросила, чтобы она помогла ей выйти за него, Таи спросила её, он согласен. На что она ответила честно.

– Нет. Он ничего ещё не знает, что скоро станет моим мужем... Но он станет. Я это точно знаю. Я в этом уверена. И ты в этом мне поможещь

Своих подруг по училищу стала обманывать, что скоро у неё будет свадьба. Таи решила помочь подруге и пригласить Лео в гости. Он пришёл и, увидев Тани, его охватил панический страх. Лео понял, что сейчас они начнут его обрабатывать. Плохо это было, или хорошо, Лео уже не знал. Он винил себя, что был нерасторопен в поисках девушки, которая могла ослабить схватку Тани. Если она увидела его с другой девушкой, то бы она вряд ли, так настойчиво стала бы добиваться. В его голове промелькнуло, что завтра он точно постарается с кем-нибудь познакомиться, чтобы оградить себя от неё.

- Ну, вот, подумал он про себя, сейчас тебе предстоит психологическая атака, которую ты должен выдержать.
- Извините меня, сказал Лео, я ненадолго, посижу часок, и пойду.

На скорую руку приготовив обед, Таи пригласила всех к столу. За столом Таи расхваливала свою подругу как хорошую хозяйку и говорила, что пора остепениться и лучше жены, как она, не найти. Выждав подходящий момент, Тани подошла к Лео.

- Таи, Стас, я очень люблю этого человека и хочу, чтобы он стал моим мужем, – показав пальцем на Лео, произнесла Тани.
- О чём ты говоришь?! возмущённо произнёс Лео. Как это можно силой заставить человека жениться! Этому не бывать!
- Нет! Бывать! Я от тебя не отстану. Я уже решила, что ты станешь моим мужем. Всё равно я добьюсь этого, каких бы мне это усилий не стоило.
- Всё, хватит! Что за спектакль ты здесь устроила? зло усмехнувшись, спросил он, вставая из-за стола. У меня нет нормальной квартиры, заработок маленький. Ещё ты со своим браком. Подумай над тем, что ты говоришь.

Хозяйке квартиры с большим трудом удалось уговорить Лео не уходить. Постелив гостям в зале, сама с супругом ушла в спальню. Каково же было удивление Таи, когда она увидела, что Лео и Тани спят вместе, обнявшись. Как этой студентке удалось лечь в постель к нему и уговорить осталось для всех тайной. Проснулась Тани весёлой и довольной жизнью. Теперь Лео придётся жениться на ней...

VII

Первые годы семейной жизни Лео и Тани обитали в малюсенькой квартирке с одной комнаткой, где стояли печка и кровать. В этом неудобстве она не видела ничего особенного тогда все так жили. Сколько она ни силилась, не могла вспомнить взгляда Лео, направленного на неё. Его глаза смотрели всегда куда-то мимо, в сторону, вдаль. Он почти никогда на неё не смотрел. Не хотел. Не интересовала она его ни с какой стороны. Даже, пожалуй, больше того, она его раздражала. Она ненавидела себя. Ненавидела людей, которые окружают её. По ночам она плакала от того, что такая несчастная. Ей бывало так больно от всего этого, что, думала, сердце разорвётся, не выдержав такой боли. В общем, не получилось у них ни любви, ни дружбы. Родив дочь, Тани располнела, поправившись на двадцать килограмм. Девочка родилась крепенькой. Лео от счастья летал на крыльях. Он был счастлив своей дочкой. Ни на минуту не отходил от своей крошки.

Со временем они почти перестали разговаривать. У мужа были свои заботы, в которые он Тани не посвящал. У неё новостей, которые могли бы его заинтересовать, тоже не было. Тани оскорбляло равнодушие мужа. Когда она пыталась с ним заговорить, он смотрел на неё пустым взглядом, в котором сквозила скука смертная. Глядя в глаза дочери, полные печали, он чувствовал себя плохим отцом и не мог с этим справиться. Видеть жену и дочь становилось всё сложнее, и он стал появляться дома поздно. Однажды, вернувшись, он с порога объявил, что пора с этим кончать. Его решение уйти из семьи окончательно и обжалованию не подлежит. Но, Тани сумела остановить развал семьи. Лео потом долго себя винил, что не сумел тогда бросить их. Тани стала позволять себе критиковать недостатки своей половины, порой в язвительных выражениях, не щадя самолюбие Лео. На этой почве стали часто ссориться. Чтобы как-то расшевелить мужа, Тани пробовала устраивать истерики, но не помогло. Он смотрел на рыдающую жену холоднооценивающе, отпускал какое-нибудь язвительное замечание и исчезал из дома. Они прожили вместе шесть лет, и ей казалось, что немалый стаж супружеской жизни – свидетельство привязанности мужа к ней. Чтобы припугнуть его, во время очередного скандала Тани заявила, что больше не позволит считать себя пустым местом, и если муж не изменит своего отношения, то она подаст на развод.

– Нет проблем, – обрадованно ответил Лео. – Я и сам давно собирался, да вот дочку жалко.

И тогда она испугалась. Коллеги считали, что Тани очень повезло в жизни.

- Как это тебе, провинциалке, удалось охмурить такого мужчину? спросила её как-то коллега по работе.
- Он в меня влюбился, как только увидел.
 Прохода не давал.
 - А вы долго встречались?

– Нет. Он сказал, что если я с ним не пойду в ЗАГС, то умрёт. Я очень испугалась. Мне его стало жаль, и я согласилась стать его женой, – соврала Тани.

Она не могла говорить правду, что нет в их семье не то что любви, но и уважения. Эта пропасть между ними давно образовала глубокую болезненную рану внутри. И она ничего не могла сделать. Надеялась что, когда-нибудь эта рана заживёт, и края лоскутков приблизятся друг к другу и заживут. Но жизнь шла, а рана не заживала. Сколько лет прошло? Шесть? Да, почти семь лет, как они вместе. Тани вспомнила их ссору до Энжел, когда он попытался с ней расстаться.

- Тани, скажи, почему мы с тобой живём вместе? спросил Лео, отхлёбывая чай.
- Ты что, забыл? Мы женаты! Тани взяла чашку и направилась в комнату, но он её остановил, взяв за руку:
- Подожди. Да, мы женаты вот уже несколько лет, но разве мы семья?
- Снова за старое? Сколько раз мы это обсуждали!
 Тани зло взглянула на него и попыталась вырваться.
- Тани, я не сплю с тобой несколько месяцев.
 Это что, семья? продолжал удерживать жену Лео.
- Отстань! Как ты мне надоел! Удивительно, несколько лет назад я всё сделала, чтобы выйти за тебя замуж, а теперь ты стал мне так противен! Тани поняла, что в сердцах сказала лишнее, но было поздно.
- Стал противен? Лео оторопел и удивлённо посмотрел. Да, ты всё сделала для того, чтобы мы расписались. Я бы никогда на тебе не женился, если бы ты не делала козни против меня.
- Я тебя тогда любила! Всё равно я не дала бы найти тебе девушку! выкрикнула Тани. Я не дала бы тебе встречаться с кем-нибудь. Когда на тебя посмотрела одна, я всё сделала возможное, чтобы она не подходила к тебе. Я знаю, что тебе понравилась она. И я постаралась, чтобы она уехала из нашего города. Другие девушки поняли, что ты занят и не старались соперничать со мной. А потом решила тебе отомстить, за то, что ты не обращаешь внимания на меня. Я изменила тебе.

Лео со всей силы сжал руки Тани.

- Ну, ты и мразь.
- Отпусти, мне больно! пыталась вырваться она из его рук, но Лео держал крепко. Ну, и что дальше. Что это изменит? Ну, разойдёмся мы с тобой, ну и что? Всё равно ты не женишься на другой! Потому что я не допущу этого. Я думала, что смогу заставить тебя полюбить меня. Тани опустилась на стул. Надеялась, что измена тебя отрезвит. Но ты словно и не заметил.
- Какая ты глупая! Ведь насильно мил не будешь. Лео взял табурет и сел возле стола. Рассказывай о своих любовных романах. Я знаю про них, но мне бы хотелось услышать от тебя лично.

- Когда ты уехал в экспедицию, я пригласила Игоря к нам. Он давно был ко мне неравнодушен. Да, и часто потом с ним встречались у нас дома в твоё отсутствие. Я, правда, не думала, что он расскажет. Мне с ним было хорошо, не то, что с тобой.
 - Что-о? Лео встал. Что ты сказала?
- Что, что! Что слышал! выкрикнула Тани.
 Лео сначала услышал звук пощёчины, а потом сообразил, что он ударил жену.
- Молчи и слушай, перебил он её, мы пойдём в ЗАГС и разведёмся. Я думаю, что проблем не будет, мы давно не спим как супруги. Квартиру эту оставлю тебе, где жить я найду. Алименты на дочь я буду платить исправно. Но ты не попадайся мне на глаза. Поняла? Я не хочу видеть тебя. Ты исковеркала мою судьбу, и этому прощения нет.

Лео ушёл в комнату, оставив жену на кухне. Но Тани снова постаралась уладить их отношения. Слезами, уговорами, просьбами о прощении и сексом она тогда уговорила его не разводиться. Он простил тогда, подумав:

 Ладно, оступилась она, больше так не поступит.

И старался этот эпизод семейной жизни больше не вспоминать. Много месяцев она стремилась быть примерной женой.

В последнее время в их доме что-то происходило, Эли чувствовала это. Она хотела плакать, но боялась, что это может расстроить мать ещё больше. Когда вся семья собиралась под одной крышей, как будто электрические разряды насыщали атмосферу дома, казалось, ещё чуть-чуть, и ударит молния. Она не понимала, что происходит, и поэтому страдала. И она от этого замыкалась. Девочка любила и отца, и мать. К отцу её тянуло даже больше, чем к матери. Отец, подтянутый, с густыми чёрными волосами, выглядел моложе своих лет. Больше всего Эли любила его улыбку и заразительный смех. Она тоже не могла удержаться от смеха, если отец начинал смеяться. Эли и внешне, и характером больше походила на отца. Такая же черноглазая и спокойная. Он для неё всегда был добрым, не кричал, не ругал её сильно даже за какие-то проступки.

Один раз девочка случайно подслушала разговоры родителей, которые раздавались в кухне. Она тихонько подошла к двери и приоткрыла её. Голоса стали громче, и через неплотно прикрытую дверь донёсся голос отца:

- Я так жить больше не могу. Я люблю её, и ты не удержишь меня. Зачем нам жить под одной крышей, если у нас нет ничего общего, кроме дочери?
- Разве этого мало, Лео? раздался голос Тани.
 У тебя есть ещё и сын, сказала она, всхлипнув.
- Вот этого не нужно, Тани, возмутился он.
 Сначала докажи, что он мой. Это случайно не твоего любовника Игоря? Давай сначала сделаем ДНК, если подтвердится, то я признаю его

своим. Завтра я возьму у них волосы и пойду проверю.

- Попробуй только подойти к нему, я убью тебя, зашипела злобно она, как кошка, которая защищает своих котят.
- Если бы они были моими, то ты бы так не вела себя, дорогая, усмехнулся он и очень внимательно посмотрел на жену. Это не такая уж и сложная процедура, дорогая! Зачем нервничать? Боишься, что там откроется правда? Я же тебе говорил, что не люблю тебя и не полюблю. И дочерью меня не удержишь. А тех детей, пожалуйста, не приписывай меня. Ты прекрасно знаешь, что они не от меня.
- Я буду всем говорить, что это твои дети. Никто не докажет, что они от других. Они носят твою фамилию. Никто к ним не подойдёт, чтобы проверить их.
- Это твоё дело! махнул рукой он. Если оставишь меня в покое, то я ничего предпринимать не буду. Я имею право начать жить сначала, создать новую семью.

Эли услышала, как мать всхлипнула. Оглушённая словами отца, она замерла посреди комнаты.

- Как ты можешь так говорить? Я старалась в эти годы, чтобы ты был счастлив, родила дочь, и теперь ты хочешь бросить нас? Как я буду одна поднимать детей?
- Я оставляю тебе квартиру. Заберу только свои вещи.
- Лео, ты думаешь, я не понимаю, что ли? Верю, что любишь её, горько сказала Тани. Ну, чем она лучше меня? Она не моложе меня. Чем там лучше? Неужели только тем, что она красивей? Она стерва, она... шлюха... Она...
- Брось приклеивать ей свои ярлыки, взвился Лео, она не шлюха, а моя возлюбленная. Не смей пачкать её имя. Сначала посмотри на себя, раз в подоле принесла мне мальчишку от другого мужчины, думала, что не замечу? Ты думаешь, что мне не сказали об этом? Я молчал, чтобы не выносить ссор из избы. Посмотри, он даже на меня не походит. Понимаешь ты всё прекрасно. И, кстати, сын смахивает на нашего с тобой общего друга. Я смог бы воспитывать чужих детей, но не такой уж ценой.

Он мотнул головой и зашагал по коридору мимо жены, не глядя на неё. Главное не смотреть. Тани оправилась быстро. Она не собиралась сейчас спорить, но не желала и сдаваться.

- Я буду рядом с тобой, потом, подумав, сказала. Раз так, то ты никогда не увидишь своей дочери, громко произнесла она ему уже в спину, надеясь, что хоть это его остановит. Ты не сможешь видеться с ней! Я мать!
- Матъ?! Лео остановился, оглянулся, посмотрел свысока, как будто даже с удивлением. Тани знала такой взгляд, пожалуй, даже слишком хорошо знала. И не побоялась взглянуть в его глаза.

Она решила не сгибаться, хотя и была ниже ростом. Даже теперь – тот же взгляд, та же

приподнятая бровь, тот же вызов! Как смеет? Почему?

Мать?! – он полностью повернулся к ней.
 Сейчас Лео словно стал выше ростом. Грозный.
 Мать, которая бросала их, предпочитая развлекаться? Мать, которую и найти можно только через любовника?!

Он распалялся всё более, не видя и не слыша ничего вокруг. Он уже кричал. Тани продолжала стоять, не отвечая, смотрела уже на него с испутом и уже жалела, что не дала уйти. Она старалась не отводить взгляда и даже не сморгнуть лишний раз – глаза предательски щипало. Показать слёзы уже слишком. Он всё равно не обратит внимания, да и не поверит. Тани вздрогнула и в безотчётном волнении подняла руку. Но Лео развернулся и вышел. Он уходил. Он не просто уходил. Он бежал из этого дома! Его переполняло разочарование, недоумение, злость! Он ушёл и так ни разу и не обернулся. Ошеломлённая, она смотрела на захлопнувшуюся дверь и ничего не могла поделать с этим. Так хотелось ей крикнуть ему вслед:

– Подожди, остановись! Я постараюсь измениться, – но она в бессилии опустилась на стул, понимая, что его ничем не остановить, даже дочерью.

Не верилось, что вот так может всё закончиться. Неужели после всех этих лет совместной жизни он смог вот так просто развернуться и уйти. Уйти, даже не сказав, что сочувствует? Но он смог. И это было так похоже на него. Она понимала, что он не любил её, что просто позволял любить себя, целовать, быть рядом. Тани всегда была рядом с ним, но никогда – вместе с ним, а его сердце принадлежало другой. Всегда в такие моменты она чувствовала, что он далеко от неё. Рядом было только его тело, а мысли постоянно пребывали где-то в другом месте. Лео никогда не смог бы ответить на её чувства так, как ей того хотелось. Возможно, из жалости он и остался бы с ней, если бы не Энжел, и ей было обидно за себя, что он был все эти годы рядом из жалости. Все эти мимолётные интрижки и увлечения помогали лишь забыться на некоторое время, но не забыть. Ей оставалось только в ярости от собственного бессилия сжимать кулаки и до крови кусать себе губы. Тани сидела одна в своей комнате. Уже давно стемнело, но света она не зажигала. На душе тоже было темно, и внешняя темнота сейчас помогала смириться с темнотой внутренней. Смириться с болью, смириться с разочарованием. Сначала она долго плакала, но слёзы иссякли, а легче не сделалось. Да и не должно стать легче. Всё правильно.

«Так тебе и надо! Сама виновата!» – подумала она, вытирая слёзы. Нужно жить дальше, и она докажет ему, что сможет поднять и воспитать их лочь

Он шёл, постепенно ускоряя шаги.

«Ещё немного, – думал, он, – и я увижу её! Ту, которая стала смыслом моей жизни, ту, которая перевернула весь мой мир. Ту, которой он теперь живёт».

Холодало. Вечер медленно переходил в ночь, загорались фонари. Он спешил к любимой. Лео выбросил из головы скандал с женой, она не помешает их любви, думал он, пока шёл. Они всегда будут вместе. Лео торопился и думал о Энжел, думал о том, что скажет при встрече.

– Я всегда буду рядом с тобой, милая! Звёздочка ты моя ясная! Буду всегда тебе говорить только ласковые слова.

Когда вошёл в квартиру, она побежала и слегка споткнулась. Он поддержал её, и Энжел ахнула, почувствовав прикосновение его пальцев. Время замерло. Голос отказывался ей служить. В течение четырёх безумных секунд она стояла в его объятиях, уткнувшись лицом в его грудь, и не хотела ничего другого. Посмотрев на Лео, она сказала, слегка заикаясь:

– Привет, Лео!

Какие глаза! А голос! Мягкий, нежный. От звука её голоса у него мурашки пробежали по спине.

- А какая улыбка! Сколько в ней женственности! А глаза! Как они сияют! – думал про себя Лео, гладя её по спине.
- Я ждала, ждала тебя! Её звонкий, словно колокольчик, голос проникал, завораживал, заставляя забыть о неприятном.
- Я спешил к тебе, чтобы быть навсегда с тобой. Лео был неимоверно счастлив наконец Энжел его Энжел рядом с ним. Он ласкал её, покрывал её лицо поцелуями. Лео приблизился к её уху и нежно прошептал:

Я люблю тебя!

Она рассмеялась. Весёлый и красивый смех очаровывал, завораживал его. Она притянула его к себе и стала целовать. Их накрыла волна страсти, и они уже тонули в поцелуях.

- Лео! Какой же у неё сладкий голос! Сексуальный – подумал он, продолжая целовать её.
- Энжел! он коснулся лбом её лба, не дав продолжить. Милая моя! Радость ты моя!

Он был так счастлив! И он больше никому не позволит забрать у него это счастье! Никогда.

- Подожди, Лео! она посмотрела на него умоляюще.
- Я слушаю тебя! он остановился и с любовью посмотрел на неё.
- Я хотела сказать, что нужно попить чай. Я накрыла стол, а ты всё ещё не разделся, – она засмеялась, глядя, как он приходил в себя, понимая, что сильно увлёкся и забыл, что они стоят в коридоре.

Сидя на кухне, вслушиваясь, как говорит и смеётся его любимая, Лео всё никак не мог поверить, что скоро они будут вместе. Покончив с едой, Энжел вдохнула побольше воздуха в лёгкие и решила начать нелёгкий разговор, одновременно с осторожностью иногда поглядывая на реакцию Лео, сконцентрировав свой взгляд на тарелке. Он смотрел на неё таким ласковым взглядом, что просто язык не поворачивался начать этот разговор на такую боль-

ную тему. Воспользовавшись его молчанием, Энжел просто выдавила, кашлянув:

– Может, ты помиришься с ней и простишь её, – спросила она. – Мы бы постарались подружиться. Будем помогать ей.

Хотя Энжел прекрасно понимала, что эта женщина никогда не пойдёт на примирение. Да и сама она не очень-то желала этого. Лео был в шоке от слов. Сколько гадких слов вылила эта женщина на неё, и она хочет подружиться с ней.

— Энжел, да что ты такое говоришь??!!! — возмущённо воскликнул он. — Давай забудем про неё. Мне ты нужна. А с ней я потом поговорю. Хорошо?! — взяв себя в руки, спокойно попросил он. — Я хочу, чтобы нам никто не мешал. Только ты и я! — прошептал он, глядя, как она смотрит на него восторженно.

Он удивился, что она до сих пор наивно смотрит на реальные вещи. Лео взглянул на неё и вдруг увидел в ней ребёнка. Раньше она казалось взрослой девушкой со своей моралью и восприятием жизни, а теперь перед ней стояла маленькая девочка. Как она может ещё прощать и пытается оправдать эту женщину перед ним, которая обливала её грязью. Да она и сама видела её пренебрежение к их с Лео отношениям. Он громко выдохнул и опустил голову вниз. Как же тяжело всё это было. Принять верное решение. Намного легче было просто её ненавидеть. Голова шла кругом. Что же делать? Оставить всё так, как есть? Тогда она исполнит свои угрозы. Постараться простить, и помогать, чтобы она больше не влезала в их жизнь.

– Хорошо, я больше постараюсь не возвращаться к этой теме, – она глубоко вздохнула, – Лео, я боюсь. – Энжел подняла взгляд на него. – Что если мы не справимся, и тогда наша жизнь превратится в кошмар. Любовь растает, как облако. Что будет с нами?

Лео почувствовал, как сжимается сердце от беспомощно-доверчивого взгляда любимых глаз. Хотелось защитить её от жизненных невзгод и проблем. Он пойдёт на всё, чтобы его любимая была счастлива.

Всё будет хорошо, солнышко моё, всё будет хорошо, обещаю...

Она стояла возле раковины и мыла чашки. Лео подошёл к ней сзади, прижался щекой к её щеке и положил руки ей на бёдра. Она слегка откинула голову назад и замерла, ничего не говоря. Энжел смотрела ему в глаза, спокойно и доверчиво, как ребёнок.

- Милая моя, ведь ты для меня самое главное в жизни! Я с ума сойду, если с тобой что-нибудь случится!
- Со мной ничего не случится, потому что ты рядом, проворковала она.

Она подняла глаза и вновь утонула в бездонном омуте его влюблённого взгляда. Все обиды забылись, смытые нахлынувшей волной счастья. Он наслаждался каждым жестом, каждым звуком и был бесконечно счастлив.

Развод сделался неизбежностью. Сердце сжалось, что скоро она расстанется с ним. А любила ли она его? Тани не знала уже. Он не удивился тому, с какой яростью и ненавистью встретила его появление у судьи Тани. Она сейчас была похожа на медузу, готова была презреть все приличия и вцепиться ему в лицо. Её брат, довольно глуповатый человек с развязной походкой, поддерживал сестру и что-то постоянно шептал на ухо, однако она не особенно прислушивалась. Только подписав требуемые бумаги, Тани почувствовала, что не знает, как жить дальше. Ощущение было ужасное. Посмотрела в зеркало, на неё смотрело чужое измождённое лицо, на котором выделялись невыразительные брови, потухшие глаза. Затем она судорожно задрожала всем телом, завыла по-бабьи, часто всхлипывая и глотая горько-солёные губы, а тело само сползло на пол. Она была сама виновата в их отношениях и понимала это. Если бы не её любовник, то, может, Тани сумела удержать Лео. Но голос разума говорил, что нет. Любовник, что он из себя представлял? Она знала, что он никогда не заменит дочери отца. Он пил, гулял, но Тани его любила. Почему любовь бывает жестокой? Любишь человека, который не достоин любви. Лео знал о встречах Тани и другого мужчины. Он появлялся, когда Лео уезжал в командировку. Ему очень «доброжелательные люди» сообщали об этом. Теперь не нужно было прятаться, скрывать свои отношения от окружающих. Й позвонив ему, она пригласила его к себе. Была ли она счастлива! Она не могла сказать. Лучше бы она любила спокойного, честного Лео, чем страдала от любви к тому человеку, который изводил её. Но сердцу не прикажешь. Любовь слепа.

Плохо, что на развод он подал, – стала говорить вслух Тани. – Это же позор! Что делать-то? – спрашивала она себя. – Он же предлагал, чтобы я написала. Дура я! От хороших жён мужья не уходят. Я оказалась не только плохой женой, но и матерью. Ладно, я постараюсь не обращать внимания на сплетни, выдержу, – стала успокаивать себя она.

Дети стояли рядом и тоже плакали, глядя, как их мать сидит и рыдает.

- Что с тобой, мамочка? Тебе плохо? с неподдельной тревогой в голосе вопрошала дочь, всматриваясь в заплаканное лицо Тани.
- Нет, нет, всё в порядке, коротко бросила она.
- Мамочка, не надо плакать! обнимая за шею, говорила Эли.

Они с Лео ссорились – почти каждый день. Она не доверяла ему ещё в первые годы их совместной жизни, и поэтому у неё появилось собственническое отношение, она ревновала, как только он пропадал из её поля зрения или говорил с другими женщинами. В результате он начал чувствовать, что ему не дают свободно дышать и что он в ловушке. Своими страхами она отталкивала от себя того, кого любила.

А теперь осталась одна. Нет, не одна, у неё был другой мужчина. Но он был не Лео.

– Ничего, Эли, я сильная! Мы выдержим с тобой удар судьбы.

Лео пришёл в дом бывшей жены, чтобы собрать свои вещи. Тани стояла и думала, что может попробовать ещё раз остановить его. Хотя понимала, что если он решил уйти, то хлопнет дверью, и сердце его не дрогнет.

- Лео, пожалуйста, я постараюсь быть хорошей женой. Живи с ней, только не бросай нас.
- Не кажется ли тебе, что слишком поздно об этом думать.

Тани вздрогнула, как от пощёчины. Лео развернулся, поднял чемодан и, не оглядываясь, пошёл прочь. Она смотрела ему вслед молча, глотала слёзы, надеясь только на то, что сейчас её никто не видит. Оскорбление жгло сердце, но она не пыталась бороться. Обида была не самой страшной сейчас. Ужаснее было подспудное, но твёрдое осознание полного разрыва. Он не будет больше приходить, искать встреч с ребёнком, пытаться простить. Он уйдёт или уедет... к той, которую он сильно любит. Тани понимала, что Лео любит Энжел от чистого сердца, и завидовала. Она понимала, что та теперь часто слышит от него признания в любви, которых она была лишена за эти годы. Лео, действительно, чувствовал, как что-то постоянно толкает его признаться Энжел в любви. И он при встрече всегда твердил ей о любви. Энжел была счастлива.

Она накрыла его лицо своим, горячо целуя его и щекоча щёки и плечи мягкими, как шёлк, волосами. Лео обнял её и почувствовал, как умывается горячими слезами — её или своими — в эту минуту было не понять, да и не требовалось совсем. Они снова слились в одно и живое целое. И любые слова сейчас были лишними, как будто две тёплых морских волны сошлись одна с другой и растворились друг в друге, а короткий и звонкий всплеск их ушёл куда-то под небеса и растворился в пространстве. Энжел поднялась. Лео поцеловал её, сжал руку.

 – Милый, я сейчас приготовлю чай. Очень хочется пить после нашей страсти, – и мило ему улыбнулась.

Он смотрел, как она накидывает халат, слушал её признания, её шаги на кухне. Спустя минут пять Лео тоже поднялся, натянул брюки, босиком прошёл на кухню. Она хлопотала у стола. Лео подошёл и обнял её сзади.

- Знаешь, призналась вдруг Энжел, когда я проснулась, то подумала, что всё происшедшее вчера сон. Я так испугалась... Хотя ты расстался с ней навсегда, но я испугалась, что вдруг ты исчезнешь.
 - Неужели всё так плохо?
- Перестань! она наморщила нос, сдерживая смех.
- Этот сон не кончится никогда! пообещал Лео, а потом неожиданно спросил: – Ты помнишь нашу первую встречу?
 - Ещё бы! Я была жутко скованной.

- Неправда. Ты была очень прелестной, стеснительной и милой.
- Хорошо, если это слышать каждый день, мечтательно кивнула Энжел.

Он обнял её и стал целовать за ушком, что-то мурлыча ей.

- Чайник выкипает, сказала она спустя минуту, но всё же не делая попытки остановить его поцелуи.
 - Да бог с ним! Для меня ты важнее!

Энжел после чая вошла в ванную и включила душ. Ласковые струйки тёплой воды успокаивали. Она была счастливой, как миллионы влюблённых и любимых женщин. После рабочего дня они уже ехали домой вместе, как муж и жена. После ужина Лео подошёл к ней, когда она мыла посуду и начал целовать ей шею.

- Лео, что ты делаешь?
- Я?.. Надо подумать. Я целую тебя, милая!
- Можно я сначала помою посуду?
- Посуда не убежит, оставь на завтра, а мои поцелуи сейчас, а то мне очень плохо, не могу сдержаться, когда я вижу тебя такой соблазнительной.
- Лео! У нас с тобой вся ночь впереди! вытерев руки, она обняла его.
- Ночь почему-то бывает всегда короткой. И я хочу, чтобы ты всегда была в моих объятиях.

Сначала он целовал шею, потом губы, потом Энжел уже сдалась, и два горячих тела сошлись в одно целое. Наступило утро, и после такой ночи им было очень неохота просыпаться. Он аккуратно выбрался из тёплых объятий Энжел в объятия прохладной тихой комнаты и теперь, окинув любимую нежным взглядом, он тихо вышел из комнаты. Его душа пела, на работе он вернулся в нормальное русло, и больше ничто его не тревожило. Теперь они вместе бывали в командировках, отправлялись в экспедиции. В городах они посещали музеи, выставочные залы, мастерские его друзей художников, с которыми он учился в институте. Они ходили по гулким выставочным залам, останавливаясь у каждой стены. Все они были увешаны произведениями, созданными художниками.

Лео останавливался возле каждой и рассказывал о художнике, возвращался вновь к некоторым картинам, чтобы показать ей манеру письма и индивидуальность каждого автора. Картины, как всякие живые создания, ведали ей о том, что их создатели понимают не только язык цветов, но и шёпот, и вздохи ночной листвы, тайну весенних ливней, радуг, душу людей, глаза. Полотна жили, манили к себе. И Лео приглашал Энжел в мир художника, в мир, каким видит автор. Он словно брал её за руку, и они перемещались, где бродили среди великанов-деревьев, ходили по полю, грелись в лучах солнца. Энжел чувствовала, как солнце скрывалось за тучей, как дул холодный ветер, как верхушки деревьев тревожно шумели. Она чувствовала свежесть луга после сильного дождя, как сквозь лёгкие облака светит солнышко. Оно отражалось во всём: в образовавшемся после дождя небольшом озерце и на мокрых травинках и листочках. Все полотна пронизаны романтическими настроениями – ведь художники воспевают то, чем сами не перестают восторгаться.

Натюрморты оживали, заставляя Энжел почувствовать запах хлеба, кофе, чая, цветов. Мастерски были переданы ощущение внутренней жизни этих вещей, их тесная связь с атмосферой реального быта. Каждый предмет был наделён своим характером, в каждом подчёркнута его структура, его материальная природа. Свежая белая скатерть, румяная корочка хлеба, блеск стекла и серебра, только что сваренный кофе, треснутое стекло на окне, приглушённый свет, вино в бокале, в передаче всех этих мотивов художники достигают большой убедительности. И Энжел казалось, что она соприкасается с той действительностью, которая была запечатлена на холсте. В музеях она видела великие полотна художников. Он терпеливо рассказывал, объяснял, втолковывал. Портреты и пейзажи, жанровые сцены, представленные в залах музеев изобразительных искусств – это небольшой рассказ о жизни и творчестве известных художников. В музеях изобразительного искусства переплелись вселенская гармония, естество природы и буйство мысли художников. Единым аккордом всё это исходило от картин, мощно врываясь в душу Энжел, заставляя останавливаться перед каждым полотном – погружая в задумчивость на некоторое время. Они подошли к картинам Айвазовского. Здесь было море чувств. Энжел то отходила, то приближалась к шедеврам. Неукротимая энергия водной стихии была покорена лишь Айвазовскому. Мастер кисти черпал вдохновение и силы в непокорённом великом море. Энжел восхищалась мастерством.

- Писать надо не красками, а чувством, сказал Лео, когда они подходили к пейзажам и натюрмортом, и добавил: – Это слова Шардена. Каждое произведение – это душа художника.
- Я эти работы только в журналах смотрела. А здесь они живые. Как будто читаешь их, живёшь, и время останавливается.

Они шли по городу, держась за руки. Говорили о какой-то ерунде или просто слушали пение птиц. Энжел чувствовала себя свободно и весело. Ей хотелось дурачиться, словно в далёком детстве. В какой-то момент это легкомысленное желание взяло вверх, и она повернулась лицом к Лео и, смеясь, несильно толкнула его. Он ступил в лужицу и тоже засмеялся. Сделал решительный шаг навстречу к ней, но Энжел, развеселившись окончательно, бросилась убегать. То была только игра. Он почти сразу догнал её, поймал в объятия и закружил по поляне. Вокруг никого не было. Вдали вился дымок. Затем резко остановился и с любовью заглянул в глаза, и произнёс очень тихо:

– Я тебя люблю.

Они долго целовались. От радости и томления кружилась голова. Поцелуи становились всё слаще. Он понимал, что не может отпус-

тить её и дать опомниться. Да и просто не хотел расставаться. Дальше... дальше было много всего, и она об этом не жалела. Он впервые в жизни испытывал к женщине столь глубокие чувства. Глубокие, нежные и острые одновременно. Проснувшись однажды и не найдя её рядом, он даже испугался на какой-то миг, что всё произошедшее ночью было только фантазией. И вот сейчас наблюдал за ней. Стройное, гибкое, яркое видение... такое ласковое и желанное... Даже теперь когда всё уже случилось, Лео не испытывал усталости и удовлетворения, как то обычно бывало. Он желал эту женщину так же сильно как все проведённые дни с ней.

- Я люблю тебя, Энжел! сказал он нежным голосом, от которого у неё замерло сердце, ожидая не только признания. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой.
- Лео, ты совсем не отдаёшь себе отчёта, она попыталась придать своему голосу побольше строгости, но глаза выдали её.

Улыбнувшись взгляду Энжел, он прижал её к себе.

– Я уже давно думаю не только о тебе, но и над предложением. И днём, и ночью. Энжел... жизнь моя... – зашептал он, перебирая её волосы.

Его нежности Энжел не могла сопротивляться.

– Выходи за меня, пожалуйста, я сделаю тебя самой счастливой. Я обещаю! – продолжал говорить Лео.

Разве она могла отказать ему? Услышав её тихое согласие, он на несколько секунд со всей силы сжал её в объятьях. Поцелуи Лео не только не вернули ей возможность мыслить и дышать, но и вовсе унесли в страну любви, где были только они. Только они одни.

- Ты обещала кое-что, помнишь? проводя по груди пальцем, сказал Лео.
- Да? И что же? спросила она, обнимая его.
- Что выйдешь за меня и будешь жить со мной там, где буду находиться я.
- Да? Серьёзно? Энжел состроила серьёзную гримасу. А я и забыла вообще-то. Выбор не из лёгких!
- Что?! подыгрывая, Лео сделал испуганносердитую мину. – Ты передумала?
 - A если да?..
- Умру! Умру, если не выйдешь за меня замуж!
 Он опрокинул Энжел на спину и с печальным выражением поинтересовался.
 Ты ещё не передумала, а то я сейчас упаду замертво?!
- О да, мой повелитель и господин! Слушаюсь и повинуюсь! Только прошу, сейчас не умирать! Я всё сделаю, что ты прикажешь! рассмеялась Энжел.

Подняв руки, она обвила Лео за шею, запустила пальцы ему в волосы, прикрыла глаза. Сразу сделалось жарко. Одеяло скользнуло на пол. Очень скоро все посторонние мысли покинули их. Они сосредоточились друг на друге и любили так упоительно и нежно, что окружающий мир перестал существовать.

Торжество решили провести в кафе. Через месяц Лео и Энжел нарядные и красивые стоя-

ли перед дверями ЗАГСа. На регистрацию они подъехали минута в минуту. Отстояв церемонию, закидав при выходе молодожёнов конфетти и монетками, они поехали в кафе. Волнуясь, Энжел покосилась на длинное зеркало, висящее в коридоре кафе, и увидела в нём своё преображение. Сливочно-белая ткань обтягивала её стан, подчёркивала достоинства фигуры, придавая ей гораздо более мягкие и женственные очертания. Она критически посмотрела на себя, не оценив своей фигуры. Их пришли поздравить родственники, друзья и сотрудники. Рано утром, когда солнце ещё только разогревалось высоко в голубом небе и птицы негромко щебетали на ветках деревьев в ещё прохладном тумане, Лео уже стоял на ногах, смотря в окно, далеко за горизонт и глубоко задумавшись о своём.

- О чём думаешь? спросила Энжел, встав рядом с ним.
- Думаю, что нас с тобой ждёт в другом городе? ответил Лео, повернулся к ней и притянул в себе.
- Я думаю, что нам будет там очень комфортно,
 улыбнулась она и прижалась к нему.

Это был провинциальный город, пересечь который в то время можно было за два-три часа. Но по сравнению с их городом этот был в несколько раз больше. Здесь были многоэтажные серые дома. Она посмотрела на клочок неба между домами и разрезающими пространство чёрными жилками проводов. Под ним, справа и слева, серые одинаковые дома, отличающиеся лишь количеством трещин и застеклённых балконов. В самом низу дорога. Просторная лоджия открыта и внутрь втягивается сигаретный дым. Шум машин заглушает притихшие голоса птиц. Энжел тяжело вздохнула. Она никогда не понимала, кому пришла в голову мысль селить людей в бетонные коробки, такие высокие, что можно даже почувствовать, как по зданию гуляет ветер. Удобный способ решить жилищную проблему? Вот только жизнь такая создаёт ещё больше проблем. Ещё мучил один вопрос. Почему люди не любят свои дома? Дом – это отражение мыслей человека, того, каким он воспринимает мир, и нет ничего ужаснее, чем жить в одинаковых серых домах. По дому можно определить, какие здесь проживают люди, какое воспитание, и какой их внутренний мир. Энжел вспомнила дом у своих друзей, где были похабные надписи на стенах, грязный и вонючий лифт, в котором жильцы каждый день поднимаются на девятый этаж. Неужели им нравится жить в таких домах?

Их квартира нуждалась в ремонте. Организация несколько лет не делала капитального ремонта, не говоря о бывших хозяевах квартиры, чтобы сделать косметический. Энжел вошла в комнату и окинула взглядом выцветшие обои. Ванная комната была в плачевном состоянии. Кухня обклеена разными самоклеющимися квадратиками, которые смотрелись ужасно. Стены коридора и ванной комнаты были вы-

крашены в кремовый цвет. Напоминало учреждения советской эпохи. Энжел и Лео купили обои и краски. Они решили своими силами привести в божеский вид своё жильё. Сначала сделали ванную, затем кухню. Потом перешли к гостиной. Из второй комнаты они сделали кабинет, где могли спокойно работать. После целой недели тяжёлой работы им было очень приятно отдыхать в своей уютной квартире.

Тёплую и уютную атмосферу кухни подчёркивали шторы с кружевами, которые придавали особое обаяние. Белый кухонный гарнитур визуально расширял помещение. Стеклянный стол стоял около окна. В кабинете они поставили современную мебель светлых тонов. Возле окна стояли компьютерные столы. На столах компьютеры. Справа от двери вдоль стены стояли книжные полки. На полках стояли книги, сувениры. Большая комната была светлой и уютной, которая заменяла и спальню и гостиную. Потолки, покрашенные в светлые тона, делали её ещё больше просторной. На потолке висела шикарная люстра современного дизайна. Рядом с мягкой мебелью стояли журнальные стеклянные столики, а в углу комнаты стеклянная полка, на котором стояли привезённые сувенирные куклы с разных стран мира. Вдоль стены стояла современная стенка. Белый ковёр, лежавший около мягкой мебели, делал комнату ещё более уютной. Ванная комната была небольшой. Но душевая кабинка поместилась, что сделало её современной и уютной, что хотелось, лежа в ванной, просто отдыхать. На полочке лежало несколько сортов очень соблазнительного мыла, стояли флаконы душистой пены для ванн и шампуней, а на крючках висели тёмно-синий махровый халат и полотенца.

Водоворот событий захватил её целиком. Всё вокруг было ново, необычно и интересно. Каждый день она совершала маленькие открытия. Он с Энжел выезжал за границу. Показывал достопримечательности исторические и современные, ходили по выставочным залам и музеям. Знакомил с известными людьми. На светских тусовках она с умилением и восторгом смотрела на новых знакомых. Одним словом, Лео делал всё, чтобы Энжел была счастлива. Рядом с ним была женщина, о которой он столько мечтал. Он так долго создавал её образ в своих фантазиях, что готов сейчас сделать всё ради того, чтобы она всегда принадлежала ему. Волна блаженства подхватила её и понесла в неземные дали. Засыпая рядом с ним, она с нетерпением ждала нового дня, где будет что-то новое и необычное. Предложения о персональных выставках поступали каждый месяц. О нём писали журналисты. Его фотографировали. Интервью и съёмки на телевидении Лео искренне радовали Энжел, ведь в этом была и её частичка.

> Картина Леонида ЛАРА Конец первой книги